

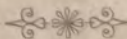
5

311

СОНЪ
КАКЪ ТРЕТЬ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА,
или
ФИЗИОЛОГІЯ, ПАТОЛОГІЯ, ГИГИЕНА
и
ПСИХОЛОГІЯ СНА.

М. М. Манасеиной,

почетнаго члена Общества врачей Восточной Сибири
въ г. Иркутскѣ.

МОСКВА.

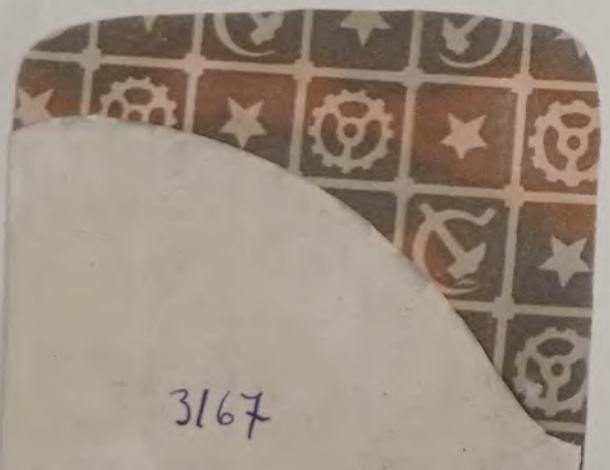
«РУССКАЯ» ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ, ТВЕРСКАЯ, Д. ГИНЦБУРГА.

1892.

15

Handwritten marks and faint text on the right page.

3167

PH

Раннелен

15
М-23-

СОНЪ

КАКЪ ТРЕТЬ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА,

ИЛИ

ФИЗИОЛОГІЯ, ПАТОЛОГІЯ, ГИГИЕНА

И

ПСИХОЛОГІЯ СНА.

М. М. Манасеиной,

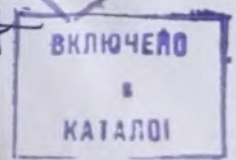
почетнаго члена Общества врачей Восточной Сибири
въ г. Иркутскѣ.

МОСКВА.

«РУССКАЯ» ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ, ТВЕРСКАЯ, Д. ГИНЦБУРГА.

1892.

1981

15 ✓

БИБЛИОТЕКА
Института высшей
нервной деятельности
Академии Наук СССР

3167

ОБРАЗОВАНИЕ
ИДУСТАМ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ
Государю Императору
Александрю Александровичу
и
ГосударынѢ ИмператрицѢ
Маріи ѲеодоровнѢ

посвящаетъ

сей трудъ

ВѢРНОПОДДАННИЧЕСКИ

авторъ.

О наукъ и популяризаціи ея.

(Вмѣсто предисловія).

Кому изъ насъ не приходилось и слышать и читать такого рода мнѣнія, что будто-бы всевозможные виды популяризаціи науки недостойны серьезныхъ и, такъ сказать, патентованныхъ ученыхъ. „Помилуйте, какой-же это ученый?! Онъ читаетъ публичныя лекціи, онъ пишетъ популярныя статьи и книжки, участвуетъ въ общедоступныхъ журналахъ! Какой-же это серьезный ученый?!“

Подобнаго рода разсужденія всѣмъ извѣстны; но не менѣе извѣстенъ также и тотъ поразительный фактъ, что, несмотря на такое отношеніе къ популяризаціи, съ каждымъ годомъ увеличивается и растетъ число патентованныхъ ученыхъ (докторовъ различныхъ наукъ, профессиональныхъ профессоровъ и т. д.), которые посвящаютъ, или пытаются посвящать свои силы и время популяризаціи своей наукъ, и въ рядахъ популяризаторовъ научныхъ знаній стоятъ теперь первоклассные выдающіеся ученые и даже гиганты науки (Гельмгольцъ, Дюбуа-Реймонъ, Вирховъ, Тиндаль и т. д.). Напротивъ того, въ рядахъ отрицающихъ и порицающихъ попу-

ляризацию все больше и больше остаются только те из ученых, которые, так сказать, страдают тем или иным косноязычием ума или речи.

Очевидно, что в данных противуречивых явлениях и взглядах сказываются два взаимно уничтожающих направления человеческого духа и, повидимому, последнее все больше и больше одерживает верх над первым и популяризация знаний, распространение научных истин, научных интересов в массе становится теперь таким же господствующим общим явлением, каким прежде была строгая и ревнивая обособленность всякой науки.

Констатировать, заметить факт не значит еще понять его значение. Для подобного понимания необходимо прежде всего уяснить себе причины, вызвавшие появление этого факта, необходимо, следовательно, проследить ход развития не только данного факта, но и вообще той группы явлений, к которой он принадлежит в виде отдельной частности. В интересующем нас теперь случае, придется, конечно, проследить за общим ходом развития науки и за различными видоизменениями во взаимных отношениях жизни и науки друг к другу, так как этим путем мы можем не только понять *raison d'être* различных противоречий по отношению к вопросу о популяризации науки, но и составить себе больше или меньше ясное и определенное представление о конечной цели всех видоизменений, происходящих во взаимных отношениях жизни и науки.

В качестве продукта деятельности человеческого мозга, в качестве продукта человеческой мысли наука должна представлять в основе своего развития те же процессы инволюции, эволюции и диссолюции, которые управляют, как известно, и всем ходом развития человечества вообще.

Вдумываясь в дело, мы убеждаемся, что весь ход развития науки в общем сводится во 1) на накопление различных фактов, различных знаний (инволюция и дифференцирование); во 2) на различного рода группировку собранных фактов, собранных знаний и на развитие, на основании этих группировок, новых заключений, выводов, предположений, взглядов и убеждений, т. е. на развитие новых знаний (эволюция), и во 3) наконец, на идущую вместе с тем диссолюцию мнений, взглядов и учений вследствие того, что многое, казавшееся прежде верным и незыблемым, оказывается, под влиянием новых фактов, новых знаний, совершенно ложным и нелогичным и мешающим дальнейшему развитию той или иной научной отрасли. Таким образом является необходимость в критике, в проверке накопившегося материала, при чем все снова и снова различные выводы, предположения и убеждения оказываются несостоятельными, не выдерживающими анализа и потому против них принимаются всевозможные меры, имеющие в виду их искоренение; одним словом, ведется настоящая борьба, пока, наконец, они не станут чем то отжившим и даже смешным в понятиях сначала большинства ученых, а затем и общества.

Вообще, всякое дальнѣйшее развитіе науки, всякое на-
ростаніе знанія, идутъ всегда рука объ руку съ критикой,
анализомъ, т. е. съ явленіями диссолюціи, и хотя тоже са-
мое происходитъ и во всемъ ходѣ развитія органическаго
міра вообще; но нигдѣ это не выступаетъ такъ отчетливо
и ярко, какъ въ исторіи науки, т. е. въ исторіи развитія
человѣческой мысли. Такъ, напримѣръ, не подлежитъ
сомнѣнію, что и физическое развитіе органическаго міра
вообще, и человѣчества въ частности, совершается тоже
путемъ этихъ трехъ основныхъ процессовъ, т. е. путемъ
инволюціи, эволюціи и диссолюціи; но роль диссолюціи
бываетъ ясно видна только въ качествѣ уничтожающаго,
разрушающаго момента, а не въ качествѣ могучаго по-
собника всякаго развитія, всякаго прогресса. Вслѣдствіе
этого, большинство авторовъ, по совершенно вѣрному
замѣчанію проф. Маудслея, толкуютъ объ инволюціи и
эволюціи, оставляя совершенно безъ вниманія роль дис-
солюціи.

Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что даже глав-
ные дѣятели диссолюціи, т. е. разнообразныя болѣзни,
являющіяся прямымъ отрицаніемъ существующаго, ока-
зываются въ тоже время могучими и главными побор-
никами прогресса, такъ какъ путемъ болѣзней разви-
ваются различныя полезныя видоизмѣненія физическаго
строенія, физическаго склада организмовъ. Къ сожалѣ-
нію только, мы не въ состояніи пока прослѣдить за
подобнымъ вліяніемъ болѣзней шагъ за шагомъ, хотя
многія частныя явленія и отдѣльные факты и указываютъ
на благотѣльное во многихъ случаяхъ дѣйствіе разно-

образныхъ страданій. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что
при нѣкоторыхъ болѣзненныхъ состояніяхъ роднички у
маленькихъ дѣтей очень долго не заростають и что по-
добныя дѣти, отличаясь большимъ объемомъ головы,
оказываются впослѣдствіи обладающими умственными
способностями, превышающими обычный средній уро-
вень. Въ данныхъ случаяхъ болѣзненное состояніе, мѣша-
ющее своевременному заростанію родничковъ, создаетъ
особенно благоприятныя условія для болѣе сильнаго
разростанія и развитія мозговой ткани.

Кромѣ того, извѣстно, что люди, подпадая вліянію раз-
личныхъ вредныхъ агентовъ, болѣють и умирають сна-
чала въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ впослѣдствіи; извѣ-
стно, что съ теченіемъ времени, люди акклиматизируются
или привыкають къ подобнымъ вреднымъ вліяніямъ и на-
чинають все меньше и рѣже страдать отъ нихъ. Что-же
это значитъ? Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ са-
мая болѣзнь создаетъ въ организмѣ мало-по-малу такія
измѣненія, которыя дѣлають его менѣе воспріимчивымъ
къ давнему вредному вліянію, дѣлають его болѣе спо-
собнымъ къ борьбѣ съ нимъ, или другими словами бо-
лѣзненныя явленія, т. е. явленія диссолюціи ведутъ къ
выработкѣ въ организмѣ новыхъ свойствъ, новыхъ спо-
собностей, дѣлающихъ его болѣе стойкимъ, болѣе силь-
нымъ. Сюда-же относятся и тѣ явленія, когда при не-
достаточности одного какого-либо органа въ тѣлѣ, дру-
гой органъ подпадаетъ болѣзненному измѣненію, бла-
годаря которому снова становится возможной нормаль-
ная, т. е. уравновѣшенная жизнь, организма. Этого рода

явленія известны въ медицинѣ подъ названіемъ *явленій компенсации*.

Однимъ словомъ, у насъ уже имѣется достаточное количество фактовъ для того, чтобы утверждать, что всѣ страданія и муки, т. е., всѣ болѣзни вообще, являются въ сущности великими поборниками дальнѣйшаго прогресса, дальнѣйшаго совершенствованія физической жизни человѣчества. Болѣзни суть ни что иное, какъ критика, отрицаніе существующаго ради высшаго идеала будущаго; болѣзни въ физическомъ отношеніи играютъ ту же роль, какую скептицизмъ, критика и отрицаніе имѣютъ по отношенію къ человѣческой мысли; но только, при настоящемъ состояніи знанія, мы не можемъ во всѣхъ случаяхъ прослѣдить за подобнаго рода полезнымъ влияніемъ болѣзней.

Въ мірѣ мысли значеніе процессовъ диссолюціи выступаетъ вполне отчетливо и можетъ быть прослѣжено по историческому очерку развитія каждой отдѣльной научной отрасли; потому что, какую бы науку мы не взяли, вездѣ мы видимъ повтореніе одного и того же явленія; а именно: подъ влияніемъ критики и анализа прежніе выводы и предположенія оказываются невѣрными и, подвергаясь исключенію, уничтоженію, замѣняются новыми, развившимися на основаніи новыхъ фактовъ, новыхъ знаній, и эта непрерывная и безконечная смѣна диссолюціи и эволюціи продолжается постоянно, такъ какъ въ ней-то и состоитъ сущность всякаго прогресса. Поэтому Гёте и называлъ критику высшей способностію нашего ума.

Итакъ, постараемся теперь опредѣлить, что именно мы можемъ вывести на основаніи исторіи развитія различныхъ наукъ вообще, или другими словами постараемся опредѣлить какія общія черты встрѣчаются въ исторіи развитія всѣхъ наукъ; потому что тѣ явленія, которыя повторяются неизмѣнно во всѣхъ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ знанія, и должны въ сущности указывать на основные законы развитія науки вообще, или точнѣе, на основные законы развитія человѣческой мысли, человѣческаго духа.

Не подлежитъ сомнѣнію, что какую бы науку мы не взяли, все одно, будетъ ли она принадлежать къ умозрительнымъ, или къ опытнымъ и эмпирическимъ, вездѣ и всегда первый періодъ ея оказывается неразрывно связаннымъ съ самой жизнью. Во всѣхъ отрасляхъ знанія дѣло начинается съ накопленія того или иного порядка фактовъ, представленій, явленій, то есть, съ инволюціи. При этомъ весь накопляющійся матеріалъ группируется на основаніи законовъ времени и пространства, т. е. всѣ факты, явленія, представленія ассоціируются сообразно съ одновременностію, послѣдовательностію, продолжительностію и съ опредѣленнымъ относительнымъ положеніемъ ихъ въ пространствѣ.

Этотъ первоначальный или исходный періодъ всякаго знанія, или науки, можетъ быть названъ также періодомъ перваго дѣтства науки, или первичной инволюціи. Въ это время жизнь и наука нераздѣльно связаны другъ съ другомъ. Затѣмъ, при известномъ накопленіи разнообразныхъ фактовъ, или другими словами, при

извѣстномъ накопленіи сыраго матеріала для построения извѣстныхъ знаній, начинается ощущаться въ человѣчествѣ необходимость тщательнаго и подробнаго изученія накопившагося матеріала и въ силу этого стремленія начинается сильнѣе проявляться неразрывно связанный со всякой инволюціей законъ дифференцірованія и результатомъ этого оказывается во 1) отдѣленіе науки отъ жизни съ развитіемъ извѣстнаго антагонизма между жизнью и наукой, и во 2) подраздѣленіе самой науки на отдѣльныя самостоятельныя отрасли.

Процессъ инволюціи, какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи, немыслимъ безъ одновременнаго дифференцірованія; такъ напр., для того, чтобы усвоить необходимую ему пищу, организмъ нашъ долженъ прежде всего дифференцировать, т. е. подраздѣлить ее на различныя составныя части. Это подраздѣленіе достигается при помощи того, что различныя клѣточные образованія нашего пищеварительнаго тракта обладаютъ способностію выбирать и поглощать изъ пищевой массы опредѣленныя только вещества; такъ, напр., эпителиальныя клѣточки кишечныхъ ворсинокъ выбираютъ частицы жира и всасываютъ ихъ, (Гайденгайнъ, Бунге), ту же самую способность проф. Заварыкинъ приписываетъ бѣлымъ кровянымъ шарикамъ и т. д. Впрочемъ, для того, чтобы произошло всасываніе жира пищи, дифференцірованіе должно сначала совершиться въ значительной степени, а именно, самыя частицы жира должны, подъ вліяніемъ сока поджелудочной железы, распастся на глицеринъ и жирную кислоту, которыя и поглощаются

эпителиемъ ворсинокъ и уже среди эпителия происходитъ снова соединеніе глицерина и жирной кислоты въ частицы жира (Перевозниковъ, Тархановъ).

Точно также и въ психическомъ отношеніи, каждый отдѣльный человѣкъ долженъ прежде всего научиться различать или раздѣлять падающія на него изъ внѣшняго міра безчисленныя, какъ морская зыбь, разнообразнѣйшія впечатлѣнія и раздраженія. Наблюденія на прозрѣвшихъ слѣпыхъ (Вардропъ, Чезельденъ и Утгофъ), а въ особенности наблюденія, произведенныя на просидѣвшемъ въ одиночномъ заключеніи все свое дѣтство, вплоть до 18 лѣтъ, Каспаръ Гаузеръ, доказываютъ самымъ несомнѣннымъ образомъ, что каждый человѣкъ долженъ сначала научиться надлежащему дифференцірованію своихъ безчисленныхъ впечатлѣній прежде, чѣмъ онъ получитъ возможность усваивать ихъ въ качествѣ сознательныхъ ощущений, превращаемыхъ затѣмъ, путемъ извѣстной группировки и ассоціаціи, въ опредѣленныя представленія и такъ далѣе. Тоже самое повторяется и въ развитіи науки вообще.

Само собой разумѣется, что во время перваго періода инволюціи всѣ накопляющіеся факты, всѣ накопляющіяся знанія утилизируются жизнью для ея ближайшихъ нуждъ и цѣлей и потому дифференцірованіе жизни и науки естественно должно было прежде всего вести къ развитію извѣстнаго антагонизма, извѣстной враждебности.

Наука, отдѣляясь отъ жизни, являлась, такъ сказать, въ роли взбунтовавшагося раба, который прежде

всего отказывался служить практическимъ нуждамъ и цѣлямъ жизни. Наука въ этотъ періодъ своего историческаго развитія выдѣлила изъ себя, какъ нѣчто недолжное, всё тѣ отрасли, которыя по самой своей сути, должны были служить практическимъ нуждамъ жизни и такимъ образомъ рядомъ съ дифференцированіемъ жизни и науки шло также и дифференцированіе науки и ремесль.

Въ то же время все болѣе и болѣе начало выкристаллизовываться мнѣніе, утверждавшее, что наука существуетъ и должна существовать ради науки.

Къ этому времени относится начало развитія, какъ науки о числахъ, такъ и науки о пространствѣ, рядомъ съ различными описательными науками. И это вполне понятно, такъ какъ человѣчество, привыкнувъ съ самаго начала ассоціровать пріобрѣтаемыя имъ психическія богатства, преимущественно, по законамъ времени и пространства, тѣмъ самымъ дало значительный перевѣсъ этимъ двумъ формамъ своего мышленія надъ закономъ причинности вообще и закономъ достаточнаго обоснованія въ частности. Между тѣмъ, извѣстно, что какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи особенно пышно и сильно развивается и растетъ именно то, что всего болѣе упражняется и, слѣдовательно, тѣ формы мышленія, которыя заставляютъ насъ все представлять себѣ во времени и пространствѣ, должны были раньше развиться и окрѣпнуть, чѣмъ третья форма нашего мышленія, заставляющая насъ во всемъ искать причинной связи.

Развитіе первыхъ двухъ формъ нашего мышленія достигло такой степени развитія въ періодъ разъедине-

нія науки и жизни, что пытливый духъ человѣческой мысли превратилъ ихъ самихъ въ объектъ своего изученія и вотъ въ результатѣ явилась геометрія или наука о пространствѣ и наука о числѣ (арифметика, алгебра), которая въ сущности и есть наука о времени, какъ на это уже указывалъ И. Кантъ ¹⁾, но въ особенности ясно высказалъ Гамильтонъ, прямо называвшій алгебру наукой о чистомъ времени ²⁾.

И въ то время, какъ первыя двѣ формы мышленія развились настолько, что сами стали уже объектомъ научнаго изученія, третья форма мышленія, заставляющая человѣка отыскивать во всемъ причинную связь, очень рѣзко отстала въ своемъ развитіи и человѣческой умъ, привыкшій въ теченіе долгаго времени ассоціровать свои представленія, ощущенія и чувства, по ихъ мѣсту въ пространствѣ, а также и по одновременности или послѣдовательности ихъ, а слѣдовательно и лежащихъ въ основѣ ихъ явленій, самъ того не замѣчая, приравнивалъ одновременность или послѣдовательность явленій къ причинной связи ихъ и, слѣдовательно, вмѣсто закона причинности и достаточнаго обоснованія примѣнялъ искони привычныя ему законы времени и пространства.

¹⁾ *Imm. Kant*, Kritik der reinen Vernunft. Leipzig 1838, т. II стр. 126.

²⁾ *Hamilton*, Preliminary and Elementary Essay on Algebra as the Science of Pure Time. Transactions of the Royal Irish Academy. Dublin 1835 т. 17, часть II и *Его же* Lectures on Quaternions, см. предисловіе. Кроме того см. *Wundt* Logik, т. I стр. 469. *Walter Brix*, Der mathematische Zeitbegriff und seine Entwicklungsformen въ Philosophische Studien 1889, т. 5, тетр. 4 и 1890, т. 67 тетр. 1 и 2.

При такомъ ходѣ развитія человѣческой мысли нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что *post hoc ergo propter hoc* такъ часто является ключемъ къ объясненію всевозможнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ человѣческихъ заблужденій не только въ теченіе историческаго прошлаго, но даже еще и въ наши дни.

Дифференцированіе жизни и науки повело къ развитію взаимно враждебныхъ отношеній; потому что жизнь находила науку, отказавшуюся отъ прямого утилизированія знаній съ практическими цѣлями, чѣмъ-то излишнимъ, нелогичнымъ и даже вреднымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наука порождала новые взгляды, новыя идеи, шедшія въ разрѣзъ съ однажды установившимися мнѣніями, съ однажды установленнымъ жизненнымъ строемъ. Жизнь находила, что наука потеряла всякій смыслъ, разъ она отказалась отъ ремесленнаго примѣненія приобрѣтаемыхъ знаній, а наука, съ своей стороны, находила жалкимъ и пошлымъ искать во всемъ только практической выгоды; она находила, что приобрѣтеніе знаній, познаваніе истины само по себѣ уже составляетъ единственно достойную человѣка цѣль, ради которой можно и должно жертвовать всѣми удобствами, всѣми выгодами въ жизни. Стоитъ только вспомнить о Діогенѣ, жившемъ въ бочкѣ, о Демокритѣ, истратившемъ все свое состояніе на поѣздки съ научною цѣлью; стоитъ только вспомнить, что Сократъ былъ принужденъ выпить ядъ, что Аристотель долженъ былъ спастись бѣгствомъ изъ Афинъ, что Протагоръ тоже долженъ былъ бѣжать, а сочиненія его были сожжены публично палачемъ,—и вза-

имно враждебныя отношенія жизни и науки выступить для насъ вполне отчетливо изъ туманной сѣрой дали цѣлаго ряда столѣтій.

Дифференцированіе науки и жизни, разъ начавшись, шло неудержимо впередъ и наибольшаго своего развитія оно достигло въ средніе вѣка, когда дѣло дошло до того, что люди, желавшіе заниматься наукой, уходили въ монастыри, постригались въ монахи, такъ какъ только подъ сѣнью монастырскихъ стѣнъ можно было хоть сколько нибудь спокойно и безъ опасенія за собственную жизнь заниматься наукой. Такъ напр. поступилъ и Бруно, поступившій въ монахи ради того, чтобы обезпечить себѣ большую возможность заниматься научными изслѣдованіями ¹⁾.

Послѣ дифференцированія жизни и науки вражда ихъ обострялась каждый разъ, когда наукѣ удавалось добыть какую нибудь новую истину, провозгласить новое ученіе.

Практическая жизнь всегда и вездѣ являлась на стражѣ разъ установившихся взглядовъ, мнѣній, ученій; она всегда являлась охранительницей такъ или иначе сложившагося и преемственно передаваемого жизненнаго строя. Вслѣдствіе этого она жестоко мстила всѣмъ тѣмъ, кто такъ или иначе вносилъ въ нее новыя мнѣнія, взгляды, новыя истины или ученія и путемъ огня и меча, путемъ жестокихъ пытокъ старалась искоренить все то, что противорѣчило разъ установленному жизненному

¹⁾ Lange, Geschichte des Materialismus 1873, т. I.

строю и лежащимъ въ основѣ его взглядамъ, убѣжденіямъ и вѣрованіямъ.

Судьба Галлея всѣмъ извѣстна; Бруно былъ сожженъ на Кампофоре въ Римѣ, Спиноза былъ объявленъ въѣ закона и его нѣсколько разъ пытались убить изъ-за угла. Объ отношеніи жизни къ наукѣ можно составить себѣ понятіе уже по тому факту, что Коперникъ, какъ извѣстно, въ теченіи тридцати слишкомъ лѣтъ изъ боязни все откладывалъ печатаніе своего сочиненія, и когда оно, наконецъ, появилось, то ради безопасности было снабжено посвященіемъ папѣ и предисловіемъ, въ которомъ все излагаемое въ самой книгѣ ученіе вазывалось „гипотезой, которая можетъ быть не только невѣрна, но даже и совсѣмъ невѣроятна!“

Нѣкоторые авторы пытались объяснить разъединеніе науки и жизни влияніемъ монастырей на ходъ развитія человеческой мысли.

Попытки эти были совершенно ошибочны; потому что причина этого разъединенія кроется гораздо глубже — ее слѣдуетъ искать въ основныхъ условіяхъ самаго развитія науки.

Въ началѣ періода инволюціи, когда приобрѣтаемыя знанія не превышали извѣстнаго количества, они легко усваивались всѣми членами данной общины, даннаго племени или народа и каждое новое знаніе находило себѣ немедленное примѣненіе въ жизни. Затѣмъ, по мѣрѣ нарастанія суммы приобрѣтаемыхъ знаній, все болѣе и болѣе являлась необходимость дифференцированія жизни и науки; съ одной стороны потому, что количество налич-

ныхъ знаній оказывалось уже слишкомъ большимъ для того, чтобы имъ могли въ одинаковой степени овладѣвать всѣ члены данной общины, даннаго племени, а съ другой также и потому, что практическая жизнь, съ ея безчисленными будничными заботами, не оставляла людямъ того досуга, который былъ необходимъ для дальнейшей разработки разнообразныхъ сторонъ знанія.

По мѣрѣ того, какъ передъ взглядомъ окрѣпнувшей и развившейся человѣческой мысли развертывались все болѣе и болѣе широкія области разнообразныхъ изслѣдованій, разнообразныхъ знаній, досугъ, оставляемый требованіями и нуждами практической жизни, оказывался все болѣе и болѣе недостаточнымъ для научныхъ занятій и у людей, всецѣло отдававшихъ всѣмъ тревоженіямъ и радостямъ жизни, все сильнѣе и рѣзче сказывалась потребность ограничиться найденными истинами и однажды выработанными жизненными нормами; такъ какъ при неустанномъ отыскиваніи новыхъ знаній, новыхъ истинъ приходилось все снова и снова видоизмѣнять установившееся, приходилось все снова и снова переучивать уже заученное, перестраивать заново тотъ жизненный лады, который успѣлъ уже стать привычнымъ, а потому и милымъ.

Практическая жизнь очень скоро поняла, что при такомъ неутомимомъ движеніи мысли, человечеству не останется времени ни на радости, ни на наслажденія; а между тѣмъ, человечеству были особенно дороги его радости, его наслажденія, несмотря на всю ихъ мелочность, пустоту, а подчасъ даже и пошлость.

Въ результатъ всего этого логически должно было получиться ревнивое обереганіе однажды установленныхъ нормъ, однажды усвоенныхъ убѣжденій, взглядовъ, мнѣній со стороны всѣхъ тѣхъ, которые прежде всего хотѣли жить, жить для того, чтобы наслаждаться, радоваться и веселиться.

Напротивъ того люди, видѣвшіе главную цѣль жизни въ отысканіи и познаваніи истины, а слѣдовательно и въ приобрѣтеніи возможно больше новыхъ знаній, поневолѣ, роковымъ образомъ являлись враждебными только что указанному направленію, такъ какъ они постоянно вносили въ жизнь новые элементы и тѣмъ самымъ нарушали установившійся строй мысли, а слѣдовательно, и жизни. И вотъ жизнь въ отвѣтъ начала все болѣе и болѣе преслѣдовать ихъ, а они въ свою очередь привыкали все болѣе и болѣе презирать жизнь съ ея будничными интересами, съ ея мелкими радостями и мимолетными наслажденіями.

При такомъ отношеніи къ жизни поборники науки естественно должны были стекаться въ монастыри, такъ какъ тамъ они находили не только защиту, но и столь необходимые для научныхъ занятій покой и досугъ; а требовавшееся при этомъ отреченіе отъ міра и его радостей не представляло для нихъ ничего страшнаго или труднаго, потому что они вообще сознавали себя не отъ міра сего.

Такимъ образомъ, приписывать разъединеніе жизни и науки вліянію монастырей также мало возможно, какъ и объяснять привлекательной силой бочки то, что Ді-

огенъ избралъ ее своимъ жилищемъ, отказавшись отъ обычной жизни въ средѣ своихъ современниковъ.

Разъединеніе жизни и науки и появившаяся вслѣдствіе этого между ними вражда имѣла и хорошія и дурныя стороны. Преслѣдованія и гоненія повели прежде всего къ тому, что люди науки стали заниматься ею не ради временныхъ выгодъ и преимуществъ, а единственно ради жажды знанія, ради присущей человѣку любви къ истинѣ. Это, конечно, повело къ тому, что наука стала привлекать въ число своихъ тружениковъ только людей безкорыстно и искренно преданныхъ дѣлу и готовыхъ всѣмъ жертвовать ради приобрѣтенія новыхъ знаній, ради познанія истины. Въ тоже время отдѣленіе науки отъ жизни повело къ тому, что люди, посвящавшіе себя ей, занимались ею съ такимъ жаромъ и усердіемъ, съ какими они никогда бы не могли заниматься, еслибы не посвящали ей исключительно всѣ свои силы и все свое время и вниманіе. Подъ вліяніемъ этого, наука сильно двинулась впередъ, такъ что явилась необходимость дифференцированія самой науки на различныя болѣе или менѣе самостоятельныя отрасли.

Невыгода-же разъединенія жизни и науки состояла въ томъ, что наука, вслѣдствіе своего отчужденія отъ жизни, вслѣдствіе своего презрѣнія къ жизни, стала все болѣе и болѣе стремиться къ тому, чтобы вовсе обходиться безъ жизни и черпать все изъ себя самой. Это повело къ развитію умозрительныхъ методовъ мышленія, повело къ сильному господству словъ и выводимыхъ изъ нихъ понятій, повело къ преобладанію дедуктивныхъ

методовъ вмѣсто прежнихъ индуктивныхъ и въ конечномъ результатѣ получилось царство все мертвящей схоластики.

Необходимо еще упомянуть о томъ, что въ своемъ стремленіи, какъ можно дальше удаляться отъ жизни, наука стала даже избѣгать, пренебрегать общедоступнымъ, т. е. народнымъ языкомъ и съ теченіемъ времени начала пользоваться для этого латинскимъ, т. е. мертвымъ языкомъ. Кромѣ того, въ средѣ ученыхъ все снова и снова появлялась мысль создать свой собственный, чисто научный языкъ.

Епископъ Вилькинсъ еще въ 17-мъ столѣтіи написалъ по этому поводу сочиненіе ¹⁾. Лейбницъ тоже мечталъ о созданіи общаго философскаго научнаго языка.

Впрочемъ, не должно упускать изъ виду, что у многихъ народовъ древности существовалъ особый языкъ для жрецовъ, которые въ тѣ времена являлись представителями науки, представителями мысли. Такъ было напр. въ Индіи, въ Египтѣ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, также и у многихъ другихъ народовъ. Мы знаемъ напр., что въ древней Греціи существовало два нарѣчія: одно эолическое для мужичвъ, которое они употребляли при обсужденіи важныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣлъ, а другое женское, домашнее, народное нарѣчіе (іоническое). Въ Индіи языкъ жрецовъ (санскритъ) былъ

¹⁾ Essay towards a real Character and a Philosophical Language. London. 1668. Max Müller, Lectures on the science of Language. Second Series 1864.

также и языкомъ царей и вельможъ, тогда какъ пракритъ былъ языкомъ практической и домашней жизни. Въ кельтскомъ языкѣ тоже имѣлось два нарѣчія: габельское, мужское, для обсуждения различныхъ важныхъ вопросовъ и кимрское, употреблявшееся въ домашней обыденной жизни.

Послѣ распадения Римской Имперіи, въ Италиі, въ теченіи долгаго времени, латинскій языкъ оставался языкомъ ученыхъ и вообще литературнымъ языкомъ; тогда какъ собственно италянскій языкъ являлся языкомъ всенедней жизни и народа и вытѣсненіе латинскаго языка италянскимъ Дантъ объясняетъ вліяніемъ италянскихъ синьоръ; но объясненіе это не выдерживаетъ, конечно, критики. Обособленный языкъ для выраженія научныхъ истинъ и вообще для выраженія умственной работы долженъ былъ исчезнуть вездѣ, у всѣхъ народовъ именно потому, что и самая обособленность науки не могла существовать постоянно: рано или поздно, но она должна была уступить новому сліянію науки съ жизнью.

Мы уже упоминали выше, что періодъ инволюціи въ наукѣ распадается въ сущности на три отдѣльныхъ стадіи, а именно: 1) на подготовительную или первичную инволюцію, когда жизнь и наука бывають неразрывно связаны другъ съ другомъ; 2) на инволюцію, осложненную дифференцированіемъ жизни и науки, и въ 3) на дифференцированіе самой науки на отдѣльныя отрасли.

Первыя двѣ стадіи мы уже рассмотрѣли; теперь намъ

остаётся ещё сказать нѣсколько словъ о дифференцированіи науки вообще на отдѣльныя отрасли.

При извѣстной степени развитія науки распадёніе ея на отдѣльныя отрасли или части оказалось безусловно необходимымъ, ради лучшаго и болѣе подробнаго изученія каждой изъ нихъ. Кромѣ этой прямой выгоды дифференцированіе науки дало ещё нѣкоторыя другія не менѣе существенныя выгоды; таѣ напр., оно дало возможность опредѣлить неравномѣрности и пробѣлы въ развитіи отдѣльныхъ отраслей науки, и въ тоже время оно повело къ открытію новыхъ способовъ наблюденія и изслѣдованія соотвѣтственно со своеобразными особенностями каждой отдѣльной отрасли, оно повело къ открытію новыхъ приѣмовъ для фиксаціи всѣхъ приобрѣтенныхъ ранѣе и приобрѣтаемыхъ далѣе знаній.

Это ещё, впрочемъ, не все.

Дифференцированіе науки, все болѣе и болѣе усиливаясь, повело также и къ тому, что наука поняла невозможность черпать дальнѣйшія знанія изъ себя самой, она поняла необходимость вернуться къ наблюденію жизни, природы и такимъ образомъ положенъ былъ предѣлъ вредному господству схоластики. Одновременно съ этимъ крѣпло также и сознаніе въ недостаточности одного только дедуктивнаго метода и въ необходимости примѣнять также и индукцію, на что настоятельно указывалъ между прочимъ и Бэконъ Веруламскій.

Невыгоды слишкомъ большаго дифференцированія науки на различныя спеціальныя отрасли оказались состоящими главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ непріят-

ныхъ послѣдствій: люди, посвящавшіе себя изученію одной какой-либо научной отрасли, невольно привыкали имѣть въ виду лишь явленія, факты одного порядка и за изслѣдованіемъ частныхъ они теряли изъ виду общее и существенное.

Это съ каждымъ днемъ становилось тѣмъ болѣе возможнымъ, что количество готоваго матеріала разрасталось все болѣе и болѣе во всѣхъ научныхъ областяхъ, безъ исключенія. Такимъ образомъ дифференцированіе науки на различныя спеціальныя отрасли повело къ суживанію умственнаго горизонта. Подобная узкая спеціализація ученыхъ была тѣмъ болѣе вредной, что различныя научныя отрасли взаимно дсполняютъ другъ друга.

Для примѣра возьмемъ хоть исторію. Нельзя, конечно, отрицать, что для надлежащаго пониманія историческихъ фактовъ требуется также болѣе или менѣе основательное знакомство съ различными біологическими науками, хотя-бы напр. съ антропологіей, физиологіей, психофизиологіей и даже до извѣстной степени съ патологіей, не говоря уже о такихъ наукахъ, какъ статистика, соціологія и политическая экономія. Наконецъ, для того, чтобы получить возможность хоть нѣкотораго ознакомленія съ перечисленными здѣсь науками требуется знакомство съ различными вспомогательными науками, каковы напр. математика, физика, географія и т. д.

Дифференцированіе науки на различныя отрасли, на различныя спеціальности должно было вредить, потому что оно нарушало естественную связь отдѣльныхъ частей науки другъ съ другомъ.

Само собой разумѣется, что какъ только инволюція и дифференцированіе достигали извѣстной силы, то накопившійся этимъ путемъ матеріалъ подвергался самостоятельной синтетической переработкѣ, т. е. онъ падалъ уже процессамъ эволюціи и неразрывно связанной съ нею диссолюціи. Этимъ путемъ изъ накопленныхъ и дифференцированныхъ человѣчествомъ фактовъ, представленій, знаній вырабатывались все новые и новые выводы, заключенія, сужденія; но, конечно, въ первые періоды развитія науки эти процессы эволюціи были выражены до-нельзя слабо и надъ ними рѣзко преобладали процессы инволюціи и дифференцированія.

Затѣмъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе крѣпла, развивалась и выступала на передній планъ эволюція съ диссолюціей и наука изъ періода инволюціи перешла въ періодъ эволюціи, дѣящійся и въ настоящее время. Переходъ этотъ въ дѣйствительности происходилъ постепенно, путемъ незамѣтныхъ измѣненій; но мы, ради большаго удобства и большей наглядности изложенія, принуждены были прямо и рѣзко отдѣлить инволюцію отъ эволюціи.

Для вѣрнаго пониманія исторіи развитія науки, т. е. исторіи развитія человѣческой мысли, слѣдуетъ помнить, что принципъ всей жизни человѣческаго организма оказывается принципомъ непрерывности, такъ что въ живомъ настоящемъ дѣйствуютъ рядомъ съ явленіями текущей развивающейся жизни и отзвуки воплощеннаго прошедшаго.

Не слѣдуетъ забывать, что нашъ организмъ предста-

вляетъ собою нѣчто въ родѣ самозаписывающаго, саморегистрирующаго прибора, такъ какъ все пережитое, все испытанное организмомъ во время жизни оставляетъ извѣстный слѣдъ въ тканяхъ и элементахъ его составляющихъ; всѣ видоизмѣненія, которымъ подвергается нашъ организмъ при разнообразнѣйшихъ условіяхъ жизни отражаются на строеніи его, воплощаются въ немъ и принимаютъ впредь то или иное участіе въ его жизни и функціяхъ.

Психическая жизнь человѣка тоже, слѣдовательно, не представляетъ собою чего-то вполне независимаго и отдѣльнаго, а напротивъ того, она является непрерывнымъ продолженіемъ всего прошедшаго, которымъ она обуславливается. Что вѣрно по отношенію къ психической жизни вообще, то должно быть вѣрно и по отношенію къ развитію человѣческой мысли въ частности, т. е. по отношенію къ развитію науки.

Нѣкоторые авторы, напр. проф. Маудслей, называли науку развитіемъ здраваго смысла человѣчества.

Положеніе это можно признать вѣрнымъ только подъ однимъ условіемъ, т. е. если здравый смыслъ признать равнозначущимъ съ человѣческой мыслью, съ человѣческимъ мышленіемъ. Между тѣмъ въ общежитіи подъ здравымъ смысломъ понимается нѣчто другое; да мы и должны понимать подъ нимъ нѣчто другое потому, что обозначеніе это появилось, очевидно, подъ вліяніемъ разбедненія науки и жизни.

Здравый смыслъ всегда и вездѣ противопоставался той безпокойно-пытливой мысли, которая все снова и

слова побуждала людей къ научнымъ изслѣдованіямъ, къ отыскиванію новыхъ знаній, хотя бы цѣною безконечнаго труда, цѣною тяжелыхъ усилій, лишеній и даже страданій. Подъ здоровымъ смысломъ люди, очевидно, представляли себѣ мышленіе, ограниченное опредѣленными, преемственно унаслѣдованными и лично выработанными нормами, они представляли себѣ и представляютъ и теперь еще подъ здоровымъ смысломъ такого рода мышленіе, при которомъ не позволено идти далѣе привычныхъ, разъ установленныхъ нормъ.

Здравый смыслъ это въ сущности своего рода Вавилонское плѣненіе человѣческой мысли и потому мы никакъ не можемъ согласиться съ авторами, утверждающими, что всѣ науки представляютъ собою лишь развитіе здраваго смысла человечества въ разнообразныхъ направленіяхъ.

Нѣтъ! науки въ общей своей сложности представляютъ развитіе человѣческой мысли, которая также безбрежна, также необозрима и также глубока и непокойна, какъ океанъ и единственнымъ кормчимъ, могущимъ руководить человечествомъ среди этой внутренней необозримой пучины, служить та божественная искра нашей души, которая заставляетъ насъ любить, искать, стремиться къ истинѣ.

Жизнь, желавшая жить и наслаждаться, по необходимости должна была возненавидѣть, какъ мы уже видѣли выше, науку, потому что она есть ничто иное, какъ прогрессивное развитіе вѣчно дѣятельной, вѣчно ищущей истинны человѣческой мысли. Возненавидѣвъ науку и мысль, жизнь противопоставила ей здравый смыслъ съ

его упорнымъ консерватизмомъ и безконечнымъ *far niente*.

Къ чему именно привела эта вражда жизни и науки, мы уже видѣли выше.

Намъ остается только упомянуть еще, что Китай представляетъ собою страну, въ которой такъ называемый „здравый смыслъ“ получилъ рѣзкое и долгое преобладаніе надъ живой мыслью, живой наукой. Въ другихъ странахъ жизнь была менѣе послѣдовательна и, начавъ враждовать съ наукой изъ желанія сохранить однажды выработанныя и усвоенныя нормы, она все же съ теченіемъ времени поняла, что ей невозможно обойтись безъ помощи науки.

И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе и болѣе крѣпло сознаніе о пользѣ науки и, сообразно съ этимъ, все болѣе и болѣе мѣнялось и положеніе ученыхъ — жизнь уже не несла имъ навстрѣчу вражду и гоненія, а напротивъ того, она ихъ искала, поощряла всячески, стараясь въ тоже время обставить дѣло такъ, чтобы наука всѣ свои новыя знанія, всѣ свои новыя пріобрѣтенія подгоняла такъ или иначе подъ существующія формы, подъ существующія нормы. Ученыхъ, исполнявшихъ эти требованія, жизнь окружала и почетомъ, и извѣстнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, назначая имъ въ большинствѣ случаевъ такого рода функціи, которыя имѣли въ виду подговленіе цѣлой массы свѣдущихъ людей по различнымъ специальностямъ.

Соотвѣтственно съ этимъ мы и видимъ, что слово „докторъ“, первоначально обозначающее по-латыни вся-

каго учителя, такъ, что даже люди, обучавшіе солдатъ, строю назывались „doctores“, стало, съ теченіемъ времени, названіемъ высшей ученой степени во всѣхъ наукахъ. Конечно, это измѣненіе значенія слова докторъ совершалось крайне медленно и постепенно.

Послѣ появленія въ Европѣ университетовъ слово *doctor* въ теченіе долгаго времени обозначало по прежнему только *учителя*; но уже начиная съ 12 вѣка многихъ замѣчательныхъ ученыхъ называли докторами въ качествѣ особаго почета; такъ, напр., Тому Аквинскаго звали *doctor angelicus* (ангельскимъ докторомъ), Бонавентуру — *doctor seraphicus* (серафимскій докторъ), Рогера Бэкона — *doctor mirabilis* (чудесный докторъ), Вильгельма Оккама — *doctor singularis* (единственный или удивительный докторъ), Тому Брадвардинскаго — *doctor profundis* (глубокій докторъ), Антона Андреа — *doctor dulcissimus* (сладкорѣчивый докторъ) и т. д. Въ качествѣ особой ученой степени *доктора* стали появляться въ 12 столѣтіи, при чемъ присужденіе этой степени принадлежало всегда профессорамъ различныхъ университетовъ. Парижскій университетъ впервые создалъ докторовъ богословія въ 1231 г., а затѣмъ онъ началъ создавать также и докторовъ медицины, или физики, докторовъ грамматики, логики даже и докторовъ нотаріальнаго искусства (*doctores notariae*). Впрочемъ, съ 11 и до 14 вѣка въ Италіи, Франціи и Германіи не дѣлалось строгаго различія между названіями докторъ и магистеръ, тогда какъ теперь эти слова обозначаютъ различныя ученыя степени.

Однимъ словомъ, слѣдя за историческимъ измѣненіемъ значенія слова „докторъ“ можно убѣдиться, что слово это пріобрѣтало тѣмъ болѣе опредѣленное и важное значеніе, чѣмъ болѣе практическая жизнь начинала сознать необходимость науки, а слѣдовательно и необходимость готовить для жизни свѣдущихъ людей по различнымъ научнымъ отраслямъ. Чтобы понять, какъ высоко жизнь стала ставить научныя знанія, достаточно будетъ упомянуть о томъ фактѣ, что ученой степень доктора была въ Германіи приравнена къ рыцарскому званію, такъ, что человѣкъ, получившій доктора пріобрѣталь вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ права рыцарскаго дворянства. Фактъ этотъ, во всякомъ случаѣ, представляется крайне знаменательнымъ.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, какъ только жизнь поняла пользу науки, въ ней явилась надобность въ профессорахъ и въ патентованныхъ молодыхъ ученыхъ, которыхъ она окружала всевозможными привилегіями и прерогативами; но подъ условіемъ — не оскорблять привычекъ толпы, не противорѣчить тѣмъ привычнымъ нормамъ мышленія, которые установились и путемъ личной и путемъ наследственной привычки.

Само собой разумѣется, что подобное требованіе со стороны жизни могло быть выполнено учеными только цѣною ограниченія свободы ихъ мысли, а такъ какъ это противорѣчитъ самымъ существеннымъ условіямъ умственной дѣятельности, то, конечно, все это не могло не отразиться вреднымъ образомъ на дѣятельности подобныхъ официальныхъ ученыхъ.

Сознаніе этого вреднаго вліянія проявлялось уже неоднократно среди міра науки.

Такъ напримѣръ, уже въ 17-мъ столѣтіи Бэконъ Веруламскій высказалъ слѣдующее: „не подлежитъ сомнѣнію, что школы, академіи, коллегіи, ученые комитеты и совѣты и тому подобныя заведенія, предназначенныя для ученыхъ и для распространенія знаній, по всему своему строю противодѣйствуютъ успѣхамъ науки. Лекціи и упражненія, засѣданія и совѣщанія расположены такъ, что никому не можетъ легко придти на умъ думать что либо необычное, что либо новое“.—

Подобный-же взглядъ на дѣло заставилъ Спинозу еще въ 1673 году отказаться отъ мѣста профессора въ Гейдельбергѣ, которое ему было предложено курфюрстомъ Пфальцскимъ. Ту же самую мысль о большемъ значеніи для науки независимыхъ ученыхъ, въ сравненіи съ профессорами и вообще, съ официальными учеными, высказывалъ въ 18-мъ столѣтіи Дидро.

Наконецъ, оригинальный мыслитель первой половины настоящаго столѣтія Артуръ Шопенгауеръ прямо заявлялъ, что „профессора, по самому своему положенію, имѣютъ всѣ шансы добиться извѣстности между современниками, тогда какъ независимые ученые, напротивъ того, по самому своему положенію имѣютъ всѣ шансы добиться извѣстности среди потомства“! И нѣсколько дальше, онъ продолжаетъ: „говоря вообще, готовый кормъ профессорскихъ мѣстъ соответствуетъ всего болѣе переживающимъ старое, т. е. жвачнымъ

ученымъ, тогда какъ тѣ, которые привыкли брать свою добычу прямо у природы, чувствуютъ себя лучше на свободѣ“⁴. По мнѣнію Шопенгауера, такъ называемые дилетанты, т. е. люди, занимающіеся наукой *per il loro diletto*, заслуживаютъ большаго уваженія и вниманія, нежели такъ называемые специалисты, официально предназначенные для занятія той или иной отраслю знанія.

Всѣ эти и многія подобныя-же заявленія заслуживаютъ полнаго вниманія въ качествѣ мнѣній, высказанныхъ серьезными и выдающимися учеными; но несомнѣнное доказательство вреднаго вліянія зависимаго положенія на ученыхъ мы находимъ въ книгѣ де-Кандоля „Исторія науки и ученыхъ“.

Названный авторъ доказываетъ, что въ Англіи и Голландіи ученые очень часто пользуются независимымъ положеніемъ въ жизни, тогда какъ въ Германіи, напротивъ, большинство ихъ состоитъ на службѣ у тѣхъ или иныхъ учреждений и, преимущественно профессорами при университетахъ. Въ то же время, ученые Англіи и Голландіи отличаются болѣе значительной самобытностію и болѣе сильно выраженной способностію къ открытіямъ новыхъ фактовъ, новыхъ законовъ, чѣмъ германскіе ученые соотвѣтственнаго времени. Далѣе де-Кандоль указываетъ, что замѣчающееся пониженіе научнаго уровня въ Англіи совпадаетъ съ все болѣе и болѣе усиливающейся наклонностію ея ученыхъ искать матеріальной поддержки и поощренія у правительства страны. Свои выводы и сравненія де-

Кандоль производить на основаніи статистическаго метода *).

Послѣ всего приведеннаго, едва-ли возможно сомнѣніе въ томъ, что ограниченіе свободы мысли, или другими словами, подчиненіе ея опредѣленнымъ, разъ установленнымъ нормамъ, отражалось, до извѣстной степени, вреднымъ образомъ на поступательномъ ходѣ развитія науки; но, конечно, это вредное вліяніе сказывалось только на ученыхъ средняго уровня, тогда какъ для выдающихся ученыхъ, для гигантовъ въ мірѣ мысли, всѣ эти преграды и преповы ничего не значили; такъ какъ ничто не въ состояніи было задержать неустойчиваго движенія ихъ мысли.

Поэтому мы и видимъ, что величайшіе ученые, величайшіе представители мысли были, тѣмъ не менѣе, всю свою жизнь профессорами въ германскихъ университетахъ (Иоганнесъ Мюллеръ, Бурдахъ, Дю Буа Реймонъ, Гегель, Фихте старшій, Бенке, Вирховъ, Пфлюгеръ, Гельмгольцъ и т. д.). Въ числѣ профессоровъ нѣмецкаго университета былъ также и такой гигантъ въ мірѣ мысли, какъ Иммануилъ Кантъ. Слѣдовательно, по отношенію къ выдающимся ученымъ никакія принятія нормы, никакія стѣсненія и ограниченія не мо-

*) *F. Baconi*, Opera omnia 1665. *Novum organum sive judicium verae de interpretatione naturae.* — *Diderot*, Oeuvres complètes 1875, т. V, стр. 415. — *A. Schopenhauer*, Parerga und Paralipomena 1862, т. II, стр. 519. — *A. De-Candolle*, Histoire des sciences et des savants depuis deux siècles, 1873. — *M. Манассина*, Жизнь и Наука. Оттискъ изъ Врачебныхъ Вѣдомостей.

гутъ оказать задерживающаго или парализующаго вліянія. По отношенію къ нимъ можно повторить тѣ-же стихи, которые были изображены на одномъ интересномъ кускѣ ткани конца 14-го столѣтія. Ткань эта была вывѣшена изъ окна въ одномъ домѣ на улицѣ Сень-Деви въ Парижѣ во время празднованія бракосочетанія Карла VI съ Изабеллой баварской (въ 1389 г.), такъ какъ обычай вывѣшивать куски сукна, шелковыхъ матерій, различныхъ вышивокъ и разрисованныхъ тканей существовалъ въ Парижѣ уже съ 13 столѣтія. На одной изъ подобныхъ декоративныхъ тканей изображены были паутина, растянутая между двумя деревьями, человекъ, внимательно разсматривавшій паутину и сумасшедшій, спрашивавшій его:

„Bonhomme, diz moi, si tu daignes,
Que regardes-tu en ce bois?
— Je pense aux toiles des airègues
Qui sont semblables à nos droitz;
Grosses mouches en tous endroitz
Passent: les petites sont prises —
Le fou: „Les petits sont subjects aux loiz,
Et les grands en font à leur guises.“

Дѣйствительно, стихи эти вполне примѣнимы къ разбираемому нами случаю; такъ какъ всевозможныя препятствія и ограниченія, которыя практическая жизнь ставила дальнѣйшему развитію науки, оказывались совершенно безсильными задерживать поступательный ходъ мысли въ лицѣ ея выдающихся представителей и люди

въ родѣ Канта, Гельмгольца, Полюгера и т. д. ничего не теряли и не теряютъ, занимая мѣста официальныхъ профессоровъ и вообще выступая въ роли патентованныхъ жизни ученыхъ. Напротивъ того, для людей средняго уровня, для людей, не отличающихся выдающимися способностями, подобное положеніе въ роли патентованныхъ жизни ученыхъ оказывалось всегда крайне пагубнымъ, такъ какъ оно вело роковымъ образомъ къ тому, что они становились слугами личнаго эгоизма, личнаго честолюбія, а слѣдовательно и покорными слугами практической жизни и заклятыми врагами всякой истинной науки. Однимъ словомъ, выводъ де-Кандоля относительно вреднаго вліянія всякой зависимости ученыхъ отъ практической жизни, несомнѣнно вѣренъ, но только въ примѣненіи къ ученымъ средняго уровня.

Итакъ изъ нашего очерка историческаго хода развитія науки мы убѣдились, что послѣ ожесточенной вражды между жизнью и наукой началось снова сближеніе.

Правда, этотъ переворотъ въ положеніи науки совершался медленно, то тѣмъ не менѣе, онъ совершался. Жизнь признала пользу науки и стала платить за нее; наука изъ гонимой и уничтожаемой стала необходимой и желанной. Занятія наукой доставляли и почетъ и другія земныя блага. Все это, конечно, должно было привлечь новыя и многочисленныя силы къ наукѣ, и по мѣрѣ скопленія большаго количества рабочихъ силъ и количество фактическаго матеріала также, какъ и способовъ изслѣдованія, стало быстро увеличиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось и дифференцированіе науки

и соотвѣтственно съ этимъ и спеціализація отдѣльныхъ отраслей знанія становилась все полнѣе и строже.

Само собой разумѣется, что дифференцированіе науки, или распаденіе ея на различнаго рода спеціальныя отрасли, совершалось не вдругъ, а лишь крайне постепенно; такъ напр., еще въ 18-мъ столѣтіи спеціализація знаній была настолько неполна, что многихъ ученыхъ того времени, хотя бы Вольфа, Галлера, Бонне и др., нельзя отнести къ какой-либо одной опредѣленной спеціальности, потому что они произвели замѣчательныя работы по различнымъ отраслямъ знанія.

Тѣмъ не менѣе, однако, спеціализація совершалась: сначала медленно и постепенно, а затѣмъ, все быстрѣе и подробнѣе и соотвѣтственно съ этимъ, какъ мы уже говорили выше, сталъ все болѣе и болѣе суживаться умственный горизонтъ ученыхъ; а такъ какъ въ то же время наука становилась все болѣе и болѣе хлѣбнымъ, выгоднымъ дѣломъ, то въ ряды ученыхъ стали стекаться люди, совершенно непригодные къ подобной дѣятельности. Это еще болѣе усугубляло вредное вліяніе узкой спеціализаціи и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мы теперь нерѣдко имѣемъ ученыхъ, которые ничего не видятъ далѣе своей узкой спеціальности и, считая членники на усикахъ насѣкомыхъ, они упускаютъ изъ виду и человѣчество съ его страданіями и радостями и конечныя цѣли науки и весь міръ.

Въ виду подобныхъ ученыхъ Шопенгауэръ былъ правъ, сравнивая спеціалиста съ фабричнымъ работникомъ, который въ совершенствѣ всю свою жизнь дѣлаетъ

опредѣленные винтики и крючки и при этомъ не знаетъ, даже въ общихъ чертахъ, устройства той машины, въ составъ которой они входятъ. Въ виду подобныхъ ученыхъ, былъ правъ и дипломатъ, сказавшій, что „ученымъ называется человѣкъ, знающій то, чего никто не знаетъ и не знающій того, что всѣ знаютъ“.

Начавъ платить за науку и требовать ея участія въ своемъ ежедневномъ обиходѣ, жизнь почувствовала очень скоро необходимость въ извѣстномъ критеріи для опредѣленія научныхъ достоинствъ тѣхъ ученыхъ, которымъ она назначала опредѣленные жизненные функціи.

Это ей представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, такъ какъ, за время своей вражды съ наукой, жизнь привыкла съ подозрѣніемъ и недовѣріемъ относиться къ каждому ученому. Вслѣдствіе этого желанія создать для себя удобное и вѣрное мѣрило для оцѣнки достоинствъ и знаній своихъ научныхъ дѣятелей, практическая жизнь мало-помалу создала цѣлую систему испытаній, аттестатовъ, дипломовъ, цѣлую лѣстницу ученыхъ званій, ученыхъ степеней (бакалавры, кандидаты, магистры и доктора).

Все это не осталось безъ вреднаго вліянія на науку; потому что для людей, желавшихъ получать всѣ выгоды, какія можетъ дать въ практической жизни наука, достаточно было добиться высшихъ ученыхъ степеней, запастись извѣстными дипломами, званіями и отъ нихъ болѣе ничего не требовалось: они могли до конца дней своихъ эксплуатировать свое положеніе патентованнаго официального ученаго и пользоваться всѣми благами міра, ничего не дѣлая ни для науки, ни для жизни!

Съ тѣхъ поръ, какъ жизнь стала предъявлять на науку требованія, съ тѣхъ поръ, какъ она стала платить за нее, число лицъ, желающихъ заниматься наукой, стало быстро увеличиваться; но, къ сожалѣнію, большинство ихъ принималось за изученіе науки не изъ любви къ ней, не изъ стремленія къ знанію, а единственно ради карьеры, ради полученія теплаго доходнаго мѣстечка. Для подобныхъ людей, не любящихъ науку, не умѣющихъ цѣнить ея, все дѣло сводится, конечно, на полученіе извѣстныхъ аттестатовъ, извѣстныхъ ученыхъ званій и связанныхъ съ ними доходныхъ мѣстъ. Не любя науки, не любя истины, люди эти нерѣдко идутъ на всевозможныя сдѣлки ради достиженія своихъ цѣлей. Нося званіе ученаго научнаго дѣятеля, люди эти, смотря по требованіямъ минуты, предають даже свою собственную науку и предательски, подъ личиной преданнаго слуги науки, губятъ человѣческую мысль, убивая въ ней ея святое стремленіе къ истинѣ. Въ результатъ всего этого, область науки переполнилась всевозможными интригами, сплетнями, партійными дрызгами. Для полученія высшихъ ученыхъ степеней и званій пускались и пускаются въ ходъ самыя неблаговидные приемы; а гдѣ возможно было тамъ употреблялся даже и плагиатъ, только бы получить званіе, обезпечивающее и почетъ и вѣрный кусокъ хлѣба.

Подъ вліяніемъ только что указанныхъ условій, съ теченіемъ времени, область науки стала все болѣе и болѣе изобиловать многообѣщающими молодыми учеными, которые остаются «многообѣщающими» только до полу-

ченія желаемой степени, желаемого званія или мѣста, а затѣмъ, быстро превращаются въ „неоправдавшихъ надеждъ“ ученыхъ.

Одновременно съ этимъ, и число такъ называемыхъ «случайныхъ работъ», т. е. работъ, которыя пишутся для полученія степени ученаго магистра или доктора какой-либо науки, для полученія мѣста и т. д. увеличивалось все болѣе и болѣе; въ то же самое время работы эти дѣлались все болѣе и болѣе плоскими по своему внутреннему качеству и, что всего ужаснѣе, онѣ, вмѣсто научной истины, зачастую бывали наполнены сплошною и беззастѣнчивою ложью.

Разъ наука стала привлекать въ ряды своихъ послѣдователей людей, которые потенциально представляли собою ничто иное, какъ безконечное число разъ повторенное изданіе Гуды Искаріота, ради денегъ, наживы и вообще матеріальныхъ выгодъ готоваго продавать и предавать все наиболѣе святое и дорогое изъ достояній человѣческой души, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что подобные дипломированные, патентованные ученые образовали своего рода цехъ и крайне недружелюбно стали относиться ко всѣмъ тѣмъ, которые занимаются наукой ради любви къ ней, per il loro diletto, и которые не имѣютъ никакихъ значковъ, никакихъ ученыхъ степеней, кромѣ своихъ знаній.

Это недружелюбное и даже враждебное отношеніе имѣетъ въ своей основѣ весьма естественный страхъ, что люди, искренно преданные наукѣ, могутъ легко обнаружить сколько лжи и обмана, сколько скудоумія скрывает-

ся во многихъ и очень многихъ ученыхъ работахъ подобныхъ официальныхъ представителей науки. И вотъ, вмѣсто того, чтобы радоваться тому, что наука находитъ еще людей, готовыхъ безкорыстно служить ей, вмѣсто того, чтобы поддерживать подобныхъ свободныхъ ученыхъ, ненуждающихся ни въ значкахъ, ни въ ученыхъ кличкахъ для того, чтобы всецѣло отдаваться дѣлу служенія наукѣ, официальные, цеховые ученые несутъ имъ навстрѣчу вражду и гоненія.

Такимъ образомъ вражда между жизнью и наукой не прекратилась въ сущности, а только перемѣнила свое поле дѣйствія: прежде борьба кипѣла вдоль пограничной линіи между наукой и жизнью, а теперь она ведется уже внутри самой науки, которая распалась на двѣ партіи, на свободную науку и на официально признанную жизнь науку. И если послѣдняя можетъ похвастать замѣчательно большою численностію своихъ представителей, то первая, напротивъ того, держится благодаря только беззавѣтной преданности и отвагѣ своихъ борцовъ.

На сколько сильно измѣнился характеръ большинства научныхъ дѣятелей видно уже и изъ того, что за послѣднее время положеніе, выражавшее собою основное credo прежнихъ ученыхъ, т. е. что наука должна быть сама себѣ цѣлью, или что наука существуетъ для науки, неоднократно подвергалось публичному осмѣянію; такъ какъ теперь принято считать, что наукой слѣдуетъ заниматься для жизни, при чемъ суть жизни зачастую сводится лишь на карьеру и на наживу.

И это проповѣдуется и говорится не смотря на то, что

теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, сознается важное значеніе наслѣдственности; несмотря на то, что теперь уже прямыми статистическими изслѣдованіями доказано, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, замѣчательные мыслители, замѣчательные дѣятели въ области науки происходятъ всегда изъ семействъ, общее направленіе которыхъ отличалось любовью къ истинѣ, стремленіемъ ко всему идеальному и, напротивъ того, семейства, въ которыхъ главной цѣлью въ жизни считалась гоньба за наживой, или гоньба за наслажденіями и развлеченіями, оказываются почти совершенно неспособными подарить человѣчеству не только гениальныхъ, но даже и просто выдающихся представителей науки, представителей мысли (де-Кандоль). Въ то же время теперь уже извѣстно, что преобладаніе въ семействахъ эгоизма и вообще стремленій къ такъ назыв. „жизненнымъ благамъ“ ведетъ къ развитію въ нихъ различныхъ явленій общаго упадка и вырожденія, какъ то различныхъ пороковъ, преступленій, нервныхъ и психическихъ болѣзней (Маудслей).

Все это извѣстно; но все это не можетъ остановить однажды начавшагося движенія и наука продолжаетъ, въ качествѣ выгодной карьеры, или доходной статьи, привлекать все большее и большее число адептовъ, совершенно непригодныхъ для научной дѣятельности.

Это явленіе не можетъ удивлять насъ, разъ мы знаемъ, что въ живомъ настоящемъ дѣйствуетъ воплощенное прошлое.

Понятно, что мысль, не находящая основанія въ наличной мозговой почвѣ даннаго поколѣнія, не мо-

жетъ сразу проявить дѣятельнаго вліянія на жизнь. Однимъ словомъ, какъ каждая частица усвоенной пищи становятся путемъ синтетической эволюціи живой кровью, живыми элементами разнообразной ткани, такъ и безконечное число движеній, ощущеній, чувствъ, безконечное число различныхъ представленій, сужденій, понятій и мыслей должно, послѣ своего усвоенія путемъ инволюціи и дифференцированія, не только воплотиться въ тѣхъ или иныхъ элементахъ нашей организаціи, но и вступить въ наитѣснѣйшее органическое соединеніе съ разнообразными тканями и органами нашей центральной нервной системы, должно разчистить и проложить себѣ путь ко всѣмъ имъ, или, другими словами, должно войти въ тѣснѣйшую связь со всѣмъ остальнымъ, наличнымъ психическимъ содержаніемъ даннаго поколѣнія.

Между тѣмъ всякая новая мысль всегда оказывается въ противорѣчіи съ нѣкоторыми группами прежде существовавшихъ убѣжденій, взглядовъ, представленій и потому, прежде чѣмъ новая мысль получитъ возможность войти въ извѣстную ассоціацію съ наличнымъ психическимъ содержаніемъ, всѣ противорѣчивыя, несомѣстимыя психическія данныя должны быть устранены путемъ эволюціонно-диссолюціонныхъ процессовъ.

Этимъ-то и объясняется почему для cadaго крупнаго научнаго открытія нужно извѣстное время прежде, чѣмъ оно найдетъ надлежащую опѣнку и получить права гражданства въ психическомъ мірѣ даннаго племени или народа. Для того, чтобы какая-либо новая мысль могла привиться и пустить корни въ умѣ современни-

ковъ вообще, а не отдѣльныхъ только исключительныхъ личностей, требуется извѣстная, не только личная, но и наслѣдственная подготовленность мозговой почвы; а это достигается лишь путемъ систематичной разчистки мозговой почвы и проложенія новыхъ ассоціаціонныхъ трактовъ.

Въ виду необходимости подобной сложной подготовительной работы для возможности усвоенія новыхъ взглядовъ, новыхъ мнѣній, мы и видимъ, что новыя ученія, новыя открытія, будучи высказаны, не встрѣчаютъ надлежащей оцѣнки и вслѣдствіе этого подпадаютъ снова полному забвенію; такъ что затѣмъ, по прошествіи болѣе или менѣе долгаго времени, ихъ снова приходится открывать.

Почти въ каждой научной области имѣются уже факты подобнаго рода; но для нагляднаго подтвержденія всего высказаннаго достаточно будетъ упомянуть хоть о слѣдующемъ, общеизвѣстномъ фактѣ: ученіе Дарвина, которое въ наше время сразу дало такую громкую, почетную извѣстность своему автору, въ существенныхъ чертахъ своихъ было уже высказано въ прошломъ столѣтіи дѣдомъ знаменитаго Дарвина, Эразмомъ Дарвиномъ¹⁾, съ одной стороны, и остроумнымъ Дидро²⁾ съ другой; оно было высказано, но снова забыто.

Такимъ образомъ и трагическая судьба Галилея была возможна только потому, что въ то время ученіе его о

¹⁾ *Erasmus Darwin, Zoonomia or the laws of organic life. 1796.*

²⁾ *Diderot, Oeuvres complètes. Rêve d'Alembert.*

движеніи земли вокругъ солнца противорѣчило и шло въ разрѣзъ со всѣмъ умственнымъ обиходомъ людей, привыкшихъ искони вѣковъ считать землю неподвижнымъ центромъ всего мірозданія. Религіозный фанатизмъ имѣлъ въ этомъ отношеніи лишь второстепенное значеніе.

Насколько убѣжденіе о неподвижности земли успѣло пустить сильные корни въ умѣ человѣческомъ, видно уже изъ того факта, что даже еще и въ настоящее время оно упорно держится среди полюбозванныхъ и необразованныхъ народныхъ массъ, несмотря на всевозможное распространеніе знаній, несмотря на школы, на грамотность и доступность прессы.

Впрочемъ, на языкѣ всѣхъ современныхъ народовъ Европы все еще сохранились выраженія, указывающія на всеобщее распространеніе этого убѣжденія, такъ какъ всѣ и вездѣ толкуютъ о восходахъ и заходахъ солнца и звѣздъ и ни одно изъ общераспространенныхъ выраженій нашей обыденной жизни не упоминаетъ о движеніи земли вокругъ солнца.

Мы нарочно нѣсколько долѣе остановились на всемъ этомъ, такъ какъ послѣ всего сказаннаго нагляднѣе можно представить себѣ, на сколько тѣсно связана бываетъ всякая эволюція съ одновременными процессами диссолюціи.

Выше мы убѣдились, что сначала развитіе науки управляется процессами инволюціи и дифференцированія; а затѣмъ, по мѣрѣ накопленія все большаго и большаго психическаго матеріала, начинаютъ выступать все сильнѣе процессы эволюціи и неразрывно связанной съ ними диссолюціи. По мѣрѣ все болѣе и болѣе пышнаго разви-

тія еволюційнихъ процессовъ, ассоціація ощущеній, представленій, чувствъ, понятій и идей починаеть все болѣе и болѣе совершаться согласно закону причинности и достаточнаго обоснованія.

Познаваніе, отыскиваніе причины каждаго явленія, каждаго факта и составляетъ основное свойство каждой эволюціи въ мірѣ мысли; а такъ какъ вѣрное пониманіе причины того или иного явленія даетъ человѣчеству возможность, по желанію, вызывать или, такъ сказать, создавать опредѣленнаго ряда явленія, то, слѣдовательно, эволюційный періодъ развитія человѣческой мысли, по необходимости, оказывается также преимущественно дѣятельнымъ, творческимъ періодомъ, тогда какъ періодъ инволюціи представляеть собою болѣе пассивную, воспринимавшую эпоху.

Эта коренная разница между періодами инволюціи и эволюціи въ исторіи развитія науки выступала бы совершенно отчетливо, еслибы въ дѣйствительности періоды эти отдѣлялись другъ отъ друга сколько нибудь рѣзко и опредѣленно. Между тѣмъ въ дѣйствительности подобнаго раздѣленія не существуетъ и во время наисильнѣйшаго господства инволюціи уже замѣчаются попытки къ эволюціи, хотя и слабыя и дѣтски-наивныя, но, тѣмъ не менѣе, онѣ существуютъ.

Кромѣ того, не должно забывать, что самая способность людей, искать причины своихъ ощущеній во внѣшнемъ мірѣ, обуславливается уже прирожденнымъ людямъ закономъ причинности ¹⁾ и, слѣдовательно, въ этомъ

¹⁾ *Liebmann*, Ueber den objectiven Anblick. 1869. *Bergmann*, Grundlinien einer Theorie des Bewusstseins. 1870. Berlin.

первичномъ психическомъ актѣ уже принимаетъ участіе эволюція. Вообще, мы нигдѣ не можемъ провести рѣзкой границы между процессами инволюціи и дифференцированія, съ одной стороны, и процессами эволюціи и диссолюціи, съ другой.

Тѣмъ не менѣе, однако, для внимательнаго изслѣдователя исторія развитія различныхъ наукъ представляеть достаточное количество фактовъ, указывающихъ на дѣйствительное существованіе подобнаго раздѣленія всего развитія науки на двѣ эпохи, а именно: во 1) на эпоху инволюціи и 2) на эпоху эволюціи, при чемъ во время первой, замѣчается преобладаніе ассоціацій всего психического матеріала согласно условіямъ времени и пространства, тогда какъ во время второй первенствующее значеніе получаютъ ассоціаціи по взаимнымъ условіямъ причины и слѣдствія.

Само собой разумѣется, что періодъ эволюціи человѣческой мысли идетъ рука объ руку съ болѣе сильнымъ проявленіемъ человѣческаго сознанія.

Эпоха эволюціи науки распадается въ свою очередь, насколько мы можемъ судить объ этомъ въ настоящее время, на два періода: во 1) на періодъ, такъ сказать, науки для жизни и во 2) на періодъ, еще не наступившій, но, повидимому, могущій наступить, когда самая жизнь будетъ служить наукѣ и существовать для науки.

Выше мы уже указывали какимъ образомъ жизнь, по нявъ, наконецъ, пользу и необходимость науки, старалась завладѣть ею и превратить ее въ свою покорную слугу; мы указывали, что это повело прежде всего къ

все большому и большому наплыву рабочихъ силъ въ область науки, а затѣмъ, вслѣдствіе избытка работниковъ, къ накопленію научнаго матеріала, которое пошло гигантскими шагами впередъ и въ то же время дифференцированіе самой науки на отдѣльныя отрасли, отдѣльныя специальности стало усиливаться изо-дня въ день.

Мы указывали также на тотъ вредъ, который получился для науки, съ одной стороны, вслѣдствіе того, что наука стала выгодной статьёй, а съ другой—вслѣдствіе чрезмѣрно усилившейся специализаціи знаній; мы говорили также о важномъ значеніи диссолюціи для эволюціи. Мы указывали все это; теперь же мы должны остановиться нѣсколько времени на вопросѣ о томъ, чѣмъ именно отразилось преобладаніе условій причинности на общемъ характерѣ наукъ и отразилось ли оно вообще чѣмъ нибудь опредѣленнымъ?

Пышный расцвѣтъ естественныхъ наукъ, которымъ прежде всего отличается наука настоящаго столѣтія, мыслимъ быть, конечно, только во время эпохи эволюціи науки, потому что для этого требовалось, главнымъ образомъ, умѣніе опредѣлять причины явленій и пользоваться найденными причинами для самостоятельнаго создаванія послѣдовательнаго ряда явленій. Стремленіе къ изслѣдованію во всемъ и вездѣ причинной связи повело далѣе къ тому, что индуктивный методъ снова получилъ широкое примѣненіе въ наукѣ.

Конечно, все это дѣлалось не вдругъ, а крайне постепенно и въ то же время все это достигалось только цѣною постоянной борьбы; потому что не могли же сразу,

само собой исчезнуть безслѣдно тѣ мысли, взгляды, убѣжденія, тѣ методы, которые были присущи прежнему положенію науки и ея отношеніямъ къ жизни. Такими отголосками давнопрошедшаго, давнопережитаго является и теперь еще замѣчаемое стремленіе ученыхъ къ особому, непонятному для непосвященныхъ языку; далѣе ихъ презрѣніе къ наблюденіямъ всендневной жизни, къ эмпириі и долго продолжавшіяся и еще теперь иногда встрѣчающіяся безплодныя попытки освободить такъ наз. истинную науку отъ жизни и ея наблюденій, построить на однихъ понятіяхъ и т. д.

Въ качествѣ частнаго и особенно курьезнаго примѣра упомяну здѣсь о движеніи, взволновавшемъ въ 40 годахъ настоящаго 19-го столѣтія область практической медицины. Исходнымъ пунктомъ этого новаго движенія служило отрицаніе всякой эмпириі въ медицинѣ, при чемъ совершенно упускали изъ виду, что подобная постановка вопроса была равносильна въ сущности полному отрицанію всякой научной медицины¹⁾.

Впрочемъ, передъ этимъ тоже не останавливались. Такъ, напр., Дитль прямо заявлялъ, что главная задача врача—званіе, а никакъ не лѣченіе болѣзней; далѣе онъ же доказывалъ, что для того, чтобы медицина перестала быть искусствомъ и стала наукой необходимо прежде всего уяснить себѣ, что знанія для врача являются главною цѣлію жизни и что о достоинствѣ врача слѣдуетъ

¹⁾ Petersen, Hauptmomente in der geschichtlichen Entwicklung der medicinischen Therapie 1877. Diell, въ Zeitschrift d. k. k. Gesellschaft der Aerzte zu Wien, 1845, т. II.

поэтому судить по суммѣ его знаній, а не по успѣху его лѣчевія. Дитль доказывалъ все это, совершенно упуская изъ виду, что вѣрно поставленное распознаваніе и цѣлесообразно назначенное лѣченіе служатъ лучшимъ пробнымъ камнемъ знаній врача и что, слѣдовательно, самый успѣхъ лѣчевія находится въ прямой зависимости отъ суммы его знаній! Во всѣхъ приведенныхъ словахъ Дитля такъ и сквозитъ стародавнее мнѣніе, что заставлять науку служить цѣлямъ жизни, значитъ унижать ее и т. далѣе...

Дитль не былъ единственнымъ представителемъ подобнаго рода взглядовъ; ихъ было настолько много, что въ исторіи медицины приходится даже подробно отмѣчать это движеніе противъ всякаго эмпиризма въ медицинѣ и считаться съ нимъ; тѣмъ болѣе, что результатомъ этого движенія является извѣстный и въ наше время выжидательный способъ лѣченія, о которомъ проф. Бинцъ говоритъ, что онъ сводится на то, чтобы „выжидательно отправлять больныхъ на тотъ свѣтъ“.

Насколько, вообще, медленно исчезаютъ однажды сложившіяся и усвоенныя людьми убѣжденія видно, между прочимъ, и изъ того, что внесенное однажды въ науку презрѣніе къ природѣ, къ наблюденіямъ всендневной жизни продолжало еще сказываться во всемъ направленіи образованія юношества и тяжелымъ гнетомъ ложиться на самую мысль даже въ то время, когда о взаимной враждѣ науки и жизни уже давно перестали и говорить. Въ виду этого даже въ 1829 году одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ ученыхъ настоящаго столѣтія, а именно

Карль Беръ, имѣлъ еще полное основаніе въ своей, читанной въ Кенигсбергѣ, лекціи высказать, между прочимъ, слѣдующее: „я нисколько не сомнѣваюсь, что между вами, гг. слушатели, нѣтъ ни одного, который бы не зналъ, что Капитолій въ Римѣ былъ спасенъ готаньемъ гусей и въ то же время, конечно, никто между вами, за исключеніемъ развѣ врачей, не знаетъ состава гусинаго яйца; да и вообще очень многіе изъ дѣльныхъ нѣмецкихъ учителей вовсе не знали бы, что птицы несутъ яйца, еслибы объ этомъ не упоминалъ Пливій“.

Для урегулированія и уравненія всѣхъ подобныхъ неправильностей и неровностей въ мірѣ человѣческой мысли, человѣческихъ знаній требуется, конечно, неустанная работа, какъ диссолюціонныхъ, такъ и эволюціонныхъ процессовъ; потому что всякая новая мысль, новое убѣжденіе можетъ установиться и получить возможность дальнѣйшаго развитія только при томъ условіи, чтобы противорѣчащіе имъ факты, мысли и убѣжденія были провѣрены и, развѣ доказана будетъ ихъ несостоятельность, чтобы они были уничтожены и устранены изъ жизненнаго обихода человѣческой мысли.

При изученіи исторіи развитія науки или, другими словами, исторіи развитія человѣческой мысли не слѣдуетъ упускать изъ виду, что возможность ошибокъ, заблужденій человѣческаго духа неразрывно связана съ примѣненіемъ закона причинности или логическаго закона достаточнаго обоснованія. Не будь въ человѣческомъ духѣ стремленія всему отыскивать причину, все ставить въ ту или иную причинную связь и исто-

рія чело́вѣческой мысли не представляла бы картины все снова и снова нарождающихся ошибокъ и заблужденій съ послѣдовательнымъ исправленіемъ ихъ; но за-то она не могла бы также представлять и картины неудержимо совершающагося прогресса чело́вѣческой мысли.

Одинъ изъ глубокихъ современныхъ мыслителей высказалъ, что преимущество чело́вѣка передъ животными сводится главнымъ образомъ на способность чело́вѣка постоянно заблуждаться и ошибаться.

И онъ былъ правъ; дѣйствительно, все превосходство людей надъ животными заключается, конечно, не въ дѣлаемыхъ чело́вѣчествомъ ошибкахъ, а въ способности дѣлать ихъ, въ самой способности чело́вѣчества заблуждаться и снова бороться со своими заблужденіями; такъ какъ это указываетъ на неутомимость чело́вѣческой мысли и на способность ея къ безконечнымъ приравливаніямъ и видоизмѣненіямъ, къ безконечному совершенствованію.

Разъ мы знаемъ, что періодъ эволюціи науки отличается отъ предшествовавшаго періода инволюціи постоянно усиливающимся примѣненіемъ закона причинности или достаточнаго обоснованія, то насъ уже не можетъ удивить тотъ фактъ, что въ наукѣ въ это время проявилась особенно сильная склонность къ подыскыванію и къ открытію вездѣ и во всемъ своихъ спеціальныхъ законовъ и что это стремленіе очень и очень часто вовлекало и вовлекаетъ представителей науки въ слишкомъ поспѣшныя и ошибочныя заключенія и обобщенія.

Въ древнемъ мірѣ понятія о „законѣ“, *lex*, существовали только въ мірѣ гражданскаго праваго порядка и слова, обозначающія эти понятія, примѣнялись къ писемно установленнымъ нормамъ чело́вѣческихъ отношеній и правъ въ противоположность къ тому, что признавалось на основаніи обычнаго права и привычки. И самое большее, что аналогичныя выраженія примѣнялись иногда въ случайныхъ метафорахъ къ явленіямъ природы; такъ напр., у Лукреція встрѣчается выраженіе „*foedera naturae*“; но и только.

Выраженіе „законы природы“ (*lex naturalis*) получило полныя права гражданства только въ новѣйшихъ естественныхъ наукахъ. Даже въ сочиненіяхъ Коперника и Кеплера встрѣчается вездѣ лишь слово „гипотеза“ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ современные ученые не задумываясь поставили бы слово законъ. Галилей основныя „законы природы“ называлъ „аксіомами“, а остальные „теоремами“. Только у Декарта впервые встрѣчаемъ мы опредѣленіе извѣстныхъ „*regulae sive leges naturae*“ и затѣмъ Ньютонъ отдѣляетъ „правило“ отъ „закона“, приписывая первому значеніе принципа, руководящаго изслѣдованіями, а подъ вторымъ подразумѣвая норму, господствующую надъ явленіями природы.

Вообще, вдумываясь въ дѣло, легко можно убѣдиться, что Ньютонъ употребляетъ выраженіе „законы природы“, принципиально въ томъ-же значеніи, въ какомъ въ математикѣ говорятъ объ аксіомахъ, съ тою только разницею, что законы эти признаются вѣрными только на основаніи того, что они подтверждаются опытомъ. Мало

по-малу, однако, всякая осторожность въ примѣненіи слова „законъ“ исчезла и теперь въ наукѣ говорятъ о законахъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имѣютъ дѣло съ какими бы то ни было явленіями опредѣленнаго характера, представляющими извѣстную правильность. Всѣ отрасли науки оказались переполненными разнообразными законами: въ наше время ученые толкуютъ и о законахъ природы, и о физическихъ, психологическихъ, логическихъ, нравственныхъ, историческихъ, социальныхъ, физиологическихъ, патологическихъ, гигиеническихъ, математическихъ и о всякихъ другихъ законахъ. Дѣло дошло до того, что верѣдко приходится слышать о законахъ, управляющихъ модой, биржевымъ курсомъ и тому подобными явленіями!

При такомъ обобщеніи слова „законъ, законы“ на всевозможнаго рода явленія, люди все болѣе и болѣе забывали, въ какомъ ограниченномъ значеніи было допущено это слово первоначально въ область науки и соответственно съ этимъ являлась все большая и большая путаница понятій. Законы, признаваемые и принимаемые наукой, пришлось уже подраздѣлять на различныя группы: на законы эмпирическіе и основныя или принципиальныя; но это мало помогало дѣлу ¹⁾.

Путаница въ понятіяхъ увеличивалась еще и потому, что, насочинивъ разнообразныхъ законовъ, люди, мало-по-малу, забыли способъ ихъ происхожденія и стали приписывать имъ какое-то объективное, реальное значеніе, однимъ словомъ, гипостазировали ихъ внѣ себя.

¹⁾ J. Stuart Mill, Logik, 2. Auflage II, стр. 374.

И вотъ, за послѣднія десятилѣтія стали все чаще и чаще раздаваться голоса, напоминавшіе, что законы, о которыхъ такъ много толкуютъ ученые люди различныхъ специальностей, имѣютъ только условное, чисто субъективное значеніе; при этомъ естественники замѣчали, что слово „законъ“ есть въ сущности непозволительная метафора, такъ какъ она предполагаетъ такое пониманіе различныхъ тайнъ природы, какимъ мы вовсе не обладаемъ и они находили необходимымъ предоставить это выраженіе историкамъ, филологамъ и т. под. специалистамъ; а эти послѣдніе, съ своей стороны, находили, что о законахъ имѣютъ право толковать развѣ одни только естественники, которые изучаютъ явленія съ вѣсами и мѣркой въ рукахъ.

Однимъ словомъ, на нашихъ глазахъ почти происходитъ рѣзкая перемѣна: представители науки, еще недавно сильно гордившіеся своимъ знаніемъ различныхъ законовъ, стараются теперь всячески отдѣлаться отъ самаго слова законъ ¹⁾, доказывая, что мы до сихъ поръ не знаемъ ни одного дѣйствительнаго, внѣ насъ

¹⁾ Maudsley, Body and Will being an Essay concerning Will in its Metaphysical, Physiological and Pathological Aspects 1883, гл. 2. См. также разборъ книги Маудслея „Тѣло и Воля“ М. М. Манасеиной въ Военно-Медицинскомъ журналѣ, 1884; стр. 26 и слѣд. отдѣльнаго оттиска. Tait, Vorlesungen über neuere Fortschritte der Physik. Нѣм. переводъ, стр. 14 и слѣд. Rümelin Reden und Aufsätze. I. Wundt Ueber den Begriff des Gesetzes mit Rücksicht auf die Frage der Ausnahmlosigkeit des Lautgesetzes въ Philosophische Studien 1886, т. 3, тетр. 2. Ею-же, Wer ist der Gesetzgeber der Naturgesetze? Philos. Studien, т. 3, тетр. 2.

существующаго закона и что всё, что мы называемъ этимъ именемъ, представляетъ собою въ сущности лишь болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы, создаваемыя чело-вѣческимъ умомъ на основаніи замѣчаемой ими правильности въ различныхъ группахъ явленій.

Профессоръ Вундтъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что вслѣдствіе необдуманнаго примѣненія слова „законъ“ ко всевозможнаго рода, болѣе или менѣе правильно повторяющимся, явленіямъ, понятіе о законѣ совершенно почти утратило свое основное значеніе; такъ напр., нерѣдко устанавливаемые въ отдѣльныхъ отрасляхъ науки законы оказываются совершенно недолговѣчными: они быстро прекращаютъ свое эфемерное существованіе и замѣняются новыми.

Вундтъ, указывая на различныя видоизмѣненія, которымъ, съ теченіемъ времени, поддавало понятіе о законѣ, приходитъ въ результатъ къ тому выводу, что на этомъ понятіи отчетливо отражается общій духъ каждой эпохи; такъ напр., въ семнадцатомъ вѣкѣ всѣ законы природы приписывались Господу Богу; въ склонномъ къ пантеизму восемнадцатомъ столѣтіи они, напротивъ того, зависѣли отъ самой природы, а въ настоящемъ 19-мъ столѣтіи законодателями этихъ законовъ являются отдѣльные ученые, по имени которыхъ и принято теперь называть различныя законы (хотя бы напр. законъ Вебера, законъ Маріотта, законъ Гей-Люссака, законъ Полюгера, законъ Грассманна и т. д. и т. д.).

Нѣтъ надобности, конечно, доказывать, что чѣмъ болѣе плоскимъ по своему содержанію становилось по-

нятіе, обозначаемое словомъ «законъ», тѣмъ легче становилось и примѣненіе этого понятія ко всякаго рода подходящимъ и неподходящимъ случаямъ. Въ тѣ далекіе отъ насъ времена, когда законы природы, законы вселенной вообще и органическаго міра въ частности, считались установленными самимъ Господомъ Богомъ, къ изученію ихъ представители науки приступали съ извѣстнымъ чувствомъ благоговѣнія, почтенія и съ сознаниемъ своего ничтожества, своей слабости. Вслѣдствіе этого они только послѣ долгихъ и тщательныхъ наблюденій и размышленій, отваживались наконецъ дать опредѣленную формулировку замѣченной ими правильности и послѣдовательности явленій, и высказываемыя ими положенія отличались всегда строгой обработкой и тщательной очисткой отъ всего случайнаго и ложнаго. Вслѣдствіе этого указанныя ими нормы, формулированные ими законы оказывались путеводными маяками для многихъ, очень многихъ послѣдовательныхъ поколѣній ученыхъ и, руководясь ими при своихъ экскурсіяхъ въ безбрежный, вѣчно волнующійся океанъ чело-вѣческой мысли, эти послѣдовательныя, смѣняющія другъ друга поколѣнія научныхъ труженниковъ успѣшно избѣгали опасностей и достигали желаемой цѣли.

Положеніе дѣла совершенно измѣнилось, когда законы, отыскиваемые наукой, оказались случайными произведеніями бессмысленной, безсознательной природы, передъ которой не было поводовъ стѣсняться и которой нельзя было стыдиться. Тутъ уже не было надобности въ продолжительной работѣ, въ тщательныхъ наблюденіяхъ,

въ строгомъ анализѣ для того, чтобы понять то, что случайно случилось подъ вліяніемъ механической игры различныхъ механическихъ силъ! Подобнаго рода законы въ сущности не стоило и изучать, еслибы только присутіемъ человѣческой мысли законъ причинности не побуждалъ ее все снова и снова искать причины явленій.

Реакція противъ этого безплоднаго направленія науки сказалась со стороны ученыхъ прежде всего въ смѣломъ захватѣ всѣхъ этихъ законовъ въ свое собственное исключительное владѣніе. Человѣкъ призналъ самого себя за творца этихъ законовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принялъ на себя отвѣтственность за нихъ, отвѣтственность передъ другими учеными, другими людьми и при томъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ.

Такимъ образомъ былъ данъ поводъ для болѣе строгаго отношенія къ открываемымъ законамъ, былъ данъ поводъ для болѣе строгой критики ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ явилось горькое сознаніе, что если не всё, то во всякомъ случаѣ большинство всѣхъ этихъ многочисленныхъ законовъ, наводнившихъ всѣ отрасли науки, не имѣютъ никакого объективнаго значенія, что они существуютъ только для субъективнаго обихода создавшихъ ихъ людей! И вслѣдъ затѣмъ начали раздаваться среди самой науки голоса, указывавшіе на необходимость болѣе осмотрительности въ создаваніи законовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе назрѣваетъ теперь сознаніе, что для того, чтобы открыть дѣйствительные законы, т. е. такіе, которые имѣютъ значеніе и внѣ субъективнаго міра нашихъ представленій и нашихъ мыслей, требуется

несравненно болѣе обширное поле наблюденій и опытовъ, несравненно болѣе многочисленныя научныя силы.

И чѣмъ дальше идетъ развитіе науки, тѣмъ все рельефнѣе и отчетливѣе выступаетъ сознаніе того, что сама жизнь *en grand* устраиваетъ различнаго рода опыты и что надо только найти средства пользоваться этими въ гигантскихъ размѣрахъ постановленными наблюденіями. Соответственно съ этимъ мы и видимъ, что за послѣднія десятилѣтія все болѣе и болѣе часто примѣняется такъ назыв. *коллективный* способъ изслѣдованія того или иного вопроса, т. е., къ изслѣдованію привлекается наивозможно болѣе значительное число лицъ. Съ этою цѣлію составляются бланки съ напечатанными на нихъ вопросными пунктами, и бланки эти рассылаются къ людямъ опредѣленнаго образованія или опредѣленной спеціальности.

Если хронологически прослѣдить за развитіемъ этого „коллективнаго“ способа изслѣдованія, то мы убѣдимся, что сначала подобнаго рода запросы рассылались тѣмъ или инымъ ученымъ обществомъ исключительно только своимъ членамъ, а затѣмъ уже начали рассылать бланки съ вопросными пунктами вообще къ людямъ опредѣленной спеціальности и наконецъ, если изслѣдуемый вопросъ доступенъ и не посвященнымъ людямъ, то вопросные бланки рассылались также людямъ различныхъ профессій и различнаго развитія. Такъ напр. поступилъ Гервагенъ при своихъ изслѣдованіяхъ частоты и различныхъ свойствъ сновидній. Изъ полученныхъ отвѣтовъ изслѣдователь, сопоставляя ихъ, дѣлаетъ уже свои выводы.

Особенно часто подобные приемы применяются въ Англии, хотя бы напр. Британской медицинской Ассоціаціей, или Обществомъ для Психическихъ Изслѣдованій и т. д.

Для насъ, желающихъ въ общихъ чертахъ уловить различные главные фазисы развитія науки, это стремленіе ученыхъ обществъ и ученыхъ людей, вовлекать въ свои изслѣдованія также и результаты наблюденій не специалистовъ, представляется особенно интереснымъ и важнымъ, такъ какъ оно, купно съ измѣненнымъ отношеніемъ ученаго міра къ такъ назыв. „законамъ“, является несомнѣннымъ признакомъ того, что эволюціонный періодъ переходитъ теперь изъ своего перваго фазиса во второй.

Выше мы убѣдились, что первый фазисъ эволюціоннаго періода лучше всего характеризуется слѣдующимъ обозначеніемъ: фазисъ, во время котораго наука считалась существующей для жизни.

Судя по только что указаннымъ и по многимъ другимъ явленіямъ, второй фазисъ эволюціоннаго періода науки будетъ состоять въ томъ, что самая жизнь будетъ существовать для науки, или другими словами, для отысканія истины вездѣ и во всемъ. На то же самое указываетъ и появленіе такихъ отраслей въ наукѣ, которыя предметомъ изслѣдованія имѣютъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Само собой разумѣется, конечно, что если наукѣ надлежитъ проанализировать всѣ явленія, всѣ стороны жизни, то для этого потребуется уже совмѣстная рабо-

та всѣхъ членовъ данной общины или народа. Для примѣра укажу хоть на тотъ знаменательный фактъ, что теперь все болѣе и болѣе сознается необходимость многостороннихъ и систематическихъ наблюденій надъ развитіемъ маленькихъ дѣтей; но для осуществленія этого нужно содѣйствіе родителей и, преимущественно, матерей и кромѣ того нужно содѣйствіе боннъ, нянекъ и даже кормилицъ. Конечно, для возможности подобныхъ наблюденій требуется извѣстная подготовка всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя, такъ или иначе, участвуютъ въ обиходѣ семейной жизни. И такихъ примѣровъ можно было бы привести цѣлое множество.

Надлежащая разработка вопросовъ гигиены, вопросовъ статистики возможна только при извѣстномъ содѣйствіи всего общества; тоже самое вѣрно и по отношенію къ педагогикѣ, и по отношенію къ психологіи и по отношенію ко многимъ другимъ научнымъ отраслямъ. Внутренняя связь многихъ явленій остается темной для научныхъ изслѣдователей именно потому, что явленія эти протекаютъ въ семьяхъ, члены которыхъ не могутъ, не умѣютъ или не хотятъ оказать свое содѣйствіе тому анализу явленій, который требуется наукой.

Такъ напр., наука до сихъ поръ еще не можетъ опредѣлить точную норму питанія при различныхъ условіяхъ возраста, пола, времени года и разнообразныхъ занятій. До сихъ поръ еще одни ученые защищаютъ вегетарианизмъ, другіе, напротивъ того, отрицаютъ его. Отчего? Да именно отъ того, что безчисленные факты всѣдневной жизни остаются незамѣченными и непоня-

тыми вслѣдствіе неумѣнія наблюдать. Между тѣмъ замѣнить эти, даромъ пропадающіе среди всенедней жизни, факты другими, искусственно поставленными, опытами оказывается невозможнымъ, невыполнимымъ.

Тоже самое можно сказать и по отношенію къ вопросу о наиболѣе цѣлесообразномъ воспитаніи дѣтей, о развитіи рѣчи и т. д. Такъ напр., въ ученыхъ трактатахъ нерѣдко высказывается мнѣніе, что различныя болѣзни, различныя поврежденія оставляютъ на дѣтскомъ организмѣ меньше слѣдовъ, нежели на взросломъ¹⁾. Между тѣмъ стоило только одному отцу, изо дня въ день, прослѣдить за физическимъ развитіемъ своихъ подрастающихъ дѣтей и въ результатѣ оказалось, что всякая, даже относительно легкая, дѣтская болѣзнь отражается на ходѣ развитія болѣе или менѣе значительными остановками. И что особенно важно: оказалось, что *послѣдующій ходъ развитія никогда не можетъ догнать того, что было упущено вслѣдствіе болѣзни*, или другими словами, болѣвшія дѣти отставали въ своемъ развитіи отъ неболевшихъ.

Аналогичный результатъ былъ полученъ и при наблюденіи близнецовъ²⁾; но для окончательнаго выясненія вопроса остается еще очень и очень многое сдѣлать, а чтобы сдѣлать это требуется содѣйствіе частныхъ лицъ,

¹⁾ Naunyn и Eichhorst, Archiv f. exper. Pathologie и Pharmacologie 1874 т. 2, стр. 225.

²⁾ Galton, A Theory of Heredity.—Его же Short Notes on Heredity in Twins.—Его же The History of Twins as a Criterion of the relative Powers of Nature and Nurture въ The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1876.

содѣйствіе, если не всѣхъ, то хоть большинства родителей. И такихъ вопросовъ—великое множество.

Наука начинаетъ сознавать все это и въ тоже время она сознаетъ, что для возможности содѣйствія со стороны общества, со стороны частныхъ лицъ, эти послѣднія должны обладать извѣстнымъ знакомствомъ съ научными методами, съ научными требованіями, съ научными цѣлями и въ результатѣ этого сознанія явилась популяризація знаній, популяризація науки въ массѣ.

Это еще, впрочемъ, не все: тоже самое начинаетъ сознавать и самая жизнь. Каждый, кто сколько нибудь внимательно слѣдилъ за ходомъ науки, въ теченіи послѣднихъ дѣсятилѣтій, знаетъ, конечно, какъ непомѣрно сильно распространяется и возрастаетъ популяризація науки.

Еще не такъ давно общая пресса почти вовсе не касалась научныхъ вопросовъ, вовсе почти не затрагивала тѣхъ жизненныхъ явленій, которыя равиваются въ средѣ ученыхъ, въ средѣ науки. Теперь же, напротивъ того, и газеты и общедоступныя литературно-политическія повременныя изданія самымъ внимательнымъ образомъ слѣдятъ за всѣмъ, что творится въ области науки и обо всемъ этомъ доводятъ до всеобщаго свѣдѣнія. Въ тоже время все болѣе и болѣе растетъ спросъ на популярно-научныя сочиненія, на популярныя публичныя лекціи, является потребность въ такъ назыв. родительскихъ кружкахъ, гдѣ бы отцамъ и матерямъ можно было обмѣниваться своими наблюденіями, собранными въ дѣтскихъ, съ профессиональными педагогами; является по-

требность во всевозможных научных беседах, в народных чтениях и т. д.

Это стремление общества и народа къ самообразованію, это стремленіе ихъ къ ознакомленію съ наукой у насъ, въ Россіи, замѣчательно понималъ Всеволодъ Порфирьевичъ Коховскій, къ сожалѣнію, слишкомъ рано сраженный неумолимой смертью. Въ качествѣ председателя педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній Коховскій, не жалѣя силъ и здоровья, постоянно работалъ надъ тѣмъ, чтобы увеличить тѣ формы и поводы, въ которыхъ проводится въ нашемъ отечествѣ популяризація науки, популяризація знаній. Коховскій, по праву, можетъ быть названъ неутомимымъ, замѣчательнымъ борцомъ въ исторіи развитія человѣческой мысли и потому въ исторіи науки ему, по справедливости, должно быть отведено почетное мѣсто.

Для насъ, пишущихъ настоящій очеркъ общаго хода развитія науки, особенно интереснымъ является тотъ фактъ, что покойный В. П. Коховскій вовсе не былъ профессиональнымъ ученымъ, а напротивъ того, онъ имѣлъ всѣ права на то, чтобы его разсматривали, какъ представителя самой жизни, какъ выразителя общественнаго, народнаго сознанія. Между тѣмъ трудно было бы найти другаго дѣятеля, который бы такъ глубоко понималъ необходимость распространенія науки въ массахъ, который бы такъ глубоко чувствовалъ великое значеніе популяризаціи. Это явленіе представляется, во всякомъ случаѣ, крайне знаменательнымъ.

Такимъ образомъ, изъ приведеннаго очень бѣгло

очерка современнаго состоянія науки, мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что первый фазисъ эволюціоннаго періода науки можетъ считаться заканчивающимся. Жизнь, пытавшаяся держать науку на откупъ, убѣдилась, что всѣ значки, всѣ дипломы, всѣ испытанія и ученые степени не могутъ гарантировать ей того, чтобы въ ряды ея профессиональныхъ, цеховыхъ ученыхъ не попадали лицемѣры, невѣжды, однимъ словомъ, люди, готовые поступаться самой истиной, готовые предавать науку ради своихъ личныхъ, корыстныхъ цѣлей. Жизнь поняла, что для того, чтобы судить объ относительныхъ достоинствахъ ученыхъ, ей нужны не дипломы и значки, а извѣстныя знанія, извѣстное знакомство съ наукой и она рѣшила пріобрѣсти эти знанія, добиться этого знакомства. И чѣмъ дальше подвигается жизнь по новому пути, тѣмъ больше она понимаетъ великую истину, заключенную въ словахъ Божественнаго Учителя, что „не однимъ только хлѣбомъ сытъ бываетъ человѣкъ“, и тѣмъ сильнѣе становится ея стремленіе къ наукѣ...

Чѣмъ дальше подвигается жизнь по новому пути, чѣмъ больше она знакомится съ наукой, тѣмъ чаще и чаще она находитъ нужнымъ вмѣшиваться въ дѣла цеховой науки въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе мертваго формализма научныя формы употребляются для прикрытія фактовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ живой мыслию, съ наукой (въ родѣ пресловутой командировки Кноха со стороны медицинскаго совѣта), или когда научныя приемы практикуются съ такимъ безсердечнымъ, не обдуманымъ формализмомъ, который исключаетъ всякую

связь съ живой наукой (напр. во всѣхъ случаяхъ бессмысленно жестокихъ опытовъ на живыхъ животныхъ).

Такимъ образомъ въ результатъ этого негодованія жизни, противъ мертвеннаго формализма и чиновничьяго отношенія профессиональных ученыхъ къ своему дѣлу, явилось, за послѣднія дѣсятилѣтія, сильное ополченіе жизни противъ представителей экспериментальныхъ медицинскихъ наукъ, своего рода крестовый походъ противъ вивисекціи, который, какъ всѣ подобныя, основанныя на чувствѣ, движенія, избилуетъ цѣлой массой нелогичныхъ преувеличеній и ненужныхъ усердій, но по самой сущности своей несомнѣнно является вполне законнымъ.

Однимъ словомъ, на какую бы сторону жизни мы не обратили вниманія, вездѣ мы встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ-же стремленіемъ жизни къ тому, чтобы самой постичь истины науки, чтобы самой овладѣть ею. Въ тоже время живая свободная наука все болѣе и болѣе сознаетъ необходимость пользоваться тѣми наблюденіями, тѣми опытами, которые въ широкихъ размѣрахъ создаются прихотливымъ теченіемъ самой жизни. Все это, конечно, указываетъ на одно и тоже, а именно, что близится тотъ фазисъ въ эволюціи науки, когда *самая жизнь будетъ служить наукѣ!*

Между тѣмъ мы уже указывали на то, что исторія развитія науки есть въ сущности ничто иное, какъ исторія развитія человѣческой мысли, а цѣль всѣхъ движеній мысли, цѣль всей ея неутомимой работы заключается въ исканіи истины, въ стремленіи къ познанію истины. Слѣдовательно, когда самая жизнь станетъ слу-

жить наукѣ, т. е., когда вся жизнь людей будетъ направлена къ познанию вездѣ и во всемъ одной только истины, тогда то, очевидно, и наступитъ то, о чемъ смутно мечтали и на что горячо надѣялись люди всѣхъ временъ, т. е., такъ назыв. золотой вѣкъ, millenium, наступитъ то, что обѣщано намъ Св. Писаніемъ, а именно второе пришествіе Спасителя въ полной силѣ и могуществѣ и полная погибель стараго міра, основаннаго на лицемеріи, на грѣхѣ, обманѣ и человѣконенавистничествѣ!

Такимъ образомъ, популяризація во всѣхъ ея формахъ является тѣмъ потокомъ, который, спускаясь съ высотъ человѣческой мысли въ необозримыя низменности жизни, несетъ туда безчисленныя песчинки знанія, а порой и цѣлыя каменные глыбы ихъ. И все это—и песокъ и каменные глыбы—должно послужить на то, чтобы засыпать, выполнить тѣ трясины и болота человѣческаго невѣжества, суевѣрія и эгоизма, которыя, медленно засасывая, губили и губятъ цѣлыя поколѣнія людей, цѣлыя государства и народы. Потокъ популяризаціи, засыпавъ всѣ трясины и болота, существующія въ низменностяхъ жизни, долженъ тѣмъ самымъ поднять уровень этой низменности и создать вездѣ равномерно твердую почву подъ ногами людей для того, чтобы человѣчество могло свободно двигаться по направленію къ своей завѣтной мечтѣ, къ своей завѣтной цѣли—къ познанію истины.

Послѣ всего сказаннаго понятно, почему почти все талантливое, почти все выдающееся въ рядахъ науки

посвящаетъ себя также, въ большей или меньшей степени, дѣлу популяризаціи.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, мы приходимъ къ тому выводу, что популяризація, во всѣхъ своихъ формахъ, служитъ великому дѣлу распространенія знанія въ массѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣлу подготовленія слѣдующаго важнаго фазиса въ развитіи науки. Вслѣдствіе этого мнѣніе: будто отъ популярнаго изложенія науки не требуется никакой глубины, никакой основательности, а только увлекательность изложенія, хотя бы даже и въ ущербъ содержанію, — оказывается не только совершенно ложнымъ, но и крайне вреднымъ, такъ какъ оно въ корнѣ подрываетъ главное назначеніе популяризаціи.

Легко понять каждому, что разъ популяризація имѣетъ въ виду не только распространеніе научныхъ истинъ въ жизни, но и подготовленіе самой жизни къ научнымъ наблюденіямъ, къ научнымъ изслѣдованіямъ, то она должна знакомить жизнь не только съ самыми выводами, но также и съ тѣми данными, на основаніи которыхъ они были составлены, а также съ употребительными въ наукѣ методами, съ источниками, которыми можно пользоваться при тѣхъ или иныхъ изслѣдованіяхъ — однимъ словомъ, популяризація, давая жизни извѣстную группу знаній, должна въ то же время давать ей и всѣ средства проверить эти знанія, проанализировать ихъ. Кроме того, для популяризаціи требуется не только основательное знакомство съ опредѣленнымъ какимъ-либо специальнымъ вопросомъ, но также и полное зна-

комство съ данною отраслью науки и возможно болѣе широкое энциклопедическое образованіе; потому что всякая недомолвка или обмолвка въ популярной лекціи, въ популярномъ изложеніи являются особенно пагубными въ виду того, что они подрываютъ довѣріе жизни къ наукѣ.

Въ области специальной науки дѣло оказывается совершенно въ иномъ положеніи, такъ какъ при современной сильной специализаціи даже люди, обратившіе на себя вниманіе своими работами по какому нибудь отдѣлу той или иной науки, все-же оказываются иногда очень мало свѣдущими въ другихъ отдѣлахъ той же самой науки; такъ, на примѣръ, я знавала ученыхъ, которые, изучая подробно условія нервной и мышечной дѣятельности, въ то же время были настолько мало знакомы съ условіями обмѣна и питанія, что даже не знали значенія такого извѣстнаго термина, какъ „азотистое равновѣсіе“ и т. д. И эта односторонность знаній нисколько не мѣшаетъ производству хорошихъ специальныхъ работъ.

Вообще, при настоящемъ сильномъ развитіи наукъ, при настоящей чрезмѣрной специализаціи ихъ, только талантливые, выдающіеся умы находятъ возможнымъ, рядомъ со специальными знаніями различныхъ частныхъ, рядомъ съ изученіемъ отдѣльныхъ вопросовъ, пріобрѣтать также и общее знакомство со всѣми остальными сторонами данной науки, или, другими словами, они находятъ возможность овладѣвать своею наукою вполнѣ въ качествѣ настоящихъ маэстро науки. Ученые же обык-

новеннаго средняго уровня оказываются неспособными къ такому *tour de force* и всё ихъ способности уходятъ на изученіе тѣхъ или иныхъ частныхъ. Такіе ученые, конечно, не годятся въ популяризаторы, потому что излагать хорошо, общедоступно можно только то, что самъ хорошо знаешь; а изложеніе однихъ частныхъ и специальныхъ подробностей науки, безъ общихъ выводовъ и положеній, также мало привлекаетъ умъ и чувства людей, какъ и закрытый отовсюду пейзажъ.

Наконецъ, вдумываясь въ настоящее значеніе популяризаціи, логически приходишь также еще и къ тому заключенію, что въ популярныхъ сочиненіяхъ слѣдуетъ требовать полнаго указанія всѣхъ тѣхъ сочиненій, статей, брошюръ, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ литературныхъ источниковъ, которыми пользовался авторъ; тогда какъ въ работахъ и статьяхъ, предназначенныхъ для тѣснаго круга читателей специалистовъ, подобныя ссылки, указанія и цитаты, напротивъ того, являются въ сущности совершенно излишними, потому что специалисты-ученые и безъ того знаютъ, вѣроятно, литературу своего предмета и, во всякомъ случаѣ, они знаютъ, гдѣ именно они могутъ найти необходимыя имъ справки. Поэтому испещреніе специальныхъ работъ литературными указаніями, начинающимися чуть не съ самаго Адама, является совершенно излишнимъ и лицемернымъ приемомъ, тогда какъ въ популярныхъ научныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ это представляется безусловно необходимымъ.

Само собой разумѣется, что смотря на популяризацію подобнымъ образомъ, я особенно сильно должна сознавать насколько мой, предлагаемый теперь публикѣ, трудъ нуждается въ снисхожденіи и насколько онъ далекъ отъ той полноты и той законченности, которыя желательно бы было встрѣтить въ каждомъ популярно-научномъ сочиненіи.

Сознавая, однако, всѣ недостатки настоящаго моего труда, я въ то же время не могу не сознавать, что я сдѣлала все, что могла и что мнѣ при этомъ приходилось бороться не только съ тѣми невыгодными условіями, въ которыхъ у насъ находится всякій свободный непатентованный ученый, но также еще и съ безчисленными затрудненіями, присущими самому вопросу о снѣ; такъ какъ область этого рода изслѣдованій оказывается въ настоящее время еще совершенно почти не разработанной и всякому, вдающемуся въ нее, приходится самому собирать факты и наблюденія для того, чтобы выполнить разнообразныя пробѣлы, отдѣляющіе одну группу явленій отъ другой и найти имъ необходимое объясненіе. Въ виду всего этого, я считаю себя въ правѣ, просить читателей о снисхожденіи, успокаивая себя въ то же время сознаніемъ, что добросовѣстно, по мѣрѣ силъ и возможностей, исполнила взятую на себя задачу.

Feci quod potui, faciant meliora potentes.

М. М. Манасеина.

СОНЪ

КАКЪ

ТРЕТЬ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА.

I.

ФИЗИОЛОГІЯ СНА.

Каждый человекъ любитъ жизнь, каждый хочетъ жить, но при этомъ добрую треть, а то и половину своей жизни отдаетъ сну. „Стоитъ ли хлопотать о сохраненіи жизни для того, чтобы отдавать большую часть этой жизни сну?“ — сказалъ еще Кантъ, защищая раннее вставаніе и вообще сокращеніе числа часовъ, посвящаемыхъ сну. Что же такое сонъ? чѣмъ отличается спящій человекъ отъ бодрствующаго?— вотъ тѣ вопросы, на которыхъ мы намѣрены остановиться въ настоящей статьѣ. Едва ли можно найти другую сторону жизни, къ которой бы человечество вообще относилось такъ несправедливо и неблагодарно, какъ оно относится ко сну: оно не только постоянно пользуется всѣми благодѣяніями сна, но зачастую даже злоупотребляетъ ими, и въ тоже время почти вовсе не обращаетъ вниманія на сонъ и не считаетъ его въ числѣ вопросовъ, заслуживающихъ серьезнаго изученія. Стоитъ намъ только

внимательно взглянуть въ то, что происходитъ около насъ, и мы убѣдимся, что какъ у людей общества, такъ и у людей науки, находится и необходимый досугъ, и необходимое желаніе для того, чтобы болѣе или менѣе серьезно отдаться изученію такого рода явленій, какъ чтение мыслей, перенесеніе способности зрѣнія въ концы пальцевъ, способности слуха — въ область желудка; у нихъ хватаютъ времени, чтобы изучить различныя мнимыя чудеса спиритизма, и ни у кого изъ нихъ, за весьма малыми исключеніями, не замѣчается стремленія заняться разясненіемъ какъ сущности сна, такъ и его гигиены, патологіи и психологіи. Между тѣмъ, какъ мы уже замѣтили, по крайней мѣрѣ треть нашей жизни мы отдаемъ сну, и слѣдовательно, если мы оставляемъ, какъ это обыкновенно дѣлается, нашъ сонъ безъ вниманія, то тѣмъ самымъ мы исключаемъ треть нашей жизни изъ круга тѣхъ вопросовъ, которые считаемъ достойными нашего изслѣдованія. Само собой разумѣется, что сонъ, въ качествѣ опредѣленной и довольно значительной части одного цѣлаго, т. е. жизни, долженъ имѣть съ нею самую тѣсную, самую неразрывную связь, и, слѣдовательно, многія стороны нашей бодрствующей жизни не могутъ быть поняты, разъ сущность и явленія сна остаются невыясненными и неизученными.

Въ настоящей статьѣ мы будемъ неоднократно имѣть случай убѣдиться въ вѣрности только что высказаннаго, такъ какъ намъ довольно часто придется встрѣчаться съ вопросами, на которые мы, при современномъ положеніи вопроса о снѣ, не можемъ дать опредѣленнаго отвѣта. Дѣло въ томъ, что все, что извѣстно о снѣ, было добыто работами сравнительно небольшой группы ученыхъ, и потому слѣдуетъ впередъ оговориться, что при изслѣдованіи сна зачастую приходится довольствоваться крайне скудными свѣдѣніями, далеко не полными

объясненіями; но что дѣлать? Человѣку вообще свойственно увлекаться и интересоваться всѣмъ тѣмъ, что или недостижимо далеко, или отличается характеромъ невѣроятнаго, чудеснаго. Къ сожалѣнію, только, человекъ не замѣчаетъ именно тѣхъ чудесъ, которыя находятся въ немъ самомъ, въ обилии разсыяны въ ближайшей къ нему средѣ и отъ вѣрнаго пониманія которыхъ зависитъ въ значительной степени его собственное здоровье, его собственное благополучіе. Онъ не замѣчаетъ и не интересуется этимъ, а съ замѣчательнымъ упорствомъ и настойчивостью стремится доказать возможность того, что противорѣчитъ всякой логикѣ, всѣмъ извѣстнымъ законамъ природы. Съ какимъ замѣчательнымъ терпѣніемъ наши современники, напримѣръ, сидятъ въ темныхъ комнатахъ въ ожиданіи таинственныхъ стуконъ, приподнятія столовъ и стульевъ на воздухъ, матеріализаціи невидимыхъ обитателей изъ міра духовъ и тому подобныхъ невозможныхъ явленій! И въ то же самое время явленія нормальнаго сна остаются попрежнему неизслѣдованными, и человечество, прожившее почти-что XIX столѣтіи христіанской эры, все еще не знаетъ, какъ слѣдуетъ измѣнять условія сна въ случаяхъ различныхъ болѣзней, въ случаѣ переутомленія тѣхъ или другихъ органовъ тѣла, или при разнообразномъ образѣ жизни. За то многіе достигли того, что видѣли матеріализированныя руки, ноги и даже цѣлыя фигуры духовъ, и хотя это ничего не выясняетъ и никакой пользы не приноситъ, но всѣ находятъ это интереснымъ, вѣроятно потому, что все это противорѣчитъ логикѣ и всякому здравому смыслу.

Итакъ, повторяемъ, сонъ, какъ нѣчто обыденное, привычное и всѣмъ доступное, мало обращалъ на себя вниманіе человечества, а если и обращалъ, то совершенно своеобразнымъ образомъ, а именно, люди стара-

лись воспользоваться сонными грезами для отгадыванія того, что скрыто отъ нихъ за завѣсой будущаго. Съ незапамятныхъ временъ человѣчество старалось приписывать сновидѣніямъ особое пророческое значеніе; вслѣдствіе этого, и въ *Иліадѣ* Гомера, и въ *Энеидѣ* *Виргилія*, и въ *Гальціонѣ* *Овидія*, мы встрѣчаемся съ описаніями пророческихъ сновъ. Наконецъ, этого рода стремленія и попытки разгадывать будущее на основаніи сновидѣній до сихъ поръ еще упорно держатся и въ обществѣ, и въ народѣ, доказательствомъ чего могутъ служить постоянно повторяющіяся изданія снотолкователей, сонниковъ и тому подобныхъ книгъ. Тутъ же мы встрѣчаемся и съ первыми проявленіями идеи о „внушеніяхъ“, т. е. именно той идеи, по поводу которой теперь уже успѣла развиться цѣлая литература. Придавая сновидѣніямъ предсказательное значеніе, люди разсматривали ихъ за внушенія злыхъ или добрыхъ духовъ, и мысль эта, возведенная въ болѣе или менѣе стройную систему, должна была, конечно, оставить извѣстные, болѣе или менѣе стойкіе слѣды въ нервно-мозговой системѣ чело-вѣка, и вотъ въ концѣ просвѣщеннаго XIX-го столѣтія эта мысль, передаваемая намъ по наслѣдству отъ нашихъ предковъ въ скрытомъ состояніи, вдругъ оживаетъ, завладѣваетъ вниманіемъ просвѣщеннѣйшихъ ученыхъ нашего столѣтія, гордыхъ своими фактическими знаніями, своими естественно-научными способами изслѣдованія, и въ результатъ, благодаря атавизму, получается изъ-подъ пера этихъ ученыхъ удивительная литература, доказывающая, что путемъ внушенія, во время гипноза, можно излѣчивать всевозможныя болѣзни, хотя бы, напр., умопомѣшательство, доказывающая, что путемъ внушеній можно заставить чело-вѣка сдѣлать ужаснѣйшее преступленіе, и наоборотъ — можно лѣвиваго ученика сдѣлать прилежнымъ, преступныя

наклонности превратить въ добродѣтельныя, и т. д. Удивительное явленіе! Фактъ, заслуживающій серьезнаго вниманія! Мы, конечно, имѣемъ въ виду не фантастическую теорію внушеній, а тотъ фактъ, что, въ силу закона наслѣдственности, мысли, вѣрованія нашихъ предковъ могутъ снова ожить въ насъ и, принявъ новую, болѣе соответствующую современнымъ условіямъ жизни и современной наукѣ, форму, увлечь насъ въ міръ безплодныхъ изслѣдованій и ошибочныхъ сужденій. Въ виду подобныхъ фактовъ невольно вспоминаются слова великаго германскаго поэта Гёте, указывавшаго, что въ каждомъ изъ насъ, въ сущности, очень мало своего, оригинальнаго, и что многія изъ нашихъ особенностей и свойствъ собственно являются болѣе или менѣе видоизмѣненными особенностями, свойствами того или иного изъ нашихъ предковъ:

Vom Vater hab' ich die Statur,
Des Lebens ernstes Führen,
Von Mütterchen die Frohnatur
Und Lust zu fabuliren.
Urahn herr war der Schönsten höld,
Das spukt so hin und wieder;
Urahn frau liebte Schmuck und Gold,
Das zuckt wohl durch die Glieder.
Sind nun die Elemente nicht
Aus dem Complex zu trennen,
Was ist den an dem ganzen Wicht
Original zu nennen?

Итакъ, не только наша утварь, наши украшенія, но и мы сами являемся отзвукомъ давно прошедшаго, давно пережитаго.

„Все стараго простое повторенье!“ — восклицаетъ русскій поэтъ, и мы сами являемся подобнымъ же повтореніемъ.

Если люди интересовались сномъ, то всегда постольку, поскольку сонъ могъ удовлетворить ихъ любви къ

чудесному, къ гаданьямъ и т. п. У насъ, у русскихъ, это отразилось даже и въ рѣчи, такъ какъ наше слово: сонъ, употребляется также и для обозначенія сновидѣній; между тѣмъ слово это должно бы было обозначать только состояніе, когда человѣкъ спитъ; но, считая частичное явленіе этого состоянія, т. е. сновидѣнія или сонныя грезы, за наиболѣе важное и интересное, мы невольно стали употреблять слово, обозначающее общее состояніе, для обозначенія частичнаго, но зато особенно интереснаго явленія.

Постараемся же прежде всего выяснитъ, чѣмъ именно отличается сонъ отъ бодрствующаго состоянія.

Большимъ распространеніемъ пользуется сравненіе сна со смертію, причѣмъ сонъ обыкновенно называютъ роднымъ братомъ смерти; но это сравненіе, при всей его картинности, едва ли можетъ быть признано вѣрнымъ, такъ какъ смерть обозначаетъ полное прекращеніе всѣхъ рѣшительно процессовъ въ животномъ тѣлѣ, т. е. какъ процессовъ психической жизни, такъ и процессовъ растительной жизни, тогда какъ во время сна растительные процессы вовсе не прекращаются, а изъ психическихъ, если и прекращаются нѣкоторые, то далеко не всѣ.

При засыпаніи наблюдается слѣдующее: вѣки опускаются и глаза закрываются; въ тоже время всѣ произвольныя мышцы конечностей, туловища, шеи и лица слабеютъ, и вслѣдствіе этого вся фигура человѣка и въ особенности его лицо представляютъ картину полнѣйшаго покоя. При этомъ мѣняется болѣе или менѣе рѣзко и самое дыханіе, а именно, оно становится менѣе частымъ, а по наблюденіямъ проф. Моссо и количество вдыхаемаго воздуха рѣзко уменьшается во время сна, то есть вмѣсто семи литровъ въ минуту, человѣкъ во время сна вдыхаетъ иногда всего только одинъ литръ.

Кромѣ того, мѣняется и самый типъ дыханія: дыханіе становится по преимуществу груднымъ, вмѣсто того, чтобы быть брюшнымъ, какъ это обыкновенно бываетъ у мужчинъ во время бодрствованія. По наблюденіямъ того же проф. Моссо, дѣятельность грудобрюшной преграды рѣзко ослабѣваетъ во время сна у мужчинъ; при этомъ вдыханіе становится болѣе продолжительнымъ, чѣмъ во время бодрствованія, а именно вмѣсто $\frac{8}{12}$ каждое вдыханіе составляетъ теперь $\frac{10}{12}$ всего періода; дыхательная пауза отсутствуетъ совершенно. Глубина дыханія оказывается рѣзко уменьшенной. Какъ именно мѣняется типъ дыханія у женщинъ, у которыхъ, какъ извѣстно, и на яву преобладаетъ грудное или реберное дыханіе, остается до сихъ поръ невыясненнымъ. То же самое приходится сказать и о дѣтяхъ; но, въ виду того, что костальное, т. е. реберное, или грудное дыханіе оказалось преобладающимъ во время бодрствующаго состоянія даже у маленькихъ однополовыхъ дѣвочекъ, а у мальчиковъ того же возраста наблюдалось уже абдоминальное дыханіе, мы можемъ, во всякомъ случаѣ, предположить, что у мальчиковъ дыханіе во время сна должно представлять тѣ же измѣненія, а именно изъ абдоминальнаго, брюшнаго становится костальнымъ, или ребернымъ. Какъ мѣняется дыханіе у дѣвочекъ во время сна, въ сравненіи съ бодрствующимъ состояніемъ, мы не можемъ сказать, такъ какъ, при отсутствіи подобныхъ наблюденій надъ женщинами, мы не можемъ даже дѣлать выводовъ на основаніи аналогій.

По изслѣдованіямъ Фойта и Петтенкофера, съ одной стороны, и Шарпинга, съ другой, приходится признатъ, что во время сна мѣняется также вообще и характеръ всего газообмѣна, а именно количество выдыхаемой углекислоты уменьшается, а количество поглощаемого кислорода увеличивается. Правда, на количество

выделяемой углекислоты и поглощаемого кислорода дѣйствуетъ цѣлый рядъ другихъ моментовъ, кромѣ сна, а именно, самая темнота, отсутствіе мышечной работы, наконецъ, какъ характеръ, такъ и время введенія пищи. Напр., при опытахъ на животныхъ (на быкахъ и овцахъ) Геннебергъ нашель, что при обыкновенныхъ условіяхъ жизни, а также и при голоданіи животныхъ, т.-е. при устраненіи вліянія пищи, количество выделяемой углекислоты было рѣзко уменьшено въ теченіи ночи, тогда какъ обратное явленіе наблюдалось въ тѣхъ случаяхъ, когда кормленіе животныхъ производилось главнымъ образомъ ночью. Кромѣ того, послѣ работы Реньо и Рейзе нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что и самый характеръ пищи не остается безъ вліянія на газообмѣнъ, какъ во время сна, такъ и во время бодрствованія; напр., при питаніи мясомъ, т.-е. бѣлковой пищей, изъ вдыхаемаго кислорода выделялось въ видѣ углекислоты 79%, тогда какъ при питаніи крахмаломъ изъ вдыхаемаго кислорода снова выделялось въ формѣ углекислоты 91%. Всѣ спиртные напитки, чай, эфирныя масла уменьшаютъ въ значительной степени выдѣленіе угольной кислоты и увеличиваютъ, повидимому, потребленіе кислорода (Проутъ, Фирордтъ). Шпекъ тоже показалъ своими опытами, что выдѣленіе угольной кислоты находится въ тѣсной зависимости отъ принятія пищи. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, въ настоящее время мы имѣемъ полное право утверждать, что во время сна газообмѣнъ въ нашемъ тѣлѣ понижается, и то же самое доказываютъ и наблюденія Буссенго на горлицахъ.

Итакъ, при засыпаніи у насъ мѣняется типъ дыханія, т.-е. изъ абдоминальнаго у мужчинъ онъ становится костальнымъ; въ то же время дыханія становится болѣе долгими и количество вдыхаемаго кислорода

увеличивается, а количество выдыхаемой углекислоты уменьшается. Это еще не все. Одновременно съ дыханіемъ мѣняется и сердечная дѣятельность: она становится менѣе частой и энергичной; сосуды поверхности тѣла расширяются, кровяное давленіе понижается и температура тѣла тоже нѣсколько падаетъ: зимою до 36,05° Ц., а лѣтомъ — до 36,45° Ц. Наибольшее паденіе температуры бываетъ между 12 — 3 часами ночи. Впрочемъ расширеніе сосудовъ на поверхности тѣла наступаетъ уже раньше, а именно вечеромъ каждаго дня, и вслѣдствіе этого-то и наблюдается, что къ вечеру воротники и вообще всѣ части одежды становятся какъ-то уже и менѣе удобными. Мартинъ производилъ повторныя измѣренія объема различныхъ частей тѣла во время бодрствованія и во время сна и указалъ, что при спокойномъ снѣ ночью грудь становилась уже на восемь линий, тогда какъ послѣ ночи, проведенной безъ сна, грудь стала шире на 10 линий, а объемъ живота увеличился на пять линий. Наблюденія эти были произведены въ прошломъ столѣтіи, но они вполне подтверждаются наблюденіями современныхъ ученыхъ надъ уменьшеніемъ газообмѣна и надъ измѣненіемъ типа дыханія во время сна.

Итакъ, дыханіе во время сна измѣняется, пульсъ замедляется, газообмѣнъ ослабѣваетъ, и т. д.; но при обсужденіи такого состоянія, какъ сонъ, не должно упускать изъ виду того обстоятельства, что самое состояніе это не есть нѣчто постоянное и неизмѣнное, а, напротивъ того, оно само представляетъ извѣстныя колебанія и измѣненія, смотря по тому, сколько часовъ длится сонъ, смотря также по времени ночи, по характеру сновидѣній, по состоянію организма, смотря по тому, ужиналъ ли человекъ вечеромъ, или нѣтъ, и т. д.; и т. д. Такъ напр., извѣстно, что пульсъ во время сна

замедляется, но не постоянно и равномерно, а съ известными колебаніями и измѣненіями. Прямые наблюденія показали, что у человѣка, у котораго пульсъ въ 6—8 час. вечера дѣлалъ 70 ударовъ въ минуту, въ полночь, во снѣ, онъ дѣлаетъ всего только 54 удара; затѣмъ онъ снова начинаетъ учащаться до двухъ часовъ ночи, послѣ этого опять замедляется, а утромъ, часовъ въ 5—6, снова оказывается учащеннымъ. Точно также мѣняются и объемы груди, и объемы рукъ, ногъ и живота; а именно, послѣ двухчасоваго сна объемъ груди оказался на $\frac{2}{35}$ меньше объема ея при бодрствующемъ состояніи; послѣ 4 часовъ сна объемъ ея уменьшается уже на $\frac{3}{33}$; а послѣ 6-часоваго сна онъ снова увеличивается, такъ что, въ сравненіи съ объемомъ во время бодрствованія, грудь оказывается меньше только на $\frac{1}{35}$. Объемъ руки послѣ 2 часовъ сна былъ меньше на $\frac{2}{36}$, послѣ 4 часовъ — на $\frac{2}{36}$, а послѣ 6 часовъ онъ снова оказался увеличеннымъ на $\frac{1}{36}$; объемы живота и ногъ послѣ 6 часовъ сна были такіе же, какъ и на яву, а послѣ 4 часовъ сна они были уменьшены. Эти колебанія во время сна, къ сожалѣнію, остаются пока еще мало изученными, но ихъ, во всякомъ случаѣ, надо всегда имѣть въ виду.

При снѣ сосуды поверхности тѣла расширяются, но сосуды головного мозга сокращаются болѣе или менѣе и объемъ головного мозга уменьшается. Но какимъ образомъ можно было опредѣлить измѣненія, совершающіяся въ головномъ мозгу? Въ этомъ отношеніи ученые пользовались, какъ наблюденіями на людяхъ, такъ и опытами на животныхъ. Затѣмъ эти наблюденія были дополнены опытами, произведенными во время сна надъ объемомъ мозга у такого рода людей, у которыхъ, вслѣдствіе раны въ черепѣ, мозгъ былъ обнаженъ отъ своего костнаго покрова. Всѣ наблюденія подобнаго рода показывали, что при засыпаніи мозгъ блѣднѣлъ и спадал-

ся, а при пробужденіи, наоборотъ, алтъль и болѣе или менѣе выпячивался. Впаденіе мозга, по опредѣленію Крауса, при засыпаніи, равнялось одному миллиметру. Наконецъ, въ самое послѣднее время проф. Моссо воспользовался подобнаго рода больными для того, чтобы графически прослѣдить за колебаніями объема мозга во время сна.

Примѣняя графическій способъ наблюденія къ изслѣдованію колебаній объема мозга, Моссо убѣдился, что во время сна объемъ мозга уменьшается; но что стоитъ только чтобы спокойствіе сна было нарушено какимъ-нибудь звукомъ, шумомъ, какимъ-нибудь неожиданнымъ свѣтомъ или прикосновеніемъ, и объемъ головного мозга тотчасъ же увеличивается даже въ тѣхъ случаяхъ, когда субъектъ, не просыпаясь, продолжаетъ спать.

Тѣ же самые результаты получены были и при опытахъ на животныхъ (Дергэмъ, Геммондъ). Опыты эти состояли обыкновенно изъ того, что животнымъ, путемъ трепанціи, удаляли кусокъ кости изъ черепа и затѣмъ вставляли на мѣсто удаленной кости часовое стекло. При этомъ было доказано самымъ положительнымъ образомъ, что во время болѣе или менѣе нормальнаго, спокойнаго сна мозгъ животнаго блѣднѣетъ и спадаетъ; поблѣднѣніе мозга бываетъ еще рѣзче выражено въ тѣхъ случаяхъ, когда животныя передъ сномъ получаютъ пищу. Физиологи получили то же самое; онъ изслѣдовалъ также состояніе спиннаго мозга во время сна и нашелъ, что сосуды его тоже нѣсколько суживаются; въ то же самое время онъ опредѣлялъ давленіе крови въ сонныхъ артеріяхъ и убѣдился, что оно понижается во время сна на два, на три сантиметра. Проф. Тархановъ тоже нашелъ рѣзкое пониженіе кровянаго давленія въ сонныхъ артеріяхъ во время сна, и кромѣ того онъ доказалъ прямыми опытами на щенкахъ, что спинной мозгъ не

спитъ, а спитъ только одинъ головой во время нормальнаго сна.

Познакомившись, такимъ образомъ, съ состояніемъ дыханія, температуры тѣла, сердечной дѣятельности во время сна, а также съ состояніемъ головного и спиннаго мозга, мы естественно должны остановиться на вопросѣ о томъ: что же именно совершается во время сна съ другими органами тѣла? Въ кожѣ во время сна замѣчается болѣе или менѣе сильная потливость, которая отчасти можетъ зависѣть отъ расширенія и переполненія кожныхъ сосудовъ, а отчасти также и отъ вліянія потоваго центра, заложенаго среди продолговатаго мозга (Адамевичъ, Марме, Навроцкій) и раздражаемаго углекислотою. На основаніи наблюденій Санторини и Бекера можно утверждать, что кожа функционируетъ особенно дѣятельно въ теченіе ночи, во время сна, и этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется отчасти, почему воздухъ въ спальняхъ портится гораздо быстрѣе, нежели въ совершенно такихъ же комнатахъ, но посвященныхъ для дневныхъ занятій. Не должно забывать, что путемъ кожи мы, въ среднемъ выводѣ, выдѣляемъ вдвое больше паровъ, нежели путемъ легкихъ. Вслѣдствіе усиленной потливости кожи во время сна, у спящихъ и развивается болѣе чувствительность ко всякому охлажденію, и въ виду этого они оказываются болѣе предрасположенными къ простудѣ, чѣмъ во время бодрствованія. Что касается до другихъ внутреннихъ органовъ нашего тѣла, то они, вслѣдствіе прилива крови къ поверхности тѣла, должны, конечно, находиться болѣе или менѣе въ покоѣ и представляться болѣе или менѣе малокровными. И дѣйствительно, наблюденія Буша надъ одной больной, имѣвшей фистулу, показали, что ночью во время сна движенія желудка и кишекъ прекращаются иногда, и отдѣленіе пищева-

тельныхъ соковъ тоже прекращается или ослабѣваетъ; но зато когда больная спала днемъ, то пищевареніе продолжалось у нея дѣятельно. То же самое ослабленіе, или временное прекращеніе, наблюдается иногда и по отношенію къ дѣятельности всѣхъ другихъ отдѣляющихъ органовъ, какъ то почекъ, слюнныхъ железъ и т. д.; но это вовсе не значить, чтобы всѣ эти органы по необходимости должны были находиться въ бездѣятельномъ состояніи во время сна. Напротивъ того, даже сущность сна нисколько не мѣняется, если желудокъ и кишечный каналъ находятся въ полной дѣятельности, въ чемъ каждый легко можетъ убѣдиться, наблюдая грудныхъ дѣтей, которыя, покушавъ, сладко засыпаютъ. Нашъ русскій рабочій людъ тоже любитъ, поработавъ, поѣсть и затѣмъ поспать, и, какъ мы увидимъ ниже, это является даже во многихъ случаяхъ полезнымъ; въ то же время факты эти прямо доказываютъ намъ, что пищеварительные органы могутъ отлично функционировать во время сна. Такъ, и больная Буша представляла дѣятельное пищевареніе во время сна днемъ. Наблюденія и опыты на животныхъ тоже доказываютъ, что пища, принятая животнымъ передъ сномъ, отлично переваривается во время того, какъ животное спитъ, — гораздо лучше, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда животное, поѣвъ, продолжаетъ бѣгать. Точно также и почки оказываются, при нѣкоторыхъ условіяхъ, дѣятельно работающими во время сна (Дѣргэмъ), а иногда дѣятельность ихъ во время сна бываетъ даже болѣе энергичной, чѣмъ во время бодрствованія: такъ напр. Бекеръ и Пенцольтъ съ Флейшеромъ прямыми опытами доказали, что иногда за ночь выдѣляется гораздо больше мочи, чѣмъ днемъ; но при другихъ условіяхъ дѣятельность почекъ приостанавливается въ виду сильной функціи кожи.

Вообще же можно признать за несомнѣнное, что при

нормальномъ снѣ вполнѣ мыслима и часто наблюдается также дѣятельная работа всѣхъ органовъ, за исключеніемъ только нервной системы, да и тутъ еще съ извѣстными ограниченіями, какъ мы убѣдимся въ этомъ вскорѣ. Мнѣніе о болѣе или менѣе сильномъ ослабленіи, или пріостановкѣ дѣятельности всѣхъ органовъ тѣла во время сна обосновано, главнымъ образомъ, на наблюденіяхъ, произведенныхъ на животныхъ, находящихся въ состояніи такъ-называемой зимней спячки; между тѣмъ состояніе зимней спячки едва ли можетъ быть признано за проявленіе нормальнаго сна.

Мы видѣли, что газообмѣнъ уменьшается во время сна, а такъ какъ всякій газообмѣнъ совершается только при посредствѣ крови съ ея форменными элементами, красными кровяными шариками, то въ виду этого естественно является вопросъ о томъ: что же дѣлается во время сна съ кровью? Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ еще достаточныхъ научныхъ данныхъ, чтобы отвѣтить положительнымъ образомъ на такой вопросъ; во косвенныя указанія даютъ намъ наблюденія надъ измѣненіями крови вслѣдъ за ночами, проведенными безъ сна, а также и надъ кровью у животныхъ, лишенныхъ сна, съ одной стороны, и находящихся въ зимней спячкѣ, съ другой. Д-ръ Кейсъ опредѣлилъ отчетливое и рѣзкое уменьшеніе числа красныхъ кровяныхъ тѣлецъ вслѣдъ за ночами, проведенными безъ сна, около опасно-больныхъ, а съ другой стороны д-ръ Байфордъ убѣдился, что всякая ночь, проведенная безъ сна, обусловливаетъ ускореніе всего кровообращенія, и онъ объясняетъ это именно тѣмъ, что, въ случаѣ недостаточнаго количества сна или отсутствія его, кровь мѣняется, способность ея связывать кислородъ ослабѣваетъ, и вслѣдствіе этого для поддержанія газообмѣна, необходимаго для дѣятельности всѣхъ тканей и органовъ,

эта бѣдная красными шариками кровь должна циркулировать быстрѣе. — Я лично убѣдилась, что щенки, лишенные сна, представляли обѣдненіе крови красными тѣльцами. Проф. Валентинъ увѣрялъ, что у животныхъ, долгое время находившихся въ зимней спячкѣ, исчезаютъ совершенно бѣлыя кровяныя тѣльца; но это, какъ мы увидимъ, можетъ зависѣть отъ неподвижнаго положенія животнаго. Въ виду этого, а также и въ виду результатовъ Петтенкофера и Фойта, относительно того, что во время сна, ночью, происходитъ иногда усиленное поглощеніе организмомъ кислорода, при уменьшенномъ выдѣленіи углекислоты, можно было бы предположить, что ночью, во время сна происходитъ усиленное кровотеченіе, или, другими словами, пополненіе числа красныхъ кровяныхъ шариковъ новыми. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, все это только гипотезы, требующія еще строгой опытной провѣрки. Итакъ, относительно состоянія крови во время сна мы пока еще ничего не знаемъ опредѣленнаго, и только можемъ строить извѣстнаго рода догадки въ виду того, что послѣ бессонной ночи число красныхъ шариковъ крови, этихъ разносителей кислорода, рѣзко понижается; но, конечно, не должно забывать также и того, что кровь необходимо должна сгущаться во время сна, вслѣдствіе потѣнія кожи и дѣятельности почекъ.

Спрашивается теперь: что же происходитъ во время сна съ центральной и периферической нервной системой? Мы все знаемъ, конечно, что какъ животныя, такъ и люди, стараются всегда для сна выбрать возможно спокойное мѣстечко, т. е. удаленное отъ всякихъ громкихъ звуковъ, отъ яркаго свѣта и тому подобныхъ вліяній, однимъ словомъ, собираясь заснуть, человѣкъ и животныя стараются, по возможности, устранить себя отъ вліянія всевозможныхъ разнообразныхъ впечатлѣній внѣшняго мі-

ра, субъективно сказывающихся цѣлымъ рядомъ ощущений. Такъ, ложась спать, мы всѣ закрываемъ глаза вѣками, всѣ стараемся принять, по возможности, болѣе удобное положеніе, т.-е. такое, при которомъ мы освобождаемся отъ всякой необходимости мышечнаго напряженія, мышечной работы. Даже въ устройствѣ нашихъ постелей постоянно сказывается одно стремленіе, одна цѣль — устранить все то, что могло бы сильно подѣйствовать на наши осязательные и другіе нервы. Всѣ эти факты уже прямо указываютъ на то, что наши разнообразныя органы чувствъ, наши различныя периферическіе нервы, остаются и во время сна способными къ дѣятельности, т.-е. къ воспріятію и къ проведенію разнообразныхъ впечатлѣній, которыя затѣмъ перерабатываются въ нашей центральной нервной системѣ въ ощущенія. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что наши органы чувствъ, наша периферическая нервная система, остаются совершенно способными къ дѣятельности и во время сна, и что мы должны искусственными мѣрами, т. е. устраненіемъ раздраженій, задерживать ихъ дѣятельность въ моменты засыпанія и самаго сна. Этотъ выводъ сдѣланъ на основаніи наблюденій всенедельной жизни. Но что говорить въ этомъ отношеніи наука? Просматривая литературу, мы встрѣчаемся съ полнѣйшимъ разногласіемъ въ этомъ отношеніи: одни говорятъ, что чувствительность усиливается и вечеромъ, и во снѣ (Моро, Натанъ, Макаріо, Фодере и другіе); другіе, напротивъ того (Бурдахъ, Лемуанъ, Лотце и др.), доказываютъ, что чувствительность притупляется во снѣ; но, вникая въ приводимыя различными авторами примѣры, мы убѣждаемся, что всѣ тѣ, которые говорятъ о притупленіи чувствительности во снѣ, имѣютъ въ виду не самую чувствительность, а сознательныя ощущенія, хотя бы,

напримѣръ, болевыя; другіе же говорятъ о рефлексахъ. Между тѣмъ способность нервныхъ приборовъ къ дѣятельности ни въ какомъ случаѣ нельзя отождествлять съ сознательной дѣятельностью, такъ какъ сознаніе можетъ отсутствовать, а дѣятельность осязательныхъ, термическихкихъ и другихъ чувствующихъ нервовъ — продолжаться безостановочно.

По интересующему насъ теперь вопросу особенный интересъ представляетъ экспериментальная работа проф. Тарханова, который опредѣлялъ у щекочковъ, во время нормального сна, состояніе какъ корки мозговыхъ полушарій, такъ и различныя чувствующихъ нервовъ, а также и состояніе спиннаго мозга. Изъ опытовъ этого изслѣдователя несомнѣнно выяснилось, что поверхность головного мозга блѣднѣетъ при засыпаніи животныхъ, что корковый слой головного мозга перестаетъ при этомъ реагировать на тѣ электрическія раздраженія, которыя во время бодрствованія животнаго всегда давали опредѣленную реакцію въ опредѣленныхъ мышечныхъ группахъ. Далѣе, его опыты несомнѣнно доказали, что спинной мозгъ и различныя чувствующіе нервы не спятъ, и что болевыя ощущенія бывають во время сна притуплены, но не иначе, какъ постольку, поскольку эти ощущенія связаны бывають съ сознаніемъ животнаго. Здѣсь же мы должны упомянуть и о наблюденіяхъ другаго русскаго ученаго, Введенскаго, доказавшихъ, что нервы вообще могутъ работать неопредѣленно долгое время, такъ какъ они неспособны утомляться. Наконецъ, выше мы упоминали о наблюденіи надъ тѣмъ, что всякое раздраженіе вызываетъ измѣненіе въ объемѣ мозга у спящаго человѣка; а этого не могло бы быть, если бы чувствующіе нервы не находились въ дѣятельномъ состояніи. При этомъ не должно забывать, что подобныя увеличенія объема мозга наблюдались при всякаго рода раздра-

3167

БИБЛИОТЕКА
Института высшей
нервно-дѣятельности
Академии Наук СССР

женіяхъ, т.-е и при слуховомъ, и при свѣтовомъ, и при осязательномъ, а слѣдовательно и всѣ перечисленные чувствующіе нервы были способны къ своей обычной дѣятельности, т.-е къ восприниманію раздраженій и проведенію ихъ до центральныхъ аппаратовъ, заложенныхъ въ головномъ мозгу.

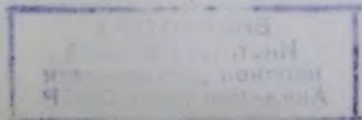
Такимъ образомъ, очевидно, что спинной мозгъ и различныя чувствующіе нервы, и соотвѣтственные центры головного — не спятъ; но намъ остается еще выяснитъ себѣ вопросъ о томъ, въ какомъ состояніи находятся во время сна двигательные нервы и тѣсно связанныя съ ними произвольныя мышцы. У авторовъ (Денинъ Моро, и др.), писавшихъ о снѣ, довольно часто можно бываетъ встрѣтить такого рода мнѣніе, что будто бы къ существеннымъ явленіямъ сна принадлежитъ полное прекращеніе всѣхъ произвольныхъ движеній, или, другими словами, засыпаніе мышечной системы и двигательныхъ нервовъ. Вѣрно ли это? Уже на основаніи наблюденій всендневной жизни, мы можемъ признать только-что приведенное мнѣніе невѣрнымъ, потому что каждому извѣстно, что спящій человѣкъ постоянно мѣняетъ свое положеніе изъ неудобнаго и утомительнаго въ болѣе свободное и удобное; далѣе точно также извѣстно, что спящіе производятъ совершенно цѣлесообразныя движенія руками въ тѣхъ случаяхъ, напр., когда ихъ раздражаетъ какая-нибудь муха, ползающая по лицу, или когда имъ надо бываетъ поправить сползающее одѣяло, и т. д. Кромѣ того, изъ опытовъ проф. Тарханова надъ рефlekсами во время сна прямо явствуетъ, что двигательные нервы и произвольныя мышцы сохраняютъ во время сна свою полную правоспособность на опредѣленнаго рода, имъ специально свойственную, дѣятельность.

Въ виду всего этого мы имѣемъ полное право утвер-

ждать, что и двигательные нервы, и произвольныя мышцы вовсе не спятъ во время сна, и слѣдовательно въ общемъ результатѣ нашего очерка мы приходимъ по необходимости къ тому заключенію, что во время сна всѣ наши органы и ткани остаются въ бодрствующемъ состояніи, т.-е. вполне способными къ отправленію своихъ обычныхъ функцій, если только мы искусственными мѣрами не лишимъ ихъ самой возможности проявить свою дѣятельность, какъ это мы дѣлаемъ, на примѣръ, съ желудкомъ, оставляя его на ночь пустымъ, съ произвольными мышцами, отъ которыхъ мы старательно устраняемъ все то, что могло бы вызвать ихъ къ дѣятельности. Бернеръ производилъ надъ крѣпко спящими людьми слѣдующаго рода опытъ: онъ закрывалъ имъ лицо тяжелымъ одѣяломъ; при этомъ спящіе, не просыпаясь, всегда отбрасывали мѣшающее имъ свободно дышать одѣяло. Съ другой стороны, извѣстно, что нѣкоторыя птицы спятъ, стоя на одной ногѣ, и слѣдовательно во время сна у нихъ продолжаетъ работать извѣстная группа произвольныхъ мышцъ. Въ прежнее время, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ, почтальоны развозили письма верхомъ, и при этомъ имъ нѣрѣдко приходилось спать во время ѣзды. Точно также извѣстны случаи, когда переутомленные солдаты засыпали или на часахъ, или во время усиленнаго марша и тѣмъ не менѣе продолжали дѣлать всѣ необходимыя движенія, продолжали идти въ ногу, и т. д. Наконецъ, то же самое доказываютъ и различныя случаи сомнамбулизма, во время котораго крѣпко спящіе люди совершаютъ самые сложные и нѣрѣдко рискованныя мышечныя акты, напр., влѣзаютъ на крыши и вообще производятъ чудеса эквилибристики.

Въ конечномъ выводѣ, слѣдовательно, мы приходимъ къ тому заключенію, что во время сна спитъ только го-

2107

ловой мозгъ; но такъ какъ головной мозгъ нашъ состоитъ изъ множества разнообразныхъ приборовъ и центровъ, служащихъ самымъ разнообразнымъ назначеніямъ, то естественно будетъ задаться теперь вопросомъ о томъ, спитъ ли весь головной мозгъ цѣликомъ, или только одна какая-нибудь опредѣленная часть его. Въ виду всего высказаннаго нами о произвольныхъ мышечныхъ движеніяхъ, совершаемыхъ во время глубокаго сна, намъ само собою приходится заключить, что тѣ центры головного мозга, которые руководятъ подобнаго рода произвольными движеніями, — какъ маршировка солдатъ, или, напр., держаніе ружья въ опредѣленномъ положеніи и ходьба изъ стороны въ сторону заснуваго часоваго, — не могли бы дѣйствовать, если бы они спали въ то время, когда эти движенія совершаются заснувшими людьми. Точно также и различныя осязательныя или термическія раздраженія вызывали въ опытахъ Тарханова опредѣленные отражательныя движенія, которыя разнились отъ такихъ же движеній, получаемыхъ въ чисто спинно-мозговой части животнаго, т. е. въ задней половинѣ тѣла, отдѣленной отъ головного мозга путемъ перерѣзки спиннаго мозга. На основаніи этой разницы мы и имѣемъ право заключить, что центры головного мозга принимали участіе въ образованіи отраженныхъ движеній въ передней половинѣ тѣла спящаго щенка. Мы знаемъ также, что различнаго рода слуховыя раздраженія, также какъ и свѣтovyя, обонятельныя и вкусовыя, могутъ вызывать у спящихъ цѣлый рядъ рефлекторныхъ движеній, не обуславливая въ то же время пробужденія, и только когда подобнаго рода раздраженія достигнутъ известной силы, необходимой для того, чтобы при данныхъ условіяхъ данное раздраженіе перешло за порогъ сознанія (Гербертъ, Фехнеръ), человекъ просыпается и сознаетъ, что именно его разбудило.

Такимъ образомъ, мы должны заключить, что во время сна не только зрительныя, слуховыя, обонятельныя и вкусовыя нервы, но и соотвѣтственные имъ центры въ головномъ мозгу находятся въ дѣятельномъ, не спящемъ состояніи. На то же самое указываютъ и сновидѣнія, такъ какъ при спящемъ, недѣятельномъ состояніи всѣхъ перечисленныхъ нервныхъ приборовъ и центровъ мы не могли бы, конечно, имѣть во снѣ зрительныхъ, слуховыхъ, обонятельныхъ, вкусовыхъ и осязательныхъ ощущеній, точно также какъ мы не могли бы имѣть въ нашихъ сновидѣніяхъ ощущеній и представленій изъ области мышечнаго чувства и общаго чувства, еслибы соотвѣтственные приборы и центры не находились въ дѣятельномъ, т. е. бодрствующемъ состояніи. Именно въ виду подобнаго бодрствующаго состоянія различныхъ нервныхъ приводовъ и соотвѣтственныхъ черепно-мозговыхъ центровъ и возможно бываетъ пробужденіе спящаго человека въ каждый любой моментъ его сна. Въ этомъ отношеніи очень интересны наблюденія проф. Моссо, который замѣтилъ, что каждый неожиданный шумъ, каждое прикосновеніе къ спящему, однимъ словомъ, каждое падающее на него извѣстное раздраженіе вызываетъ тотчасъ же измѣненіе въ объемѣ мозга, т. е. большее наполненіе его сосудовъ кровью даже въ тѣхъ случаяхъ, когда подобнаго раздраженія оказывается недостаточно для того, чтобы разбудить спящаго.

На основаніи этой правоспособности нервныхъ приводовъ и центровъ къ дѣятельности во время сна и основаны способы измѣренія глубины сна. Принципъ всѣхъ подобныхъ измѣреній сводится на то, что измѣряется, какая сила раздраженія нужна въ тотъ или иной моментъ нормальнаго сна для того, чтобы довести это раздраженіе за порогъ сознанія и тѣмъ самымъ разбудить человека. Все это удобнѣе съ этою цѣлью можно пользоваться звукомъ,

получаемымъ вслѣдствіе паденія какого-нибудь металлическаго тѣла съ болѣе или менѣе значительной высоты на металлическую же поверхность. Кольшюттеръ, Мингофъ и Писбергенъ опредѣляли подобнымъ образомъ глубину нормальнаго сна и убѣдились, что глубина сна рѣзко усиливается въ теченіе перваго или втораго часа, а затѣмъ глубина его такъ же рѣзко понижается, потомъ снова усиливается, и, дойдя до извѣстнаго уровня, она и держится на немъ болѣе или менѣе постоянно. Всякое пробужденіе спящаго ведетъ къ новому временному усиленію глубины сна, и точно такъ же дѣйствуетъ и каждое рѣзкое ослабленіе глубины сна, не доходящее до полнаго пробужденія. На основаніи этихъ опытовъ прямо вытекаетъ, что первые два-три часа сна представляются наиболѣе важными, такъ какъ въ теченіе ихъ сонъ достигаетъ своей наибольшей глубины, и слѣдовательно пробужденіе въ это время должно оказаться особенно вреднымъ, такъ какъ оно должно нарушать всѣ тѣ процессы возстановленія и пластическаго питанія, всѣ тѣ процессы кровотоверенія, которые совершаются преимущественно, если и не исключительно, во время сна.

Такимъ образомъ, во время сна ничто, въ сущности, не спитъ въ насъ, кромѣ головнаго мозга, но и головной мозгъ, какъ мы сейчасъ видѣли, спитъ не весь. Спрашивается: что же спитъ въ немъ? Мы видѣли, что спящій можетъ имѣть и слуховыя, и зрительныя, и обонятельныя, и осязательныя, и другого рода ощущенія и представленія, хотя онъ и не сознаетъ этого и не пробуждается, но при этомъ всегда объемъ его мозга увеличивается, сосуды наполняются большимъ количествомъ крови, какъ это неоднократно было наблюдаемо на больныхъ, имѣющихъ рану въ черепѣ, и у которыхъ во время сновидѣній мозгъ иногда набухалъ настолько, что выпя-

чивался изъ-за краевъ раны даже больше, чѣмъ во время спокойнаго бодрствующаго состоянія (Блуменбахъ).

Всѣмъ извѣстно, что спящіе нерѣдко говорятъ во снѣ, слѣдовательно и органы рѣчи, заложенные въ лобныхъ доляхъ большихъ полушарій, должны находиться въ способномъ къ дѣятельности состояніи. Съ другой стороны, извѣстны въ наукѣ и такіе случаи, что крѣпко спящихъ людей, напримѣръ, будили и никакъ не могли разбудить, хотя они даже говорили будившимъ ихъ людямъ: „оставьте меня!“, но затѣмъ тотчасъ засыпали безпробуднымъ сномъ, и когда потомъ они просыпались, то ничего не помнили ни о попыткахъ разбудить ихъ, ни о своихъ словахъ (Депинъ). Клегорнъ передаетъ даже случай, въ которомъ сильно утомленный спящій человекъ просыпается, принимаетъ участіе въ пѣніи, въ ѣдѣ своихъ товарищей и, заснувъ снова, ничего не помнитъ обо всемъ этомъ при своемъ пробужденіи утромъ. Аберкромби передаетъ еще болѣе интересный случай: юристъ, утомленный долгимъ засѣданіемъ въ судѣ, поѣхалъ послѣ того съ друзьями въ ресторанъ, гдѣ они пили, говорили рѣчи, затѣмъ, вернувшись домой, заснулъ и при пробужденіи на другой день ничего не помнилъ. Какъ объяснить себѣ подобнаго рода случаи? засыпаніемъ, ослабленіемъ памяти? Да, но въ памяти нашей надо отличать въ сущности двѣ стороны, а именно, съ одной стороны, память присущую каждой ткани, каждой клеткѣ нашего тѣла, а съ другой — память сознательную. Въ только-что приведенныхъ случаяхъ ослаблена была, очевидно, только сознательная память, т. е., другими словами, ослаблено было самое сознаніе, такъ какъ сознательная память въ сущности обозначаетъ лишь стойкость тѣхъ слѣдовъ, которые различныя ощущенія, представленія и т. д. оставляютъ въ нашемъ сознаніи.

Нѣкоторые авторы утверждали также, что во время

сна засыпаетъ наше вниманіе и наша воля, но еслибы это было вѣрно, то намъ невозможно было бы просыпаться въ желаемый часъ или въ отвѣтъ на опредѣленный, даже самый слабый звукъ. Между тѣмъ много изъ насъ, конечно, имѣли случай убѣдиться, что, засыпая, мы можемъ приказать себѣ проснуться въ опредѣленный часъ и дѣйствительно просыпаемся. Этою способностью намъ приходится особенно часто пользоваться въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ухаживаемъ, на примѣръ, за опасно больнымъ дорогимъ для насъ существомъ, и когда лѣкарство приходится давать черезъ опредѣленные промежутки времени, напр. черезъ каждый часъ, или черезъ каждые два часа. Бруссе передаетъ намъ, что г. Шевалье обладалъ крайне развитымъ органомъ времени, и его можно было будить въ любое время ночи и, разбудивъ, спросить о томъ, который часъ, и онъ всегда безошибочно опредѣлялъ время, не смотря на часы. Еще интереснѣе бываетъ наблюдать любящую мать, которая просыпается при каждомъ движеніи своего малютки, хотя другіе, гораздо болѣе сильныя шумы нисколько не будятъ ея. Все это возможно только въ силу того, что вниманіе вслѣдствіе волевого акта остается все время сна сосредоточеннымъ на опредѣленныхъ звукахъ, на опредѣленныхъ представленіяхъ, а при этомъ, конечно, и вниманіе, и воля, не могутъ бездѣйствовать.

Насколько дѣятельно можетъ работать вниманіе во время сна, доказываютъ случаи въ родѣ слѣдующаго: ложась спать, человѣкъ вспоминаетъ, что ему надо вставать завтра въ восемь часовъ; но при этомъ совершенно забываетъ о томъ, что часы его, по ошибкѣ, поставлены на полчаса впередъ. Среди ночи онъ просыпается и, взглянувъ на часы, вспоминаетъ, что они показываютъ и бьютъ невѣрно и что, слѣдовательно, ему надо проснуться не тогда, когда часы будутъ бить восемь

часовъ, а когда стрѣлка ихъ будетъ стоять на половинѣ девятого. Вслѣдъ затѣмъ онъ засыпаетъ крѣпкимъ сномъ и спитъ пока что-то не разбудитъ его среди самаго спокойнаго сна. Онъ просыпается въ испугѣ, предполагая, что проспалъ, но взглянувъ на часы онъ убѣждается, что проснулся во время, т. е. когда часы его показывали половину девятого. Такимъ образомъ, слѣдовательно, несмотря на глубокой и крѣпкой сонъ вниманіе и воля человѣка не только слѣдили за временемъ, но даже сдѣлали необходимую поправку по отношенію къ невѣрно поставленнымъ часамъ; а это тѣмъ болѣе удивительно, что громкій бой часовъ не разбудилъ спящаго, тогда какъ молчаливая остановка минутной стрѣлки на цифрѣ VI сопровождалась пробужденіемъ человѣка, знавшаго, что ему надо проснуться въ восемь часовъ и что часы его показываютъ на полчаса впередъ.

Наконецъ, и воля, и вниманіе, нерѣдко проявляютъ свою дѣятельность также и во время сновидѣній, но объ этомъ намъ придется еще говорить позже; здѣсь же мы упомянемъ только о томъ, что въ наукѣ имѣются заявленія (Жуффруа) относительно того, что люди со слабымъ характеромъ и вообще со слабой головой не могутъ просыпаться по желанію въ заранѣе опредѣленное время. Между тѣмъ сила характера прямо пропорціональна развитію сознанія.

Однимъ словомъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что во время сна прекращается только одно сознаніе въ человѣкѣ, всѣ же остальные функціи, если не усиливаются, то во всякомъ случаѣ продолжаютъ, хотя бы и въ ослабленномъ видѣ.

При разсмотрѣніи психологіи сна, мы убѣдимся, что сновидѣнія зачастую вызываютъ въ спящемъ человѣкѣ игру самыхъ разнообразныхъ чувствъ, самыхъ различныхъ аффектовъ, что они вызываютъ къ дѣя-

тельности самая разносторонняя способность нашей души. Въ виду этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ разнорѣчїи, которое мы встрѣчаемъ у различныхъ авторовъ относительно, напримѣръ, положенія осей глаза и состоянія зрачковъ во время сна, потому что извѣстно вѣдь, что зрачки мѣняются подвѣянїемъ различныхъ чувствъ: такъ напр., они расширяются во время страха и, слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, если у спящаго мы найдемъ извѣстныя колебанія въ ширинѣ зрачковъ и въ положенїи зрительныхъ осей соотвѣтственно съ тѣми чувствами и представленїями, которыя спящїй испытываетъ во время сновидѣній. Въ настоящее время можно уже признать за доказанное, что въ моментъ засыпанїя оси глазъ дивергируютъ (Леконтъ), или же, какъ это намъ приходилось замѣчать на маленькихъ дѣтяхъ, онѣ принимаютъ параллельное положенїе, и зрачки расширяются, какъ при смотрѣнїи вдаль. Съ этимъ въ связи находится и тотъ фактъ, что вечеромъ, когда человѣку хочется спать, зрачки его представляются по большей части расширенными. Во время крѣпкаго сна оси глазъ бывають сведены и обращены кверху, а зрачки сужены (I. Мюллеръ, Рельманъ и Витковскїй).

Затронувъ разъ вопросъ о состоянїи глазъ, мы должны также упомянуть о томъ, что нѣкоторые авторы разбирали вопросъ о томъ, почему именно вѣки закрываются при засыпанїи. Бишъ доказывалъ, что они закрываются вслѣдствїе расслабленїя мышцъ, т.-е. какъ бы вслѣдствїе временнаго паралича ихъ; противъ этого съ успѣхомъ возражалъ Стоксъ, доказывавшїй, что вѣки закрываются вслѣдствїе того, что ихъ мышцы, подобно мышцамъ сфинктеровъ, могутъ сокращаться и помимо воли. Для насъ дѣло представляется гораздо проще и естественнѣе, а именно, вѣки человѣкъ также,

какъ и животныя, закрываетъ произвольно при засыпанїи, и закрываетъ потому, что ему надо устранить зрительные приборы свои, по возможности, отъ всякаго раздраженїя, такъ какъ приборы эти не спятъ, и потому ихъ надо искусственно приводить въ болѣе или менѣе бездѣятельное состоянїе. Вѣрность нашего объясненїя подтверждается тѣмъ фактомъ, что смертельно больные люди спятъ съ полуоткрытыми или даже и совсѣмъ открытыми глазами. Почему? Да именно потому, что у нихъ раздражительность, воспрїимчивость зрительныхъ нервовъ бываетъ настолько понижена, что засыпанїе бываетъ возможно и при открытыхъ глазахъ и кромѣ того опасно больнымъ людямъ уже не до того, чтобы заботиться о наивозможныхъ удобствахъ для засыпанїя, тѣмъ болѣе, что они бывають настолько слабы, что всякое лишнее волевое усилїе, всякое лишнее волевое движенїе представляется имъ нежелательнымъ, какъ несоотвѣтственно тяжелое для ихъ наличныхъ силъ.

Послѣ всего сказаннаго понятно также, что подобное засыпанїе при полуоткрытыхъ глазахъ составляетъ зачастую признакъ близкой смерти или, по крайней мѣрѣ, признакъ крайне опаснаго положенїя.

Познакомившись такимъ образомъ съ тѣми измѣненїями, которыя происходятъ въ организмѣ во время сна, мы должны теперь остановиться нѣкоторое время на различныхъ теорїяхъ сна. Прежде всего мы встрѣчаемся въ наукѣ съ локализирующими теорїями сна, т.-е. съ такими теорїями, которыя связывали сонъ съ тѣмъ или инымъ органомъ, съ тою или иною тканью. Такъ напр., одни признавали щитовидную железу за органъ сна, доказывая (Форнерисъ), что каждый вечеръ шея наша утолщается вслѣдствїе набуханїя щитовидной железы, и что именно вслѣдствїе отвлеченїя крови отъ головного мозга этой железой и получается то состоянїе, которое

мы называемъ сномъ. Невѣрность этой теоріи доказывається тѣмъ, что люди, у которыхъ удаляютъ щитовидную железу не только не страдаютъ бессонницей, но даже, напротивъ того, отличаются сонливостью, также какъ и люди, пораженные атрофіей щитовидной железы. Другая локализирующая теорія видитъ органъ сна въ сосудистомъ сплетеніи, выполняющемъ мозговые желудочки (Осборнъ); по словамъ этой теоріи, во время сна сосудистое сплетеніе набухаетъ, выполняетъ мозговые желудочки и тѣмъ самымъ прерываетъ всякое сообщеніе между головнымъ мозгомъ и остальнымъ тѣломъ. Въ подтвержденіе этой теоріи авторъ ея—Осборнъ—приводитъ три случая упорной бессонницы, въ которыхъ при вскрытіи сосудистое сплетеніе оказалось измѣненнымъ, наполненнымъ пузырьками. Относительно этой теоріи сна мы можемъ замѣтить только одно, а именно, что ей противорѣчатъ всѣ наблюденія, доказывающія, что сонъ сопровождается уменьшеніемъ объема мозга и анэмией. Къ числу локализирующихъ теорій принадлежитъ также и высказанная Пуркинѣ, который предполагаетъ, что гавгаіи основанія мозга, вслѣдствіе большого притока къ нимъ крови, сдавливаютъ волокна лучистаго вѣнца и тѣмъ самымъ прерываютъ на время связь нашего мозга съ ви́шнимъ міромъ. Экснеръ, возражая противъ этого, указываетъ, что еслибы это было вѣрно, то во время сна наше сознаніе должно бы было оставаться по отношенію къ имѣющемуся наличному числу представленій совершенно неизмѣненнымъ, чего, однако, не бываетъ.

Гораздо бѣльшимъ распространеніемъ пользуется сосудодвигательная теорія сна, которая получила особенно прочное основаніе въ работахъ Дѣргэма, Геммонда, Визіоли, Тарханова и другихъ изслѣдователей, опредѣлявшихъ появленіе анэмии мозга во время сна и возражавшихъ противъ прежде господствовавшего мнѣнія о

необходимости венознаго застоя въ головномъ мозгу для появленія сна (Кэппи, Лавгле, Блумредеръ и др.). Дѣргэмъ трепанировалъ черепъ собакъ въ темянной области и вставлялъ на мѣсто удаленной кости часовое стеклышко, чрезъ которое онъ и могъ наблюдать за измѣненіями мозга во время сна. Къ сожалѣнію, только, Дѣргэмъ, также какъ и Моссо и другіе изслѣдователи—наблюдали не естественно наступающій сонъ животныхъ, а вызванный хлороформомъ, морфіемъ или хлораль-гидратомъ. Дѣргэмъ, впрочемъ, выжидалъ, пока наркотизація не переходила въ спокойный, естественный сонъ; но все же опыты всѣхъ этихъ наблюдателей не вполне доказательны, и мы не могли бы приписывать имъ такого рѣшающаго значенія, еслибы у насъ не было опытовъ проф. Тарханова, который взялъ молодыхъ щенковъ, легко и быстро засыпающихъ, и такимъ образомъ послучилъ возможность прослѣдить за измѣненіями мозга при совершенно нормальномъ снѣ.

Дѣргэмъ указывалъ, что во время сна мозгъ становится анэмичнымъ; онъ пробовалъ накладывать лигатуру на яремныя вены, и такимъ образомъ вызывать въ мозгу венозную застой, и при этомъ онъ убѣдился, что мозгъ при этихъ условіяхъ представляетъ совершенно иную картину, нежели во время сна. Затѣмъ онъ пробовалъ искусственно вызывать анэмію мозга посредствомъ наложенія лигатуры на сонныя артеріи, и въ результатѣ получалось какъ разъ такое состояніе мозга, какое наблюдалось у животныхъ во время сна. Флеммингъ производилъ опыты на самомъ себѣ и на своихъ товарищахъ, которымъ онъ сдавливалъ сонныя артеріи въ теченіе полуминуты такъ, чтобы совершенно прекратить біенія, и въ результатѣ получалъ безсознательное состояніе и сонъ, отличавшійся крайнимъ обиліемъ сновидній. Если одновременно съ сонными арте-

ріями сдавливались также и яремные вены, то лицо под вергаемыхъ опыту людей краснѣло, и засыпаніе наступало медленно и бывало далеко не такое крѣпкое, какъ при сдавленіи однихъ артерій. Все это, конечно, говорить въ пользу того, что во время сна развивается анемія головного мозга. Гильтонъ убѣдился также, что, если въ случаяхъ перелома основанія черепа, надавить на яремныя вены, то изъ уха начинается быстро вытекать цереброспинальная жидкость; между тѣмъ каждому хирургу извѣстно, что во время сна истечение цереброспинальной жидкости изъ уха или рѣзко ослабѣваетъ, или даже совершенно прекращается въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется переломъ основанія черепа, и, напротивъ того, истечение усиливается при пробужденіи больныхъ.

Эти факты служатъ косвеннымъ указаніемъ на то, что сонъ сопровождается не венознымъ застоємъ, а сокращеніемъ сосудовъ, анеміей мозга.

У насъ есть, впрочемъ, и прямое доказательство, а именно вышеупомянутые опыты проф. Тарханова, который прямо наблюдалъ поблѣдненіе мозга у щенковъ при естественномъ засыпаніи ихъ; кромѣ того онъ убѣдился, что молодые щенки, легко засыпавшіе при горизонтальномъ положеніи тѣла и еще легче при такомъ вертикальномъ положеніи ихъ тѣла, при которомъ голова ихъ была поднята кверху, вовсе не засыпали, если ихъ помѣщали головой книзу, очевидно именно потому, что при этомъ положеніи кровь у нихъ застаивалась въ венозныхъ сосудахъ головного мозга. Такимъ образомъ сосудодвигательная теорія принимаетъ, слѣдовательно, что во время сна сосуды головного мозга сокращаются и содержатъ меньшее количество крови.

Дѣргэмъ доказываетъ, что въ мозгу слѣдуетъ различать двоякаго рода кровообращеніе, а именно крово-

обращеніе дѣятельности и кровообращеніе питанія. Во время перваго кровь съ силой приливаетъ къ мозгу и растягиваетъ механически капиллярныя сосуды, которые до этого, вслѣдствіе своей узости, пропускали только кровяную сыворотку, теперь же по нимъ циркулируютъ также и красныя кровяныя шарики, эти разносители кислорода. Быстрота, съ которой кровь циркулируетъ по сосудамъ, во время дѣятельности мозга, не только ведетъ къ болѣе значительной доставкѣ кислорода, но въ то же время эта быстрота движенія кровяной струи содѣйствуетъ, по Дѣргэму, эндосмосу, т. е. поступленію различныхъ веществъ изъ тканей въ сосуды, тогда какъ обратное движеніе экзосмоса ослабѣваетъ при этомъ, и такимъ образомъ всѣ продукты, получающіеся вслѣдствіе усиленной дѣятельности и усиленнаго окисленія, быстро уносятся изъ мозга кровью. Дѣргэмъ дѣлалъ опыты съ кишкой кролика, и при этомъ убѣдился, что быстрота движенія жидкости по ней всегда усиливаетъ эндосмозъ и ослабляетъ экзосмозъ. При кровообращеніи питанія сосуды сокращаются, капилляры перестаютъ пропускать красныя шарики крови, все кровообращеніе замедляется, и при этомъ являются самыя благопріятныя условія для эндосмоса, а слѣдовательно и для пластическаго питанія тканей мозга. Подобное-то кровообращеніе питанія и совершается, по словамъ Дѣргэма, во время сна. На то же самое указывалъ и Кольшюттеръ, который дѣятельное кровообращеніе въ мозгу прямо приравнивалъ къ тому, что происходитъ въ железахъ при ихъ дѣятельности (Клодъ Бернаръ).

Рядомъ съ этой сосудодвигательной теоріей сна мы должны упомянуть о той гипотезѣ, которая была высказана д-ромъ Жирондо на основаніи открытыхъ проф. Боллемъ и проф. Робеномъ около сосудовъ головного

мозга тонких лимфатических влагалищъ. По мнѣнію Жирондо во время сна эти лимфатическія влагалища въ обиліи наполняются лимфой, и вслѣдствіе этого кровеносные сосуды сдавливаются, кровообращеніе замедляется и наступаетъ сонъ. Въ этихъ лимфатическихъ влагалищахъ или пространствахъ проф. Болль постоянно находилъ болѣе или менѣе обильное число бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, а принимая во вниманіе открытый проф. Тархановымъ фактъ относительно того, что при неподвижномъ положеніи животныхъ (при отравленіи кураре) всѣ бѣлые кровяные шарики застреваютъ въ лимфатическихъ путяхъ и пространствахъ, мы начинаемъ повимать, почему въ случаяхъ продолжительной зимней спячки кровь животныхъ кажется совершенно лишенной бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ; очевидно, что при этомъ они, по всѣмъ вѣроятіямъ, скопляются въ различныхъ лимфатическихъ пространствахъ и путяхъ. Очень вѣроятно, что подобное накопленіе лимфы въ пространствахъ, окружающихъ сосуды мозга, имѣетъ особое значеніе для цѣлей питанія и пластическаго возстановленія тканей; но выясненія всего этого намъ приходится ожидать отъ будущихъ изслѣдованій.

Рука объ руку съ этими сосудодвигательными теоріями сна явились и теоріи химическія. Такъ, напр., Зоммеръ доказывалъ, что сонъ сводится на обѣднѣніе мозга кислородомъ, и что сонъ наступаетъ тогда, когда запасъ кислорода въ тканяхъ и въ крови бываетъ истощенъ. Онъ связывалъ свою теорію съ тѣмъ, что Петтенкофферъ и Фойтъ опредѣлили большее поглощеніе кислорода во время ночи и усиленіе этого поглощенія при бѣлковой пищѣ. Гейнзіусъ доказывалъ, что во время сна всасываніе бываетъ усилено, но что отложеніе бѣлковъ бываетъ замедлено, и онъ связывалъ это съ тѣмъ, что кислоты замедляютъ диффузію или экзосмосъ бѣл-

ковыхъ тѣлъ, а щелочи ускоряютъ его; между тѣмъ извѣстно, что всякое утомленіе сопровождается накопленіемъ въ тѣлѣ молочной кислоты и другихъ продуктовъ обратнаго метаморфоза. Согласно съ этимъ взглядомъ стали пробовать молочную кислоту въ качествѣ усыпляющаго средства; но получали при этомъ противорѣчивые результаты (Прейеръ, Фишеръ, Л. Мейеръ). Другіе и особенно проф. Пфлюгеръ обратили главное вниманіе на угольную кислоту и на ея роль во время сна. Пфлюгеръ сводитъ всякую дѣятельность нашихъ органовъ и въ особенности дѣятельность головного мозга на диссоціацію или разъединеніе частицъ живой матеріи, совершающееся на счетъ интрамолекулярнаго кислорода, и онъ доказываетъ, что дѣятельность эта, по необходимости, прекращается, когда внутримолекулярный кислородъ окажется весь затраченнымъ на образование угольной кислоты. Проф. Бинцъ доказываетъ съ своей стороны, что всѣ усыпляющія средства (молочная кислота, морфій, хлороформъ) выказываютъ сильное сродство съ корковымъ слоемъ головного мозга, вслѣдствіе чего корка полушарій связываетъ на нѣкоторое время приносимыя кровью усыпляющія вещества, и сама становится неспособной при этомъ къ тѣмъ процессамъ расщепленія, диссоціаціи, которые необходимы для дѣятельности мозговыхъ приборовъ, во время бодрствованія. Наконецъ, за самое послѣднее время появились попытки объяснять сонъ накопленіемъ въ тѣлѣ животныхъ извѣстныхъ лейкомаиновъ, т. е. опять-таки химическія объясненія сна.

Всѣ перечисленныя нами главныя теоріи сна, за исключеніемъ развѣ локализирующихъ, т. е. принимающихъ существованіе спеціальнаго органа сна, оставляютъ въ сущности безъ вниманія основныя, непосредственныя причины сна, какъ на это совершенно осно-

вательно указывает и Вундт. Анэмія мозга может наблюдаться во время сна, также какъ и состояніе обѣденія организма внутримолекулярнымъ кислородомъ, но во всякомъ случаѣ эти явленія не составляютъ непосредственной причины сна, потому что, во-первыхъ, авэмія мозга и уменьшеніе его объема всегда появляются послѣ уже наступившаго засыпанія, а не передъ нимъ, и, слѣдовательно, составляютъ до извѣстной степени послѣдовательное, сопутствующее явленіе сна; во вторыхъ, съ точки зрѣнія теоріи Полюгера, сонъ долженъ охватывать одновременно весь организмъ, со всѣми его тканями и органами, и во всякомъ случаѣ уже сонъ долженъ охватывать безусловно всю центральную нервную систему; между тѣмъ выше мы видѣли, что спинной мозгъ и различные нервы вовсе не спятъ, и что, кромѣ того, и въ головномъ мозгу очень многіе участки находятся въ болѣе или менѣе дѣятельномъ состояніи и при томъ во время самаго глубокаго сна. На необходимость отдѣлять первичныя явленія сна отъ вторичныхъ указываетъ также и Вундт. Что касается до тѣхъ химическихъ теорій, которыя объясняютъ появленіе сна накопленіемъ въ тѣлѣ различныхъ продуктовъ утомленія, или обратнаго обмѣна, то онѣ еще менѣе удовлетворительны, потому что каждому изъ насъ извѣстно, что наступленіе сна возможно и при отсутствіи всякаго утомленія, и, наконецъ, извѣстно также, что въ случаяхъ очень рѣзкаго утомленія, какъ умственнаго, такъ и физическаго, сонъ часто оказывается невозможнымъ (Дѣргэмъ, Магомедъ).

Съ другой стороны извѣстно также, что люди очень легко засыпаютъ подъ вліяніемъ скучной, однообразной обстановки. Между тѣмъ, если вдуматься въ дѣло, то мы поймемъ, что скука усыпляетъ именно потому, что она лишаетъ насъ разнообразныхъ впечатлѣній, ощу-

щеній, раздраженій, то есть именно того, что все снова и снова возбуждаетъ наше вниманіе, доставляя новый матеріалъ для обработки нашей мысли, нашему сознанію.

Каждому извѣстно, что зѣвота одолеваетъ насъ тогда, когда намъ скучно, когда насъ клонитъ ко сну. Спрашивается теперь, что такое эта зѣвота? Съ внѣшней стороны зѣвота состоитъ изъ глубокаго, медленнаго вдыханія, совершаемаго при болѣе или менѣе широко открытомъ ртѣ и медленнаго же выдыханія, производимаго при открытомъ ртѣ и слегка сжатой дыхательной щели, вслѣдствіе чего и получается всѣмъ извѣстный звукъ, сопровождающій каждый правильный зѣвокъ. Это внѣшняя сторона зѣвоты. Что касается до ея внутренней стороны, или до ея сути, то она, по словамъ физиолога Моссо, состоитъ изъ утомленія вниманія.

Въ пользу этого объясненія говоритъ тотъ фактъ, что зѣвота особенно часто наблюдается у ослабленныхъ потерю крови больныхъ, а также и у людей обладающихъ нестойкой нервной системой, напримѣръ, у истеричныхъ. Однимъ словомъ, зѣвота появляется, при прочихъ равныхъ условіяхъ, тѣмъ легче, чѣмъ слабѣе бываетъ развита сознательная умственная жизнь и чѣмъ легче происходитъ ея утомленіе; потому что извѣстно, вѣдь, что малокровные, слабые люди отличаются также и ослабленной умственной дѣятельностію, ослабленнымъ сознаніемъ, волей и вниманіемъ. Многіе страдающіе малокровіемъ люди начинаютъ зѣвать и дремать каждый разъ, какъ только они пробудутъ нѣкоторое время въ сидячемъ или стоячемъ положеніи и, напротивъ того, стоитъ имъ только лечь, т. е. принять горизонтальное положеніе, и сонливость и зѣвота исчезаютъ безслѣдно. Въ виду этого приходится признать, что между зѣвотой и малокровіемъ головного мозга должна существовать извѣстная болѣе или менѣе тѣсная связь.

Сильная зѣвота всегда сопровождается потягиваніемъ всего тѣла и конечностей и проф. Моссо говоритъ, что эти потягиванія являются вслѣдствіе инстинктивнаго желанія устранить мѣстные застои крови и вообще въ качествѣ противудѣйствія противъ неправильнаго распредѣленія крови.

Спрашивается теперь: въ чемъ же состоитъ непосредственная причина сна? Выше мы уже видѣли, что во время сна постоянно наблюдается перерывъ дѣятельности сознанія, а потому мы и думаемъ, что для объясненія ближайшей причины и сущности сна мы должны обратить вниманіе на наше сознаніе. Психо-физиологическая теорія сна въ сущности можетъ быть выражена слѣдующей формулой: „Сонъ есть время отдохновенія нашего сознанія“.

Если наше положеніе вѣрно, то люди со слабо развитымъ сознаніемъ должны спать больше, нежели люди съ рѣзко и опредѣленно выраженнымъ его. Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Обратите прежде всего вниманіе на вашихъ дѣтей, у которыхъ сознаніе по необходимости должно быть слабѣе развито, нежели у взрослыхъ. Дѣти, какъ каждому извѣстно, спятъ много и засыпаютъ гораздо легче, нежели взрослые. То же самое замѣчается и относительно неразвитыхъ людей среди нашего цивилизованнаго міра, а также и относительно дикарей. Дугальдъ Стюартъ прямо указываетъ, что дикари, также какъ и нѣкоторые изъ высшихъ животныхъ, тотчасъ засыпаютъ, когда имъ нечего дѣлать, и когда ни что изъ внѣшняго міра не останавливаетъ на себѣ ихъ вниманія. Мизлухо-Маклай передавалъ мнѣ, что папуасы спятъ очень много и въ самыхъ странныхъ положеніяхъ — сидя, стоя. Здѣсь же кстати упомянемъ о томъ, что кретины, по наблюденіямъ проф. Вріэръ-де Буамонъ, спятъ очень много, между тѣмъ

никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что сознаніе у кретиновъ бываетъ развито до чрезвычайности слабо. Наконецъ, въ пользу нашего положенія говорить и тотъ неоднократно уже указанный учеными фактъ, а именно, что животныя, лишенныя головного мозга, а слѣдовательно и сознанія, вовсе не спятъ. На это отсутствіе сна у животныхъ, лишенныхъ центральной нервной системы, указываетъ, между прочимъ, и проф. Фикъ, а Нейманъ прямо говоритъ, что чѣмъ больше бываетъ выражено преобладаніе спинного мозга надъ головнымъ, тѣмъ меньше становится потребность въ снѣ.

Для надлежащей оцѣнки этого факта слѣдуетъ помнить, что у животныхъ, лишенныхъ головного мозга, по необходимости, должна отсутствовать та способность, которую мы называемъ сознаніемъ. Само собой разумѣется, что отрицая у высшихъ животныхъ сознаніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ у высшихъ животныхъ и человѣка, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы у нихъ совершенно не было сознанія; но только оно имѣется у нихъ въ такомъ мало дифференцированномъ видѣ, что даже нѣтъ возможности раздѣлить различные производимые этими животными акты на сознательно-волевые и бессознательно рефлекторные, вслѣдствіе чего многіе авторы, между прочимъ и извѣстный физиологъ Вундтъ, прямо указываютъ на полное отсутствіе рефлекторныхъ движеній у высшихъ животныхъ. И, дѣйствительно, каждый актъ для того, чтобы сдѣлаться заученнымъ до механичности, то есть бессознательнымъ, рефлекторнымъ, долженъ сначала быть сознательнымъ. Между тѣмъ у высшихъ животныхъ сознаніе бываетъ такъ мало развито, что его невозможно даже выдѣлить и отличить отъ другихъ психическихъ способностей. Для уясненія себѣ этого не дифференцированнаго состоянія психической сферы слѣдуетъ представить себѣ аналогич-

ныя стадіи развитія физической жизни организмовъ. Такъ, напримѣръ, каждый изъ насъ знаетъ что существуютъ цѣлыя группы животныхъ, въ которыхъ живая протоплазма является цѣлой и нераздѣльной, то есть она лишена бываетъ всякаго дифференцированія на отдѣльные органы или ткани и одна, сама по себѣ, выполняетъ всѣ необходимыя для жизни функціи: движенія, дыханія, сокращенія, чувствительности и поглощенія и усвоенія пищи. Само собой понятно, что при этихъ условіяхъ невысказано, чтобы та или иная функція протоплазмы доведена была до усталости, такъ какъ при нераздѣльности протоплазмы всякое частичное утомленіе, по неволѣ, должно бы было сдѣлаться общимъ и повести къ временному уничтоженію въ протоплазмѣ ея способности къ отправленію всѣхъ жизненныхъ функцій. Въ виду этого понятно, что при подобныхъ условіяхъ организациі послѣдовательные періоды дѣятельности и покоя должны быть строго уравновѣшены и въ добавочномъ отдохновеніи, въ формѣ сна не можетъ и не должно быть надобности.

Какъ только, однако, произошло отдѣленіе (дифференцированіе) сознанія отъ остальныхъ проявленій психической жизни, то запросы на его дѣятельность являются въ жизни такъ часто, что періодично повторяющихся періодовъ покоя оказывается недостаточно для отдохновенія сознанія и такимъ образомъ является потребность въ болѣе или менѣе-долгомъ и въ болѣе или менѣе частомъ снѣ. И чѣмъ слабѣе сознаніе, тѣмъ легче оно устаетъ и тѣмъ больше нуждается въ снѣ и наоборотъ, сильное сознаніе нуждается въ менѣе продолжительномъ, въ менѣе частомъ и въ менѣе глубокомъ снѣ.

О маленькихъ дѣтяхъ мы уже упоминали и кромѣ того каждому извѣстно изъ личнаго опыта, что чѣмъ моложе дѣти, тѣмъ больше они спятъ и тѣмъ крѣпче

бываетъ ихъ сонъ. Особенно доказательны для защищаемого нами положенія были наблюденія, произведенныя въ концѣ 20 годовъ настоящаго столѣтія надъ Каспаръ Гаузеромъ. Этотъ Каспаръ Гаузеръ провелъ въ одиночномъ заключеніи все свое дѣтство и отрочество, не видя ни людей, ни животныхъ, ни растений, не видя ни неба, ни солнца, ни звѣзд! Когда 17 лѣтъ его привели и оставили на улицахъ Нюрнберга, то онъ оказался взрослымъ молодымъ человѣкомъ съ развитіемъ младенца: онъ не умѣлъ ни смотрѣть, ни говорить, ни ходить. Безконечное число разнообразныхъ новыхъ впечатлѣній и ощущеній дѣйствовали на него въ первое время такъ сильно, что положительно заставляли его страдать и сожалѣть о той коморкѣ, въ которой онъ провелъ, въ одиночномъ заключеніи, всѣ 17 или 18 лѣтъ своей жизни. Этотъ-то Каспаръ Гаузеръ, въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ своей жизни среди людей, спалъ до того крѣпко, что его почти невозможно было разбудить и кромѣ того онъ засыпалъ, какъ только солнце садилось и вообще засыпалъ также легко, какъ маленькія дѣти и даже, пожалуй, легче ихъ, потому что въ первое время стоило его только вывести на воздухъ и онъ быстро и крѣпко засыпалъ, даже сидя въ тряской телегѣ и продолжалъ спать несмотря на толчки и шумъ. Въ этомъ случаѣ, очевидно, сознанію сразу приходилось осипывать такое множество ощущеній, что оно быстро утомлялось, истощалось и въ результатъ являлась неудержимая наклонность ко сну.

Кромѣ того, если мы вникнемъ въ дѣло, то убѣдимся, что и явленія, наблюдаемыя на старикахъ, указываютъ намъ на то же самое, а именно: одни старики спятъ очень много и крѣпко, а другіе, напротивъ того, отличаются до-нельзя легкимъ и непродолжительнымъ сномъ. Объяснить подобныя разницы съ точки зрѣнія сосудо-

двигательныхъ и химическихъ теорій сна невозможно, такъ какъ у всѣхъ стариковъ одинаково должны накопляться въ тѣлѣ продукты обратнаго обмѣна въ родѣ углекислоты и молочной кислоты, и у всѣхъ у нихъ сосудодвигательная система находится въ болѣе или менѣе измѣненномъ, вслѣдствіе возраста, состояніи,—между тѣмъ сонъ представляетъ у нихъ диаметрально различныя свойства.

Если мы станемъ смотрѣть на сонъ съ той точки зрѣнія, что онъ представляетъ собою время отдохновенія сознанія, то только-что упомянутыя различія будутъ намъ вполне понятны; а именно у тѣхъ стариковъ, у которыхъ сознаніе къ старости ослабѣваетъ, оно, по необходимости, должно легче утомляться и истощаться, и въ результатъ этого явится болѣе или менѣе значительное преобладаніе сна. У подобныхъ стариковъ обыкновенно наблюдается также и ослабленіе сознательной памяти, какъ это, напр., было съ извѣстнымъ астрономомъ Струве, который послѣднее время своей жизни все больше и больше утрачивалъ способность запоминать различные факты своей текущей жизни. Насколько у стариковъ сонъ можетъ преобладать надъ бодрствованіемъ, видно изъ слѣдующаго: французскій математикъ Муавръ, доживъ до преклонныхъ лѣтъ, долженъ былъ все болѣе и болѣе увеличивать число часовъ, посвящаемое имъ на сонъ, и, наконецъ, дѣло дошло до того, что онъ спалъ въ сутки 20 часовъ, и только 4 часа онъ могъ посвящать на сознательную жизнь и на свои научныя занятія. Напротивъ того, въ тѣхъ случаяхъ, когда сознаніе сохраняется въ полной силѣ въ старости, то условія самой старческой жизни не даютъ ему работать въ такой степени, въ какой оно работало прежде, и въ результатъ этого является крайне легкій и непродолжительный сонъ. Однимъ словомъ, и съ этой стороны

психо-физиологическая теорія сна оказывается вполне достаточной для объясненія различныхъ измѣненій сна въ различные возрасты и при различномъ развитіи.

Позволю себѣ еще напомнить, что люди съ рѣзко выраженной индивидуальностью, съ высоко развитымъ сознаніемъ нуждаются въ сравнительно маломъ снѣ, именно потому, что подобное сознаніе способно на очень значительную работу. Такъ напр., извѣстно, что Гумбольдтъ, Мирабо, Шиллеръ, Фридрихъ Великій и Наполеонъ I спали очень мало. Послѣ всего сказаннаго насъ уже не удивитъ то обстоятельство, что нѣкоторые авторы совершенно отрицаютъ у зародышей способность спать во время ихъ внутриутробной жизни.

Ниже намъ еще придется не разъ приводить доказательства въ пользу защищаемого нами положенія относительно того, что сонъ представляетъ собою время отдохновенія сознанія, и что гдѣ нѣтъ сознанія, тамъ нѣтъ и сна; здѣсь же мы остановимся только нѣсколько времени на вопросѣ о томъ, нуженъ ли сонъ вообще? Въ виду того, что не только различные органы и ткани нашего тѣла, но и различные приборы и участки нашей центральной нервной системы продолжаютъ функционировать во время сна, у насъ легко могло бы явиться сомнѣніе въ необходимости сна вообще. Что подобное сомнѣніе возможно, это доказывается, между прочимъ, тѣмъ фактомъ, что въ наукѣ высказывались такого рода мнѣнія, которыя прямо объявляли сонъ за ненужную, глупую и даже вредную привычку (Жирондо). Такъ, спрашивается: можно ли обходиться человѣку безъ сна?

Въ этомъ отношеніи можно дать самый положительный отвѣтъ, а именно, отсутствіе сна, какъ показали произведенные мною опыты, животныя переносятъ даже хуже, нежели полное отсутствіе пищи, потому что животныя, голодавшія двадцать дней и потерявшія болѣе по-

ловины своего вѣса, могутъ быть еще откормлены и спасены отъ смерти, тогда какъ молодые щенки, котормымъ не давали спать въ теченіе пяти сутокъ, не могли быть спасены отъ смерти, несмотря на то, что ихъ содрѣвали, кормили самымъ тщательнымъ образомъ и давали потомъ спать сколько угодно. У животныхъ, лишенныхъ сна, наблюдается паденіе температуры тѣла при одновременномъ уменьшеніи абсолютнаго числа красныхъ кровяныхъ шариковъ; число бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ въ крови уменьшается, по всѣмъ вѣроятіямъ, вслѣдствіе остановки ихъ въ лимфатическихъ путяхъ. Въ послѣдніе дни подобнаго опыта кровь животныхъ рѣзко сгущается, и соотвѣтственно съ этимъ въ крови получается кажущееся увеличеніе числа красныхъ кровяныхъ шариковъ и количества гемоглобина. Въ то же самое время у животныхъ наблюдаются крайне серьезныя разстройства питанія, и вообще щенокъ, не проспавшій ни часу въ теченіе четырехъ, пяти сутокъ, производитъ на зрителя такое тяжелое впечатлѣніе, какое голодающій щенокъ не производитъ и послѣ 10—15-дневнаго голодавія. Мнѣ лично приходилось производить опыты и въ томъ, и въ другомъ направленіи, и я вынесла твердое убѣжденіе, что сонъ для животныхъ, имѣющихъ сознаніе, болѣе необходимъ, нежели пища. Въ древнемъ мірѣ и въ Китаѣ очевидно знали этотъ фактъ эмпирически, такъ какъ тамъ употреблялась смертная казнь путемъ лишенія человѣка всякой возможности спать; въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишеніе сна употреблялось также и въ качествѣ пытки.

Въ виду такой необходимости сна для существъ, одаренныхъ центральной нервной системой, необходимо придти къ тому заключенію, что сознательная жизнь требуетъ для своего осуществленія особенно сильной затраты силъ, — до того сильной затраты, что во время ея

всѣ процессы пластическаго питанія и возстановленія тканей не могутъ совершаться надлежащимъ образомъ, а потому-то мы и видимъ, что время сна, т. е. время отдохновенія сознанія, является по преимуществу временемъ пластическаго питанія организма, временемъ растительной жизни его. Сознаніе, самосознаніе есть высшая наша способность, безъ нея невысказанны и невозможны ни нравственные идеалы, ни научныя знанія и стремленія чело-вѣчества, а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что для осуществленія сознательной жизни требуется наибольшее напряженіе всѣхъ наличныхъ силъ организма. Понятно также, что при отсутствіи сознанія нѣтъ надобности въ снѣ.

Мы постараемся далѣе познакомиться съ сущностью сознанія, и для этого воспользуемся клиническими, патологическими данными; а теперь мы имѣемъ пока право сдѣлать одно заключеніе, а именно, что ученые, признающіе сонъ за остановку или діастолу мозговой дѣятельности, ошибаются, такъ какъ во время сна мозгъ вовсе не спитъ, не бездѣйствуетъ весь цѣликомъ, а засыпанію поддаются только тѣ части его, которыя составляютъ анатомическую основу, анатомической субстратъ сознанія.

Не даромъ Байронъ указывалъ, что наша земная жизнь, въ сущности, состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ существованій, такъ какъ сонъ представляетъ собою особый, своеобразный міръ:

Our life is twofold: sleep has its own world,
A boundary between the things misnamed —
Death and existence: sleep has its own world...

Необходимо поэтому тщательно изучить и основательно ознакомиться съ этою значительною частью нашей жизни: отъ того можетъ иногда зависѣть рѣшеніе очень многихъ другихъ существенныхъ вопросовъ.

СТАТЬИ И СОЧИНЕНИЯ, ИМѢЮЩІЯ ОТНОШЕНИЕ КЪ ПЕРВОЙ
ГЛАВѢ, ПОСВЯЩЕННОЙ ФИЗИОЛОГИИ СНА.

Siemers. Erfahrungen über den Lebensmagnetismus und Somnambulismus. 1835 (о разговорахъ черезъ область желудка).

Davey, въ British Medical Journal 1881, 26 февраля. *Ею-же*, Transference of special Senses въ Journal of Psychological Medicine and Mental Pathology 1881 т. VII, ч. I, стр. 37. The British and Foreign Medico-Chirurgical Review 1845. Transposition of the senses.

Al. Borelli, Demotu animalium. 1675.

Haller. Anfangsgründe der Physiologie des menschlichen Körpers 1772 т. V.

Sorgewohl, Schreiben vom Zustande der äusserlichen Sinne im Schlafe въ Der Arzt 1769 т. 2.

Blumenbach, Anfangsgründe der Physiologie 1795.

Martin, Abhandlungen der königl. schwedischen Akademie der Wissenschaften. Leipzig. 1749—1784 т. 30 и 31.

Nudow, Versuch einer Theorie des Schlafes. Königsberg 1791.

Ackermann, Darstellung der Lebenskräfte 1805 т. I.

Dugald Stewart, Elements of the Philosophy of the human Mind 1818 т. I 6-ое издание.

R. Cleghorn, De somno. Thesaurus medicus edinburgensis novus. Edinburgi et Londoni 1785, т. II, стр. 400 и слѣд.

Joh. Ziehl, De somno 1818. Erlangen.

Cullen, Anfangsgründe der theoretischen Arzneykunst, Leipzig, 1786. Н. Boerhaave's Physiologie переводъ нѣмецкій Eberhard'a 1754.

Purkinje, Wachen, Schlaf, Traum und verwandte Zustände въ Wagner's Handwörterbuch der Physiologie т. 3 б.

Johannes Müller, Handbuch der Physiologie der Menschen 1840 т. II.

Bichat, Sur la mort et la vie. Paris.

Broussais, Lectures on Phrenology, въ The Lancet 1837 т. I, стр. 882.

Rudolphi, Grundriss der Physiologie 1823 т. II.

Eloge de Mr Moivre въ Histoire de l'Académie royale des sciences 1754. Paris 1759.

Burdach, Die Physiologie als Erfahrungswissenschaft. 1838. 2-ое издание.

Frölich, Ueber den Schlaf 1821.

Stokes, Observations on the closure of the eye in sleep въ The Dublin Journal of Medical Science 1841, т. 18, стр. 72 и слѣд.

Fornieris, въ Gazzeta Sarda 1858, 12—14. О роли щитовидной железы.

Friedländer, Versuch über die inneren Sinne und ihre Anomalien. Leipzig 1826.

Osborne, Some considerations tending to prove that the choroid plexus is the organ of sleep въ The London Medical Gazette or Journal of practical Medicine 1849 т. 8 стр. 977 и слѣд.

Smith, Suggestions relative to the cause of sleep. The Lancet 1845 т. I, стр. 36 и слѣд.

Cappie, The Causation of Sleep 1872.

Fleming, Note on the Induction of Sleep and Anaesthesia by Compression of the Carotids въ The British and Foreign Medico-Chirurgical Review 1855, т. 15, стр. 529 и слѣд.

Claude Bernard, Deux mémoires sur les variations de couleur du sang veineux въ Journal de la Physiologie 1858 т. I.

Girondeau, De la circulation cérébrale intime dans ses rapports avec le sommeil. Paris 1868.

Robin, Recherches sur quelques particularités de la structure des capillaires de l'encéphale въ Journal de la physiologie de l'homme et des animaux 1859 т. II, стр. 537 и слѣд.

Boll, Die Histologie und Histogenese der nervösen Centralorgane въ Archiv für Psychiatrie u. Nervenkrankh. т. 4 1874. *Омъ-же* въ томъ-же архивѣ за 1851 т. III, стр. 445 и слѣд.

His, Ueber ein perivasculäres Canalsystem in den nervösen Centralorganen etc. Zeitschrift für wissensch. Zoologie т. 15, стр. 127 и слѣд.

Obersteiner, Ueber einige Lymphräume im Gehirne въ Wiener acad. Sitzungsberichte т. 61 отд. I, 1870.

Golgi, Contribuzione alla fina anatomia degli organi centrali del sistema nervosa въ Rivista clinica 1871, ноябрь.

- Тархановъ, De l'influence de curare sur la quantité de la lymphe et l'émigration des globules blancs du sang. 1875.
- Sommer, Neue Theorie des Schlafes въ Zeitschrift für rationelle Medicin 1868 т. 33, стр. 214 и слѣд.
- Heynsius, Nederl. Tydschrift van Geneesk. 1859, стр. 651 и слѣд.
- Moore, On going to sleep. 1871.
- Flint, The Physiology of Man 1873.
- Ranke, Tetanus 1865. Leipzig. Онъ-же, въ Archiv für Anat. und Physiol. 1863, стр. 422 и 1864 стр. 320 и слѣд.
- Preyer, Ueber die Ursache des Schlafes. 1877.
- Mendel въ Deutsche medic. Wochenschrift 1876 стр. 193 и слѣд.
- Иерусалимскій, въ Московскомъ Врачебномъ Вѣстникѣ 1876.
- Lothar Meyer, въ Virchow's Archiv т. 66 стр. 120 и слѣд.
- Fischer, въ Zeitschrift für Psychiatrie т. 33.
- Pflüger, Theorie des Schlafes въ Archiv für die gesammte Physiologie des Menschen und der Thiere. Bonn. 1875 т. 10.
- Binz, въ Archiv für experimentelle Pathologie und Pharmakologie 1877 т. 6, стр. 310 и слѣд.
- Wundt, Grundzüge der physiologischen Psychologie 1887, т. II, стр. 447.
- Henke, Hypothese über den Schlaf въ Zeitschrift für rationelle Medicin 1862 т. 14.
- Maurry, Nouvelles observations sur les analogies des phénomènes du rêve et d'aliénation mentale въ Annales Médico-psychologiques 1853, т. 5.
- Lémoine, Du sommeil au point de vue physiologique et psychologique 1855.
- Nagel, Der natürliche und künstliche Schlaf 1872.
- Despine, Psychologie naturelle. 1880 т. 1.
- Börner, Das Alpdrücken, seine Begründung und Verhütung. 1855.
- Cubasch, въ Sammlung gemeinverständlicher Vorträge 1877, тетр. 269.
- Burns, Curious Case of Somnambulism въ The Medical and Surgical Reporter 1875, т. 32, стр. 158 и слѣд.
- Kohlschütter, Messungen der Festigkeit des Schlafes въ Zeitschrift für rationelle Medicin 1863. Онъ-же, Mechanik des Schlafes въ Zeitschrift für rationelle Medicin 1869, т. 34.

- Ной, въ The Journal of Nervous and Mental Disease 1877, т. I, стр. 289.
- Mandini, въ Giornale della reale Accademia di Medicina di Torino 1882 №№ 4, 5 и 6.
- Penzoldt und Fleischer, въ Virchow's Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie und für klin. Medicin 1882, т. 87, тетр. 2.
- Menninhof und Pisbergen, въ Zeitschrift für Biologie 1883 т. 19, тетр. 1.
- Böcker, Ueber den Schlaf въ Archiv des Vereins zur Förderung der wissenschaftlichen Heilkunde 1856, т. 2, стр. 76 и слѣд.
- Hammond, On Sleep въ The British and Foreign Medical-Chirurgical Review 1870, стр. 46 и слѣд. Его-же въ Gailard's Medical Journal 1880, 29 февр.
- Hammond, Sleep and its derangements. 1880.
- Brown, Case of Extensive Compound Fracture of the Cranium въ The American Journal of medical Sciences 1860, № 80.
- Jouffroy, Mélanges philosophiques. Paris. 1841, т. 2.
- Quincke, въ Archiv für experimentelle Pathologie und Pharmakologie 1877, т. 7.
- Salathé, Recherches sur les mouvements du cerveau Paris 1877.
- Leconte, On some Phenomena of Binocular Vision въ The American Journal of Medical Science and Arts 1875, № 51.
- Rehmann und Witkowsky, въ Archiv für Anatomie und Physiologie 1878 стр. 109 и слѣд.
- Mosso, Archiv für Physiologie v. Du Bois Reymond 1878. Ueber die gegenseitige Beziehungen der Bauch- und Brustathmung. Его-же Ueber den Kreislauf des Blutes im menschlichen Gehirn. 1881.
- Voit und Pettenkoffer, Ueber die Kohlensäureausscheidung und Sauerstoffaufnahme während des Wachens und Schlafens beim Menschen въ Sitzungsberichte der königl. bayer. Akad. der Wissenschaften zu München т. 2. Sitzung vom 10 Nov. 1866. — *Ibidem* 1867, т. 1. Sitzung vom 9-ten Februar.
- Scharling, Annalen der Chemie und Pharmacie т. 45, 1843.
- Henneborg, Journal für Landwirthschaft 1869, стр. 306 и 409. Его-же въ Landwirthsch. Versuchsstationen 1866 т. 8.

- Regnault et Reiset, Annales de chimie et de physique (3) 26, 1849. Reiset, Ann. de chimie et de physique (3) 69, 1863.
- Vierordt, Physiologie des Athmens 1845. Wagner's Handwörterbuch der Physiologie II, стр. 883 и слѣд.
- Speck, Untersuchungen über Sauerstoffverbrauch und Kohlensäureausathmung des Menschen 1871.
- Boussingault, Annales de chimie et de physique (3) XI, 1844. Deutsches Journal für practische Chemie т. 35 стр. 402 и слѣд.
- Landois, Lehrbuch der Physiologie des Menschen 1881, стр. 248.
- Pierrot, De l'insomnie 1869. Thèse.
- Fazio, Sul somno naturale, studio teoretico sperimentale въ Il Morgagni 1874.
- Durham, The Physiology of sleep въ Guy's Hospital Reports (3) т. 6, 1860.
- Psychological journal т. 5 стр. 74 и слѣд.
- Blumröder, Ueber das Irresein стр. 98 примѣчаніе и Naturforscherversammlung 1853. — Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie und psychischgerichtliche Medicin 1859 т. 16.
- Francesco Vizioli, въ Il Morgagni 1870, т. 12 стр. 835 и сл.
- Busch, въ Virchow's Archiv 1858, т. 14.
- Keyes The Effect of small Doses of Mercury in modifying the number of the red Blood Corpuscles in Syphilis въ The American Journal of the medical Sciences 1876, № 141.
- Тархановъ, Предварительное сообщеніе въ Учебникъ Физиологии Фостера т. 2 стр. 419.
- Byford, On the Physiology of Repose or Sleep въ American Journal of the Medical Sciences 1856 апрѣль.
- Horwath, въ Würzburger Verhandlungen т. 12 и 13.
- Valentin, Beiträge zur Kenntniss des Winterschlafes der Murmelthiere въ Moleschott's Untersuchungen zur Naturlehre des Menschen und der Thiere 1865 т. 9.
- Forbes Winslow, Obscure Diseases of the Brain and Mind 1863 стр. 213. Случай д-ра Пьеркена.
- Macario, Des rêves considérés sous le rapport physiologique et pathologique въ Annales Médico-psychologiques 1846 — 1847, т. 8 и 9.
- Nathan, Elemente einer Traumtheorie въ Zeitschrift für die gesammte Medicin 1841.
- Lotze, Medicinische Psychologie oder Physiologie der Seele 1852.

- Moreau de la Sarthe, Rêves въ Dictionnaire des sciences médicales 1820.
- Fodéré, Traité du délire 1840.
- Dunn, On the Psychological Phenomena of Disease въ The British Medical Journal 1862 т. 1.
- Mahomed, Observation on the Circulation made on M-r Weston during his late 500 Mile Walk, въ The Lancet 1876, т. 1, № 12.
- Brierre de Boismont, Examen du rapport de la commission créepar S. M. le roi de Sardaigne pour étudier le crétinisme въ Annales Médico-psychologiques 1850 т. 2, стр. 217 и слѣд.
- Fick, Ueber die Hirnfunction въ Archiv für Anatomie, Physiologie und wissenschaftliche Medicin 1851, стр. 422 и слѣд.
- Neumann, Pathologische Untersuchungen als Regulative des Heilverfahrens 1842 т. 2, стр. 98 и слѣд.
- Richardson, The Cantor Lectures at the Society of Arts for 1875 въ The Medical Press and Circular 1875 10-го марта.
- Langlet, Etude critique sur quelques points de la physiologie du sommeil Paris 1872.
- Schopenhauer Parerga und Paralipomena 1862 т. I, стр. 290. Признаетъ органъ сна.
- Nickson, Sleep on the bicycle въ The Lancet 1888 т. I. Говорить, что своеобразная вибрація, получаемая при взвѣ на велосипедахъ, устраняетъ потребность въ снѣ (?).

II.

Болезненные изменения сна.

Во время того состоянія, которое мы привыкли называть сномъ, въ дѣятельномъ, т.-е. бодрствующемъ видѣ могутъ находиться разнообразныя органы, ткани и нервно-мозговые приборы нашего тѣла, и исключеніемъ въ этомъ отношеніи являются только тѣ части нашего мозга, которыя составляютъ анатомическій субстратъ нашего сознанія. Намъ предстоитъ теперь познакомиться съ патологіей сна, т.-е. съ различными болезненными измѣненіями сна; а такъ какъ сонъ, по нашему мнѣнію, состоитъ изъ отдохновенія, изъ засыпанія, одного сознанія, то само собою разумѣется, что всѣ болезненныя измѣненія сна должны такъ или иначе отражаться и на сознаніи, если только высказанная нами теорія сна вѣрна.

Спрашивается теперь: въ чемъ же состоятъ болезненныя измѣненія сна? Какую бы функцію нашего тѣла мы ни взяли, мы постоянно убѣждаемся, что болезненныя измѣненія ихъ сказываются или ослабленіемъ, или усиленіемъ, и точно также по отношенію ко сну мы встрѣчаемся съ рядомъ аналогичныхъ явленій; а именно, въ однихъ случаяхъ наблюдается ослабленіе, а въ другихъ чрезмерное усиленіе сна. Ослабленіе сна сказывается, съ одной стороны тѣмъ, что сонъ становится крайне легкимъ и чуткимъ, такъ что малѣйшій шумъ, самое незначительное вѣшнее раздраженіе уже будитъ боль-

наго; при этомъ, конечно, сонъ по необходимости становится прерывистымъ и непродолжительнымъ. Само собою разумѣется, что подобнаго рода сонъ долженъ быть вреденъ, такъ какъ при подобномъ снѣ только-что начавшееся пластическое питаніе тканей все снова и снова прерывается. На вредъ подобнаго сна указывали уже неоднократно, между прочимъ, также и Бушю. Подобнаго рода состояніе наблюдается у людей, которые легко плачутъ, легко смѣются, которые краснѣютъ и пульсъ которыхъ ускоряется при каждомъ самомъ незначительномъ поводѣ, а иногда даже и безъ всякаго видимаго повода; однимъ словомъ, подобнаго рода эфемерный, мимолетный сонъ всегда наблюдается у людей съ до нельзя нестойкой нервной системой и съ крайне раздражительными сосудодвигательными приборами.

Большинство случаевъ такъ-называемой бессонницы состоитъ именно изъ подобнаго мимолетнаго, легкаго сна, и потому проф. Геммондъ былъ вполне правъ, предупреждая врачей, что рассказамъ больныхъ о полномъ отсутствіи сна не слѣдуетъ довѣрять прямо, безъ контроля, такъ какъ большинство страдающихъ бессонницей людей спятъ, но спятъ мало и крайне легкимъ сномъ. Подобнаго рода неполная бессонница отражается все же крайне вредно на здоровьѣ всего организма, а главное мозга, и въ результатѣ нерѣдко получаютъ серьезныя психическія расстройства (Ренодэнъ). Кромѣ того встрѣчаются также и случаи полной бессонницы, т.-е. полного отсутствія сна, но такіе случаи обыкновенно быстро оканчиваются смертью. Подобнаго рода случаи передаетъ проф. Геммондъ, который наблюдалъ у одного больнаго полное отсутствіе сна въ теченіе девяти сутокъ, и на 9-я сутки больной умеръ. Впрочемъ, на основаніи вышеупомянутыхъ опытовъ на животныхъ можно было уже напередъ ожидать этого.

Постараемся же теперь выяснить, при каких именно условіяхъ наблюдается бессонница. Мы упоминали о бессонницѣ, бывающей у людей нервныхъ, т.-е. у тѣхъ, у которыхъ нервная система отличается особенной нестойкостью и повышенной раздражительностью. Обыкновенно подобнаго рода люди отличаются также и рѣзкою склонностью къ приливамъ крови къ головѣ: они, по словамъ Бушю, легко и часто краснѣютъ, а покраснѣніе лица указываетъ, конечно, на приливъ крови къ головѣ (Нагель). Выше мы видѣли, что для нормальнаго сна необходима прежде всего извѣстная степень анэмій мозга и потому понятно, что люди, склонные къ черепно-мозговымъ приливамъ, оказываются въ то же самое время предрасположенными и къ бессонницѣ. Извѣстно также, что чрезмѣрные умственные занятія нерѣдко ведутъ къ бессонницѣ, также какъ и переутомленіе, вызванное физическимъ напряженіемъ (Магомедъ). Факты этого рода представляются понятными, потому что всякое переутомленіе, а въ особенности мозговое, можетъ повести къ несоотвѣтственно сильному расширенію черепно-мозговыхъ сосудовъ, къ такому сильному расширенію, которое, при отсутствіи надлежащаго пластическаго питанія, переходитъ, такъ сказать, въ паралитическое временное расширеніе (Дѣргэмъ). слѣдовательно сосуды мозга неспособны бывать сократиться, и окружающія ихъ лимфатическія влагаллица не получаютъ возможности наполниться питательной лимфой. Въ своихъ работахъ, посвященныхъ вопросу о мозговомъ переутомленіи, я уже имѣла случай подробно остановиться на бессонницахъ, вызываемыхъ подобнымъ чрезмѣрнымъ расширеніемъ мозговыхъ сосудовъ, вслѣдствіе ослабленія тонуса ихъ стѣнокъ.

Физическое переутомленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоже обуславливаетъ бессонницу. Д-ръ Магомедъ дума-

етъ, что бессонница при этомъ обуславливается усиленной работой сердца, вслѣдствіе которой къ мозгу приговняется большія количество крови; у субъекта, котораго онъ наблюдалъ, кровяное давленіе было рѣзко повышено, вслѣдъ за прохожденіемъ 500 миль пѣшкомъ и, несмотря на усталость, человѣкъ этотъ никакъ не могъ заснуть. Сонъ наступилъ только тогда, когда сердце стало работать спокойнѣе. Проф. Сидтъ указываетъ также, что холодныя ноги зачастую обуславливаютъ бессонницу и притомъ даже у маленькихъ дѣтей, т.-е. у такого рода субъектовъ, которые обыкновенно отличаются крѣпкимъ и прекраснымъ сномъ. Само собою разумѣется, что у взрослыхъ то же самое условіе гораздо легче можетъ вызвать бессонницу, и это вполне понятно, такъ какъ похолодѣніе конечностей указываетъ на приливъ крови къ внутреннимъ органамъ, а между прочимъ также и къ головному мозгу.

Послѣ всего сказаннаго, намъ уже понятно будетъ, почему всякое сильное возбужденіе вечеромъ, сильная радость или сильное безпокойство могутъ обуславливать бессонницу, и рассказъ д-ра Русселя о томъ, что арестанты, до рѣшенія ихъ дѣла, сильно падаютъ въ вѣсѣ, не можетъ удивлять насъ, разъ мы знаемъ, что безпокойство, волненіе — лишаютъ человека сна, столь необходимаго для пластическаго питанія тканей и для восстановления повесенныхъ ими затратъ. Зольбергъ также передаетъ случай, въ которомъ у 8-лѣтняго мальчика, подъ влияніемъ безпокойства передъ актомъ, развилась упорная бессонница, окончившаяся серьезнымъ заболѣваніемъ.

Вообще нельзя сомнѣваться въ томъ, что бессонницы появляются подъ влияніемъ такого рода чувствъ, которыя, какъ напр. радость, гнѣвъ или безпокойство, завѣдомо обуславливаютъ приливы крови къ головному мозгу (Ген-

фильдъ Джонсъ, Лиделль и др). Въ виду всего сказаннаго насъ уже не можетъ удивить и тотъ фактъ, что нѣкоторые авторы съ успѣхомъ устраняли бессонницу посредствомъ холодныхъ компрессовъ на голову или холодныхъ обертываній (Бекеръ и Шюллеръ) всего тѣла. Мнѣ лично приходилось наблюдать прекрасное дѣйствіе отъ наложенія пузыря съ холодной водой на переднюю часть головы въ случаяхъ бессонницы, вызванной мозговымъ переутомленіемъ. Всѣ эти средства дѣйствуютъ благотвѣтельно въ случаяхъ бессонницы, съ одной стороны потому, что вызываютъ суженіе сосудовъ головного мозга а съ другой потому, что они вызываютъ расширеніе кожныхъ сосудовъ и, слѣдовательно, вторично, опять-таки обуславливаютъ суженіе мозга. Точно также благотвѣтельно дѣйствуютъ на бессонницу и принимаемая вечеромъ теплая ванны, вызывающія расширеніе кожныхъ сосудовъ.

Для насъ, изучающихъ сущность сна, особенный интересъ представляютъ наблюденія за малокровными, которыя показали, что всѣ малокровные больные отличаются значительной сонливостью до тѣхъ поръ, пока они не лягутъ въ постель; но стоитъ имъ принять горизонтальное положеніе, и у нихъ нерѣдко сонливость исчезаетъ и они становятся жертвами бессонницы. Почему? Именно потому, что при расслабленномъ состояніи ихъ сосудистыхъ стѣнокъ имъ достаточно бываетъ принять горизонтальное положеніе для того, чтобы у нихъ получился болѣе значительный приливъ крови къ головѣ, чѣмъ при вертикальномъ положеніи, при которомъ кровь застаивается у нихъ въ нижнихъ конечностяхъ и въ брюшныхъ органахъ. Съ другой стороны, извѣстно, что нѣкоторые малокровные больные засыпаютъ тотчасъ послѣ того, какъ пойдутъ, и это вполне понятно, такъ какъ изъ опытовъ Дёргема извѣстно, что

введеніе пищи въ желудокъ вызываетъ поблѣднѣніе мозга и рѣзкое сокращеніе его сосудовъ. Объ этомъ намъ придется, впрочемъ, говорить еще въ главѣ, посвященной вопросу о гигиенѣ сна, и потому мы оставляемъ этотъ вопросъ пока въ сторонѣ. Кромѣ того извѣстно, что электризація головы и шеи устраняетъ существующую склонность къ бессонницѣ (Бирдъ и Роквелль), и фактъ этотъ объясняется очевидно тѣмъ, что электризація вызываетъ столь необходимое для сна суженіе черепно-мозговыхъ сосудовъ. Проф. Геммондъ, путемъ гальванизации симпатическаго нерва на шеѣ, получалъ сонливость и суженіе сосудовъ сѣтчатки, а слѣдовательно и мозга, потому что едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что по состоянію сосудовъ сѣтчатки мы можемъ составить себѣ довольно точное представленіе о состояніи, въ которомъ находится черепно-мозговое кровообращеніе (Бушю). Проф. Геглингсъ Джэксонъ разбудилъ крѣпко спавшаго ребенка и началъ изслѣдовать офтальмоскопомъ сосуды его сѣтчатки; при этомъ наблюдалось постоянное колебаніе въ объемѣ артерій — онѣ дѣлались то уже, то снова шире; но и ребенокъ былъ до нельзя сонный, и суженіе артерій совпадало съ засыпаніями, а расширенія съ повторными пробужденіями.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что бессонницы наблюдаются во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда почему бы то ни было кровь приливаетъ къ головѣ, и, слѣдовательно, наблюденія, собранныя по поводу бессонницы, подтверждаютъ съ своей стороны тотъ фактъ, что сонъ, нормальный сонъ, необходимымъ образомъ сопровождается анеміей головного мозга, сокращеніемъ его сосудовъ. Въ предыдущей статьѣ мы указывали, однако, что сонъ есть время отдохновенія сознанія, и потому намъ приходится теперь заключить, что для дѣятельнаго

состоянія сознанія необходимо прежде всего обильный притокъ крови къ мозгу. Вѣрно ли это? Намъ кажется, что необходимость обильнаго притока крови къ мозгу для сознательной дѣятельности настолько извѣстна, что доказывать вѣрность этого цѣлымъ рядомъ фактовъ и примѣровъ нѣтъ надобности. Мы позволимъ себѣ только напомнить тѣ общезвѣстные факты, что всякая значительная потеря крови ведетъ къ потерѣ сознанія и что люди, страдающіе такъ-назыв. зобомъ, т. е. увеличенной щитовидной желѣзой, отвлекающей массу крови отъ мозга, обыкновенно отличаются, какъ на это указывалъ уже и Шредеръ-ванъ-деръ-Колькъ, болѣе или менѣе рѣзкой тупостью сознанія; такъ напр., всѣ кретины имѣютъ зобъ, и сознаніе ихъ всю жизнь остается на крайне низкой степени развитія именно потому, что при подобныхъ условіяхъ головной мозгъ получаетъ несравненно меньшія количества крови, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ. Сюда же принадлежитъ наблюденіе Диксова надъ крайне малокровнымъ мальчикомъ, который при стоячемъ и сидячемъ положеніи отличался замѣчательной тупостью и сонливостью, а принимая лежащее, горизонтальное — становился и болѣе живымъ, и болѣе интеллигентнымъ, а слѣдовательно и болѣе сознательнымъ. Такимъ образомъ, для дѣятельнаго сознанія необходимо дѣятельное кровообращеніе, а это въ свою очередь доказываетъ намъ, что та способность нашей души, которую мы называемъ сознаніемъ, должна быть непосредственно связана съ опредѣленнымъ анатомическимъ субстратомъ, для дѣятельнаго состоянія котораго прежде всего требуется очень дѣятельное кровообращеніе въ мозгу, настолько дѣятельное, что это по необходимости отражается на функціи другихъ органовъ. Такъ напр., прямыми опытами съ динамометромъ доказано, что мышечная сила рѣзко ослабѣваетъ

въ то время, когда испытуемый субъектъ занятъ бываетъ какой бы то ни было сознательной мозговой дѣятельностью, хотя бы, напр., рѣшеніемъ какой-нибудь ариѳметической задачи (Лѣбъ). Извѣстно также, что всякій мозговой трудъ послѣ обѣда оказывается вреднымъ именно потому, что сознательная мозговая работа, отвлекая кровь къ мозгу, тѣмъ самымъ нарушаетъ нормальный ходъ пищеваренія.

Теперь намъ остается еще разобрать вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ сознанія наблюдается бессонница. Неразрывная связь сна съ сознаніемъ сказывается, между прочимъ, уже тѣмъ, что бессонницы никогда не бываетъ при безсознательномъ состояніи. Всякое безсознательное состояніе, чѣмъ бы оно не вызывалось, сотрясеніемъ ли мозга, кровоизліяніемъ ли въ мозговое вещество или чрезмѣрнымъ застоємъ венозной крови въ мозгу, всегда погружаетъ человѣка въ состояніе, похожее по внѣшнему виду на сонъ, хотя и отличающееся отъ сна во многихъ существенныхъ отношеніяхъ, останавливаясь на которыхъ мы, однако не имѣемъ возможности. Итакъ, *бессонница при безсознательномъ состояніи немыслима.*

Съ другой стороны извѣстно, что самыя упорныя и полныя бессонницы наблюдаются у душевно больныхъ и при томъ именно при тѣхъ формахъ душевнаго расстройства, при которыхъ существуетъ раздробленность сознанія, отсутствіе въ немъ всякаго единства. И это вполне понятно, такъ какъ при раздробленности сознанія въ дѣятельное состояніе приходятъ лишь отдѣльные участки его анатомическаго субстрата, и слѣдовательно, общее утомленіе этого мозговаго прибора оказывается невозможнымъ. Точно также и при неврозизмѣ, при которомъ такъ часто наблюдается частичная бессонница, сознаніе больныхъ нерѣдко оказывается раздробленнымъ,

безо всякаго единства, такъ что подобныя субъекты очень часто мѣняютъ и свои міровоззрѣнія, и свои убѣжденія, и свои симпатіи, хотя, конечно, раздробленность сознанія у нихъ никогда не доходитъ до такой рѣзкой степени, какъ у душевно-больныхъ; но зато и бессонница никогда не достигаетъ у нихъ такой силы, какъ у сумасшедшихъ.

Съ другой стороны, бессонница наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда у людей развивается чрезмѣрное возбужденіе сознанія, какъ это, напр., бываетъ вслѣдъ за сильнымъ мозговымъ напряженіемъ или при сильномъ безпокойствѣ, когда сознаніе дѣятельно работаетъ, стараясь предугадать различныя мыслимыя неблагоприятныя комбинаціи и найти противъ нихъ соотвѣтственныя мѣры. Однимъ словомъ, мы убѣждаемся, что бессонница возможна или при раздробленности сознанія, при которой немислимо общее утомленіе, или при чрезмѣрномъ возбужденіи сознанія.

Можетъ быть, читателю вспомнятся теперь случаи, въ которыхъ бессонница зависѣла отъ сильныхъ болей? Случаи этого рода, однако, только еще болѣе подтверждаютъ, наше общее положеніе о томъ, что сонъ есть время отдохновенія сознанія, потому что болевая впечатлѣнія мыслимы только въ качествѣ сознательныхъ ощущеній, и, слѣдовательно, разъ раздраженія этого рода бывають настолько сильны, что доходятъ до сознанія, то тѣмъ самымъ сонъ становится невозможнымъ, именно потому, что сознаніе начинаетъ дѣятельно работать. Обыкновенно всевозможныя боли преобразуются при наступленіи сна именно потому, что сознаніе засыпаетъ. Вслѣдствіе этого невралгіи всего рѣже наблюдаются между 12 часами ночи и 7 часами утра, по наблюденіямъ извѣстнаго невропатолога Вейра Митчелля. Извѣстны также случаи, въ которыхъ на за-

снувшихъ отъ сильнаго утомленія людяхъ производили необходимыя операціи, и они ничего не чувствовали (Геммондъ). Въ тѣхъ случаяхъ, когда боль, хотя бы, напр., зубная, будить насъ, то намъ обыкновенно кажется, что боль рѣзко усилилась послѣ пробужденія; но это усиленіе, очевидно, бываетъ только кажущееся и зависитъ отъ того, что послѣ пробужденія сознаніе чело-вѣка становится вполне дѣятельнымъ, и вслѣдствіе того болевая раздраженія воспринимаются въ полной силѣ.

На непосредственную связь болевыхъ ощущеній съ сознаніемъ указываетъ также и характеръ дѣйствія такъ-наз. наркотическихъ или болеутоляющихъ средствъ въ родѣ опія и морфія, хлораль-гидрата, хлороформа и т. д. Всѣ эти и тому подобныя средства успокаивають боли именно въ силу того, что всѣ они дѣйствуютъ притупляющимъ образомъ на сознаніе, а при извѣстной величинѣ приѣма совершенно прерываютъ сознаніе, временно уничтожаютъ его, и такъ какъ сонъ состоитъ изъ временнаго перерыва сознанія, то у насъ и вошло въ обычай называть всѣ подобныя наркотическія средства также и усыпляющими или снотворными. Между тѣмъ дѣйствіе средствъ этихъ вовсе не представляетъ намъ тѣхъ явленій, которыя наблюдаются при обыкновенномъ нормальномъ снѣ, за исключеніемъ одного, а именно того, что они подобно сну временно прерываютъ наше сознаніе. И подобно тому, какъ сильное болевое раздраженіе можетъ прервать нормальный сонъ и вызвать дѣятельность сознанія, точно также и въ случаяхъ наркоза рѣзкое болевое раздраженіе можетъ прервать наркозъ и вызвать сознаніе къ дѣятельности. Въ виду этого при продолжительныхъ операціяхъ приходится нерѣдко повторять вдыханія хлороформа.

Извѣстны также случаи, что люди, у которыхъ со-

знание было затуманено винными парами, быстро отрезались подъ влияніемъ, напр., боли, причиненной имъ переломомъ какой-либо кости (Эразмъ Дарвинъ). Однимъ словомъ, мы называемъ наркотическія средства усыпляющими только потому, что они подобно сну вызываютъ временный перерывъ въ нашемъ сознаниі. Этимъ и оканчивается ихъ сходство съ нормальнымъ сномъ. А наблюденія надъ различными морфіомами и опіофатами, т. е. надъ людьми, которые до того привыкають къ употребленію того или иного изъ наркотическихъ средствъ, что не могутъ заснуть безъ нихъ, доказываютъ, повидимому, даже существованіе извѣстнаго антагонизма между дѣйствіемъ этихъ средствъ и наступленіемъ естественнаго нормальнаго сна, потому что, еслибы подобнаго антагонизма не было, то трудно было бы понять, почему привычное употребленіе наркотическихъ средствъ лишаетъ человѣка способности заснуть нормальнымъ сномъ, заснуть безъ ихъ помощи. Не должно вѣдь забывать, что люди, позволяющіе себѣ спать нормальнымъ сномъ больше, чѣмъ сколько слѣдуетъ, мало-по-малу привыкають къ этому излишнему сну въ такой сильной степени, что онъ уже становится для нихъ безусловно необходимымъ и самое засыпаніе ихъ совершается все легче и легче. Слѣдовательно, то же самое должно бы было замѣчаться и по отношенію къ такъ называемымъ усыпляющимъ средствамъ (морфій, хлораль и т. д.), еслибы они дѣйствительно были *усыпляющими* средствами; но въ дѣйствительности мы видимъ совершенно обратное, а именно частое употребленіе подобныхъ средствъ не только лишаетъ человѣка способности засыпать нормальнымъ сномъ, безъ ихъ помощи, но въ то же время, по мѣрѣ все болѣе и болѣе частаго повторенія приѣмовъ подобныхъ средствъ, человѣкъ становится все менѣе и менѣе чувствительнымъ къ нимъ, и соотвѣт-

ственно съ этимъ приходится все болѣе и болѣе увеличивать дозы, и подъ конецъ человѣкъ доходитъ до того, что не можетъ уже болѣе обойтись безъ подобныхъ приѣмовъ: онъ не можетъ ни бодрствовать, ни спать безъ нихъ и продолжаетъ принимать ихъ, хотя каждый приѣмъ все больше и больше губитъ его здоровье, какъ душевное, такъ и физическое. Для того, чтобы понять, какое важное значеніе имѣетъ нормальное, хорошо развитое сознание для всей психической и физической жизни человѣка, достаточно бываетъ видѣть хоть одного опіофага или морфіомана. У подобныхъ людей, подъ влияніемъ частаго притупленія сознания посредствомъ приѣмовъ опія или морфія, во очію, передъ нашими глазами, развивается разрушеніе не только всей умственной и нравственной сферы, но также и физическаго здоровья организма. Почему? Именно потому, что привычное употребленіе наркотическихъ средствъ дѣлаетъ, съ одной стороны, невозможной дѣятельную работу сознания, а, съ другой,—дѣлаетъ невозможнымъ нормальный сонъ и тѣ процессы пластическаго питанія и кровотоверенія, которые протекають, главнымъ образомъ, во время нормальнаго сна. Однимъ словомъ, *наркотическій сонъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отождествляемъ съ нормальнымъ, здоровымъ сномъ.*

Обморочное состояніе тоже состоитъ изъ временнаго перерыва сознания, но оно вовсе не похоже на сонъ, потому что при обморокѣ наблюдается одновременное прекращеніе сердечной дѣятельности и полная остановка дыханія и въ то же время при немъ отсутствуютъ процессы пластическаго питанія. Все сходство обморока со сномъ сводится на то, что и при обморокѣ происходитъ также перерывъ сознания вслѣдствіе анэмїи головного мозга, и потому для прекращенія обморока оказываются полезными всѣ тѣ средства, которыя обуслови-

ваютъ приливъ крови къ мозгу, напримѣръ, помѣщеніе больного такъ, чтобы голова находилась ниже остальнаго тѣла, прикладываніе горячихъ компрессовъ къ головѣ (Нотлей, Бенгэмъ) и такъ далѣе.

Такимъ образомъ не всякій перерывъ сознанія есть сонъ, и это вполне понятно, такъ какъ для нормальнаго сна, кромѣ перерыва сознанія, вслѣдствіе анэміи мозга, требуется еще вѣчто другое, а именно дѣятельное развитіе процессовъ пластическаго питанія и, по всѣмъ вѣроятіямъ, также и процессовъ кровотоверенія, потому что извѣстно, что сонъ бываетъ тѣмъ менѣе необходимъ, чѣмъ больше бываетъ число красныхъ кровяныхъ шариковъ въ крови и чѣмъ здоровѣе, чѣмъ стойче оказываются эти элементы (Байфордъ, Дѣргэмъ и др.).

Покончивъ съ вопросомъ о бессонницѣ и ея причинахъ, мы должны теперь перейти къ тѣмъ болѣзненнымъ состояніямъ, которыя отличаются чрезмѣрнымъ усиленіемъ сна. Выше мы говорили, что люди съ слабо развитымъ сознаніемъ спятъ много, именно потому, что слабое сознаніе очень легко и быстро утомляется. Такъ, напримѣръ, маленькія дѣти, дикари, кретины и неразвитые люди спятъ очень много и засыпаютъ какъ только они остаются безъ занятій. Нельзя, конечно, сомнѣваться въ томъ, что развитіе сознанія всегда бываетъ болѣе или менѣе параллельно развитію индивидуальности челоука, т. е. его внутренняго я, и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что люди съ твердою волею, съ рѣзкою очерченною индивидуальностью, спятъ сравнительно мало. Для того, чтобы повясть, насколько слабо бываетъ сознаніе у кретиновъ, достаточно, напр., вспомнить, что выраженіе лица у нихъ зачастую вовсе не соотвѣтствуетъ и даже прямо противорѣчитъ внутреннему состоянію ихъ души, т. е. они нерѣдко улыбаются въ то время, когда они испытываютъ чувство гнѣва или пе-

чали и т. д. У маленькихъ дѣтей тоже наблюдается иногда подобное несоотвѣтствіе между выраженіемъ лица и состояніемъ ихъ внутренняго міра, но, конечно, далеко не въ такой рѣзкой степени. Д-ръ Шау указываетъ, что у нѣкоторыхъ сумасшедшихъ наблюдается то же самое несоотвѣтствіе между чувствами и выраженіемъ лица.

Итакъ люди съ слабо развитымъ сознаніемъ спятъ много, и то же самое наблюдается и при всѣхъ тѣхъ болѣзняхъ, которыя такъ или иначе ослабляютъ сознаніе.

Такимъ образомъ намъ становится понятной сонливость анэмичныхъ больныхъ, людей, страдающихъ лейкоміей или бѣлокровіемъ, а также и людей, пораженныхъ той странной болѣзью, которая извѣстна теперь подъ названіемъ миксэдэмы, — становится понятной потому, что при всѣхъ только-что названныхъ состояніяхъ сознаніе больныхъ представляется ослабленнымъ; у анэмичныхъ и лейкомичныхъ больныхъ — вслѣдствіе ненормальнаго состава крови и пониженнаго газообмѣна, а у больныхъ миксэдемой — вслѣдствіе того, что у нихъ на всей поверхности тѣла отлагается вездѣ слизистая ткань, муцинъ, который совершенно заглушаетъ, какъ нервные концевые приборы, такъ и нервные проводящія пути, такъ что вслѣдствіе этого больные оказываются какъ бы объединенными, изолированными отъ цѣлой массы впечатлѣній внѣшняго міра. При этомъ у миксэдематозныхъ больныхъ развивается все болѣшая и болѣшая апатія и очень рѣзкое притупленіе всѣхъ умственныхъ способностей, настолько рѣзкое, что нѣкоторые авторы описывали эту болѣзнь какъ спорадическій идіотизмъ, т. е. какъ идіотизмъ, развивающійся у совершенно нормальныхъ до того людей. Въ тоже время характеръ больныхъ совершенно мѣняется, а слѣдова-

тельно и ихъ сознание, и у нихъ появляется сильная сонливость.

При этой болѣзни влѣяетъ главнымъ образомъ, конечно, то обстоятельство, что чувствительность больныхъ къ впечатлѣніямъ вѣшняго міра рѣзко понижается вслѣдствіе чрезмѣрно сильнаго развитія повсюду около концевыхъ нервныхъ приборовъ слизистой ткани, заглушающей ихъ. Само собой понятно, что разъ у того или иного лица количество получаемыхъ изъ вѣшняго міра ощущеній будетъ уменьшено, то это по необходимости должно отразиться на его сознаниіи и на всемъ складѣ его душевной жизни, а затѣмъ послѣдовательно и на питаніи всего организма. Насколько важны бывають ощущенія, или, вѣрнѣе сказать, насколько важно количество ощущеній для поддержанія сознаниія въ бодрствующемъ состояніи, доказывается слѣдующимъ случаемъ Штрюмпеля: мальчикъ, жившій въ ученикахъ у сапожника и бывшій слѣпымъ и глухимъ на одинъ глазъ и на одно ухо, былъ пораженъ всеобщей анестезіей всей поверхности кожи, т. е. чувствительность его кожи была совершенно уничтожена. У этого мальчика стоило только закрыть зрячій глазъ и заткнуть здоровое ухо, и двѣ три минуты спустя онъ засыпалъ крѣпкимъ сномъ. Почему? Именно потому, что онъ не получалъ никакихъ ощущеній изъ вѣшняго міра, и въ то же время, по своему развитію, онъ стоялъ такъ низко, содержаніе его психическаго міра было такое бѣдное, такое скудное, что въ немъ не находилось достаточно представленій и идей для того, чтобы дать сознанию необходимый для дѣятельности матеріалъ.

Чтобы понять всю важность ощущеній со стороны нашихъ различныхъ органовъ чувствъ и для нашего сознаниія, и вообще для развитія нашей центральной нервной системы, достаточно будетъ, напр., вспомнить,

что по изслѣдованіямъ Ломброзо чувствительность бываетъ тѣмъ тоньше, чѣмъ интеллигентнѣе данный субъектъ, а по наблюденіямъ Итара глухонѣмые никогда не могутъ достигнуть такой высокой степени умственнаго развитія, какъ нормальные люди, и чувства ихъ всегда остаются какими-то тупыми; и что интереснѣе всего — тупость, которая развивается у глухонѣмыхъ вслѣдствіе отсутствія всѣхъ слуховыхъ ощущеній и самой рѣчи, отражается также и на имѣющихся у нихъ нормальныхъ органахъ чувствъ; такъ, напр., они гораздо менѣе чувствительны къ различнымъ болевымъ ощущеніямъ и легко переносятъ операціи вродѣ вырванія вросшаго ногтя или вправленія перелома и т. д., и съ нашей точки зрѣнія это вполне понятно, потому что при слабомъ развитіи сознаниія болевья ощущенія, по необходимости, должны быть слабѣе. Менѣе понятнымъ, однако, представляется тотъ фактъ, что одновременно съ подобной общей тупостью наблюдается также и меньшая впечатлительность къ дѣйствию различнаго рода лѣкарствъ; между тѣмъ прямыми опытами доказано уже, что организмъ глухонѣмыхъ, напр., вовсе не реагируетъ на обыкновенныя большія дозы даже самыхъ сильныхъ слабительныхъ. Точно также есть наблюденія, указывающія, повидимому, что у слѣпыхъ тоже имѣется извѣстнаго рода тупость центральной нервной системы, и соотвѣтственно съ меньшимъ развитіемъ сознательной жизни мы видимъ, что и обмѣнъ у нихъ совершается медленнѣе, настолько медленнѣе, что ослѣпшее животное меньше падаетъ въ вѣсѣ при полномъ голоданіи, нежели зрячее.

Само собой разумѣется, что какъ глухонѣмые, такъ и слѣпые въ среднемъ выводѣ нуждаются въ болѣе продолжительномъ снѣ, чѣмъ совершенно нормальные люди; но вопросъ этотъ, также какъ и вопросъ

объ обменѣ у людей, лишенныхъ того или иного изъ органовъ чувствъ, нуждается еще въ подробныхъ и тщательныхъ изслѣдованіяхъ.

Во всякомъ случаѣ изъ опытовъ надъ голодающими извѣстно, что они теряютъ въ вѣсѣ гораздо менѣе ночью, нежели днемъ, и эта разница замѣчена была даже въ тѣхъ случаяхъ, когда животныя сидѣли постоянно и днемъ и ночью въ темнотѣ, въ жестяныхъ закрытыхъ крышками ящикахъ, въ которыхъ не было мѣста для движенія животнаго, и когда для опыта брались кролики, т.-е. животныя, бодрствующія ночью, слѣдовательно разница должна была обусловливаться только болѣе полнымъ отсутствіемъ всякихъ ощущеній въ теченіе ночи, а никакъ не сномъ животныхъ. Извѣстно также, что продолжительное голоданіе тоже вызываетъ сонливость. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что усиленіе сонливости, т.-е. потребности во снѣ, наблюдается при всѣхъ тѣхъ болѣзняхъ, при которыхъ вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ развивается отупѣніе или ослабленіе сознанія; при чемъ безразлично бываетъ, зависитъ ли это отупѣніе сознанія отъ ненормальнаго состава крови (малокровіе и лейкомія), отъ уничтоженія чувствительности или какихъ-нибудь другихъ органовъ чувствъ, или отъ общаго ослабленія и истощенія организма животныхъ, вслѣдствіе тяжелыхъ болѣзней или недостаточнаго питанія.

Потребность во снѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ сказываться до того сильно, что животныя и люди, заснувъ, спятъ по нѣсколькимъ днямъ, недѣль и даже по нѣсколькимъ мѣсяцевъ. Между животными встрѣчаются такъ называемыя зимнія и лѣтнія спячки. Зимнія спячки встрѣчаются между теплокровными млекопитающими животными, напр. между сурками, сусликами, ежами, летучими мышами и т. д., которыя засыпаютъ съ наступленіемъ хо-

лодной зимней погоды и пробуждаются при наступленіи весны. Зимняя спячка развивается у подверженныхъ ей животныхъ, какъ только температура вѣшняго воздуха упадетъ до $+5^{\circ}$ и -8° ; при этомъ температура животнаго рѣзко падаетъ, хотя и остается всегда нѣсколько выше температуры окружающаго воздуха. Обмѣнъ во время спячки рѣзко понижается; соотвѣтственно съ этимъ замедляются и дыханіе и сердцебиеніе. Во время спячки у животныхъ развивается своего рода мышечная не подвижность, какъ бы околѣніе. При помѣщеніи подобныхъ находящихся въ зимней спячкѣ животныхъ въ теплую комнату они просыпаются и температура ихъ тѣла начинаетъ быстро повышаться (Сесси, Хорватъ, Квинке и др.).

Литература по вопросу о зимней спячкѣ довольно богата, но сущность этого явленія до сихъ поръ еще остается невыясненной; нѣкоторые авторы (Бланде) признаютъ зимнюю спячку за остатокъ прежняго далекаго времени, когда зимы бывали на нашей планетѣ до того суровыя и жестокия, что животныя по неволѣ погружались въ спячку, такъ какъ только это и давало имъ возможность выжить; затѣмъ по мѣрѣ смягченія климата зимняя спячка стала исчезать и съ теченіемъ времени должна, по ихъ мнѣнію, совершенно исчезнуть. Необходимо притомъ замѣтить, что и между сурками, а вѣроятно также и между ежами, замѣчаются индивидуальныя различія относительно зимней спячки, а именно одни изъ нихъ спятъ больше и крѣпче, другіе легче и меньше и, наконецъ, между сурками попадаются и такіе субъекты, которые вовсе не поддаются зимней спячкѣ, по крайней мѣрѣ, живя въ неволѣ. Очевидно, что различія эти обусловливаются различіемъ ихъ нервно-мозговой организаціи. Въ виду только что указанныхъ различій приходится признать, что и между сурками развитіе созна-

тельной мозговой жизни тоже должно представлять извѣстные различія, что между ними тоже, должны, очевидно, встрѣчаться своего рода *esprits forts*.

Что касается до лѣтней спячки, то ей подпадаютъ въ жаркихъ странахъ холонокровныя животныя, которыя не могутъ выносить высокой внѣшней температуры (Полюгеръ); при этомъ опять мышечная система животныхъ впадаетъ въ какое-то особенное, какъ бы околоченное состояніе. Наблюдений надъ обмѣномъ животныхъ во время лѣтней спячки, сколько мнѣ извѣстно, не было произведено.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ вопросу о спячкахъ у людей, мы должны задаться вопросомъ о томъ, какимъ образомъ столь противоположныя вліянія, какъ холодъ и тепло, могутъ давать одинъ и тотъ же результатъ, т. е. сонливость, спячку? Еслибы снотворное вліяніе холода сказывалось только на теплокровныхъ животныхъ, а снотворное вліяніе тепла отражалось только на холонокровныхъ, то намъ не было бы надобности останавливаться на этомъ вопросѣ, потому что тогда можно бы было предположить, что это вліяніе холода и тепла зависитъ отъ особенностей организаціи теплокровныхъ животныхъ, съ одной стороны, и холонокровныхъ, съ другой. Между тѣмъ каждому изъ насъ приходилось, вѣроятно, на самомъ себѣ испытывать усыпляющее дѣйствіе какъ холода, такъ и тепла. Спрашивается теперь, какъ объяснить это кажущееся противорѣчіе? Въ сущности въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія, такъ какъ и холодъ, и тепло вызываютъ у насъ расширеніе периферическихъ кожныхъ сосудовъ и переполненіе ихъ кровью, въ чемъ легко можно убѣдиться каждому, вспомнивъ только, какъ сильно краснѣютъ наши наименѣе защищенныя части тѣла, т. е. лицо и руки подъ вліяніемъ жара, съ одной стороны, и сильнаго мо-

роза съ другой. Само собой понятно также, что разъ сосуды на поверхности нашего тѣла расширяются, то при этомъ необходимо, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, должно получаться обѣдненіе головного мозга кровью, а вслѣдствіе того и склонность ко сну, такъ какъ малокровіе головного мозга всегда предрасполагаетъ насъ ко сну, потому что при обѣдненіи мозга кровью сознание наше ослабѣваетъ и становится неспособнымъ къ дѣятельности, къ работѣ.

Теперь мы должны остановиться нѣкоторое время на вопросѣ о неестественно продолжительномъ снѣ у людей, т. е. въ сущности на вопросѣ о спячкѣ, встрѣчающейся у людей. Подобнаго рода спячка встрѣчается, по большей части, въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ, но иногда она наблюдается также и въ качествѣ эндемии, т. е. въ видѣ болѣзни, постоянно господствующей въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Такъ, на примѣръ, въ западной Африкѣ между жителями господствуетъ эндемически спячка, которая почти постоянно оканчивается смертью или умопомѣшательствами. По наблюденіямъ англійскихъ врачей (Мезонъ Гудъ, Фергюссонъ, Горъ) приступы этой спячки появляются обыкновенно вслѣдъ за истощающимъ и продолжительнымъ умственнымъ или физическимъ трудомъ. Кромѣ того замѣчено было, что спячка эта встрѣчается нерѣдко у людей, отличающихся неправильной и крайне слабой умственной дѣятельностью, а слѣдовательно и слабымъ сознаниемъ. Туземцы замѣтили, что спячка эта является у людей съ увеличенными лимфатическими железами; вслѣдствіе этого у нихъ вошло въ употребленіе вырѣзываніе увеличенныхъ железъ, и операція эта считается за профилактическое средство противъ спячки. Въ случаяхъ смерти отъ африканской спячки д-ръ Фергюссонъ находилъ головной мозгъ крайне твердымъ и малокровнымъ.

Спячки у людей въ Европѣ обыкновенно состоятъ изъ неудержимаго сна, который охватываетъ пораженныхъ субъектовъ иногда вслѣдъ за потерей крови или какимъ-нибудь истощающимъ вліяніемъ, вслѣдъ за потрясеніемъ, вслѣдъ за сильной усталостью и т. п., иногда же и безо всякаго видимаго повода. Подобнаго рода неестественный сонъ длится въ теченіе многихъ дней, недѣль и даже въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Разбудить людей, подпавшихъ спячкѣ, оказывается по большей части невозможнымъ; если даже ихъ и удастся разбудить, то всегда не надолго, такъ какъ сонъ снова быстро овладѣваетъ ими. Обмѣвъ во время этой спячки людей бываетъ, очевидно, также рѣзко пониженъ, какъ и у находящихся въ зимней спячкѣ животныхъ, потому что погруженные въ спячку люди не нуждаются ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, хотя при вливаніи имъ жидкой пищи въ ротъ они, по большей части, глотаютъ ее. Кромѣ того на уменьшеніе обмѣна, и при томъ очень рѣзкое, указываютъ также и наблюденія, произведенныя за послѣдніе годы въ Берлинѣ надъ больной, проспавшей безпробудно 40 сутокъ; при этомъ у нея определено было рѣзкое уменьшеніе суточного количества выдѣляемой мочевины (до $\frac{1}{3}$ нормальнаго количества); кровь больной представляла рѣзкое сгущеніе, вслѣдствіе чего относительное количество гемоглобина представлялось увеличеннымъ.

Чувствительность во всѣхъ ея видахъ бываетъ обыкновенно понижена во время подобной спячки. Сновидѣній при спячкѣ почти никогда не бываетъ, и больные при пробужденіи, большею частью, ничего не помнятъ относительно того, что съ ними было во время спячки: сознание ихъ обрывается на томъ моментѣ, когда они заснули, такъ что они никакъ не могутъ понять, что они проспали нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ. Лицо

подобныхъ больныхъ во время этого страннаго сна бываетъ обыкновенно блѣднымъ; кромѣ того прямое изслѣдованіе при помощи офтальмоскопа глазъ подобнаго больнаго, произведенное въ 1887 году въ Лондонѣ надъ человѣкомъ, проспавшимъ безпробудно 17 сутокъ, показало, что всѣ сосуды сѣтчатки, т. е. и вены, и артеріи, были до-нельзя сужены (Бурденель Картеръ).

У большинства подобныхъ больныхъ наблюдается болѣе или менѣе рѣзкое или болѣе или менѣе слабое каталептическое состояніе мышцъ, придающее мышцамъ извѣстную ригидность или какъ бы ооченѣлость, такъ что слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи спячка людей походитъ на спячку животныхъ. — Въ тѣхъ случаяхъ, когда спячка у людей или нарколепсія (Лясегъ) бываетъ выражена не особенно рѣзко, то она длится иногда всего нѣсколько минутъ и въ подобныхъ случаяхъ люди, подверженные ей, засыпаютъ стоя, сидя съ работой въ рукахъ, а нѣкоторые спятъ даже во время ходьбы (Бёрнсъ).

Въ одну группу съ этого рода приступами патологическаго сна принадлежатъ также и приступы такъ называемой малой эпилепсіи, *petit mal*, которые состоятъ изъ болѣе или менѣе мимолетныхъ перерывовъ сознанія, появляющихся у людей среди всевозможныхъ занятій; при этомъ больные, если припадокъ случится въ то время, когда они говорятъ, обрываютъ свою рѣчь на полусловъ и затѣмъ, по минованіи припадка, продолжаютъ прерванную рѣчь, какъ ни въ чемъ не бывало.

Особенно интересно при этомъ то обстоятельство, что подобные перерывы дѣятельности больныхъ наблюдаются при малой эпилепсіи только тогда, когда въ моментъ наступленія припадка больные бываютъ заняты какимъ-нибудь дѣломъ, требующимъ дѣятельнаго участія сознанія; если же приступъ *petit mal* застаётъ

больных за привычнымъ, твердо заученнымъ, а потому и не нуждающимся въ сознаниі трудомъ, то онъ нисколько не мѣшаетъ продолженію начатаго. Такъ, напримѣръ, извѣстные случаи, въ которыхъ скрипачи, твердо знавшіе, очевидно, свою партію, продолжали играть въ оркестрѣ совершенно вѣрно и съ соблюденіемъ необходимаго ритма, не смотря на то, что сознание ихъ было прервано на время приступомъ малой эпилепсіи (Рибо); напротивъ того ни разу еще не случилось видѣть, чтобы подобные больные могли продолжать разговоръ или рассказъ въ то время, когда они теряютъ сознание подъ вліяніемъ *petit mal*. Фактъ этотъ какъ нельзя болѣе наглядно доказываетъ какая тѣсная связь существуетъ между человѣческой рѣчью и сознаниемъ.

Сюда же принадлежитъ также и эндемическое господство приступовъ катаlepsii, въ теченіе многихъ лѣтъ наблюдавшееся въ Биллингаузенѣ близъ Вюрцбурга, о которомъ сообщалъ д-ръ Фогтъ. Половина жителей страдаютъ этого рода приступами, которые длятся у нихъ всего нѣсколько минутъ и во время которыхъ лицо у нихъ рѣзко блѣднѣетъ, конечности дѣлаются неподвижными, сознание если и сохраняется, то все-таки до нѣкоторой степени затемняется, рѣчь же или уничтожается, или становится затрудненной. Приступы эти появляются въ различное время и фиксируютъ больныхъ въ томъ положеніи, въ какомъ застаютъ ихъ. Всѣ пораженные люди отличаются плохимъ физическимъ и умственнымъ развитіемъ. Болѣзнь передается по наслѣдству; но не прямо отъ родителей дѣтямъ, а черезъ поколѣніе, отъ дѣда и бабушекъ внукамъ или внучкамъ. Въ народѣ этого рода субъектовъ зовутъ „окочевѣлыми“ (*die Starren*).

Здѣсь нелишне будетъ замѣтить, что серьезныя расстройства сознания, тупость или слабость его всегда

отражаются также и на мышечной сферѣ человѣка; такъ, напримѣръ, извѣстно, что идиоты отличаются болѣе или менѣе значительной неловкостію движеній (Айерлендъ), а извѣстный англійскій психіатръ Маудслей прямо говорить, что искусный врачъ не только узнаетъ идиотизмъ по однимъ движеніямъ больной, но что точно также по движеніямъ онъ можетъ различать присутствіе и другихъ психическихъ страданій. Кромѣ того уже многіе авторы (Бруно Мейеръ) указывали, что грубое, пошлое внутреннее содержаніе человѣка отражается и на его движеніяхъ.

Въ виду всего этого понятно, что приступы малой эпилепсіи только потому не разстраиваютъ такихъ тонкихъ мышечныхъ движеній, какія требуются, напримѣръ, при игрѣ на скрипкѣ, что самые приступы эти длятся очень недолго и по своей мимолетности не могутъ обусловить серьезныхъ расстройствъ сознания.

Особенный интересъ представляетъ по отношенію къ вопросу о спячкѣ у людей то обстоятельство, что всѣ жертвы этой болѣзни бываютъ или людьми, принадлежащими къ высшимъ, неразвитымъ слоямъ общества, или людьми, въ семьѣ которыхъ существуютъ наслѣдственно различныя душевныя и нервныя болѣзни. И это вполне понятно, такъ какъ для того, чтобы могла развиваться спячка, требуется, чтобы сознание было довольно слабое и нестойкое.

Очень часто больные этого рода представляютъ цѣлый рядъ приступовъ спячки, повторяющихся болѣе или менѣе часто и выказывающихъ наклонность къ прогрессивному ухудшенію. Передъ приступами больные иногда сами говорятъ, что они чувствуютъ себя какъ-то поглупѣвшими, какъ это, напр., было съ фермеромъ, котораго наблюдалъ Уордъ Кузенъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ спячка развивается вслѣдъ за силь-

нымъ душевнымъ потрясеніемъ (случай съ Бакеромъ, случай, описанный Имберомъ, и др.). Такъ напр., въ литературѣ имѣются описанія случаевъ спячки, развившейся подь вліаніемъ горя, причиненнаго или потерей наслѣдства, или смертью любимаго человѣка. Особенно интереснымъ представляется въ этомъ отношеніи случай, бывшій съ Наполеономъ I послѣ битвы при Аспернѣ. Это, какъ извѣстно, было первое проигранное имъ сраженіе послѣ 17 выигранныхъ, и понесенное пораженіе такъ сильно потрясло его, что онъ заснулъ и проспалъ безпробуднымъ сномъ въ теченіе 36 часовъ, такъ что приближенные къ императору люди уже стали беспокоиться за его жизнь. Зная, что Наполеонъ I вообще спалъ крайне мало и всегда отличался сильно развитымъ сознаніемъ, мы поймемъ, въ какой сильной степени проигранное сраженіе должно было потрясти его для того, чтобы совершенно истощить его сознаніе и погрузить его въ 36-часовой сонъ!

Въ другихъ случаяхъ спячки слѣдуютъ за сильнымъ физическимъ утомленіемъ, напр. вслѣдъ за танцами (Галлеръ). Нашъ знаменитый клиницистъ, С. П. Боткинъ, передавалъ мнѣ, что ему привелось видѣть у насъ въ Петербургѣ три случая спячки. Въ двухъ больныя были молодыя дѣвушки, изъ которыхъ одна заснула спячкой первый разъ послѣ бала, и разбудить ее было положительно невозможно. Другую молодую дѣвушку лѣчили съ успѣхомъ отъ спячки электричествомъ, но выздоровленіе было непродолжительное: послѣ нѣкотораго времени приступы спячки снова стали повторяться. Третья больная была старуха, и случай ея составлялъ полную аналогію съ упомянутыми нами уже случаями математика Муавра. Интересно также наблюдение случая спячки въ XVI-мъ столѣтіи; въ этомъ случаѣ спячка развилась вслѣдъ за продолжительнымъ бодр-

ствованіемъ и окончилась смертію. Въ другомъ случаѣ спячка развилась у дѣвушки послѣ того, какъ она заблудилась въ лѣсу и сильно устала.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда спячка достигаетъ опасной глубины, то замедленіе дыханія и сердечной дѣятельности становится до того рѣзкимъ, что при поверхностномъ наблюденіи можно не замѣтить ни того, ни другаго, какъ это и было въ случаѣ, описанномъ Шаберомъ, въ которомъ больной солдатъ съ 12 лѣтъ страдалъ приступами спячки и, наконецъ, 22 лѣтъ чуть не умеръ во время семидневной спячки, отъ которой его избавили путемъ согрѣванія, массажа и искусственнаго дыханія. Въ началѣ настоящаго столѣтія подобнаго рода приступы спячки чаще оканчивались смертію, нежели теперь, потому что терапія тогдашняго времени, не задумываясь, пускала кровь подобнымъ больнымъ и тѣмъ самымъ, конечно, только ухудшала ихъ положеніе.

Для того, чтобы дать понятіе объ этой странной болѣзни, позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на одномъ изъ подобныхъ случаевъ. Больному было 43 года, когда у него начали замѣчаться явленія душевнаго разстройства съ идеями преслѣдованія; онъ оправился, но всякая уметвенная работа стала для него невозможной; даже простое чтеніе, и то быстро утомляло его; въ то же время больной спалъ дурно. Затѣмъ больной сталъ какъ-то жаловаться на тяжесть въ головѣ, на вопросы онъ отвѣчалъ односложными словами, а вскорѣ послѣ этого впалъ въ спячку, которая длилась у него 221 день. Его лѣчили электризаціей, во время которой пульсъ больного учащался; тѣмъ не менѣе приступы спячки стали повторяться, хотя нѣкоторые изъ нихъ длились всего четверо сутокъ. Кромѣ электризаціи, больного пробовали лѣчить душами, но они оставались безъ

всякаго вліянія. Въ промежуткахъ между приступами спячки больной спокойно брался за книгу, продолжая чтение съ того мѣста, на которомъ онъ остановился до приступа, т. е. мѣсяць или полтора тому назадъ. Передъ самой продолжительной спячкой, окончившейся смертью больного, онъ проявилъ особенно энергическую умственную дѣятельность, во время которой онъ сталъ заниматься физикой и физиологіей. Послѣдній приступъ спячки длился болѣе года, а именно съ 10-го апрѣля 1882 года до 19-го іюля 1883 года, т. е. 465 дней; при вскрытіи у больного найденъ былъ некробіотическій процессъ въ мозгу. Въ теченіе неполныхъ восьми послѣднихъ лѣтъ жизни больной провелъ въ спячкѣ 1698 дней, или, другими словами, 4 года и 7½ мѣсяцевъ. Больной принадлежалъ къ семьѣ съ наследственнымъ предрасположеніемъ къ душевнымъ болѣзнямъ. *Сновидній, какъ мы уже замѣтили выше, никогда почти не наблюдается при спячкѣ, и у только-что описаннаго больного ихъ тоже не было.*

Въ данномъ случаѣ спячки электричество оказывалось наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для пробужденія, а такъ какъ электризація оказывалась полезной также и въ случаяхъ бессонницы, т. е. въ діаметрально противоположномъ состояніи, то дѣйствіе ея, очевидно, и въ томъ и въ другомъ случаѣ сводится на пассивную, такъ сказать, гимнастику сосудовъ, улучшающую тонусъ сосудистыхъ стѣнокъ и тѣмъ самымъ устраняющую съ одинаковымъ успѣхомъ и полу-паралитическое расширеніе, и спазмодическое сокращеніе сосудовъ головного мозга.

Въ пользу нашего объясненія дѣйствія электризаціи при спячкахъ говоритъ тотъ фактъ, что массажъ всего тѣла уже неоднократно оказывался полезнымъ при спячкахъ. Выше мы уже упоминали о случаѣ, описанномъ

Шаберомъ, въ которомъ 22-хъ лѣтняго человѣка удалось разбудить отъ глубокой спячки и спасти отъ смерти при помощи массажа. За послѣднее время въ Англіи произведено было наблюденіе надъ человѣкомъ, который въ теченіе 15 лѣтъ отличался поразительно сильной сонливостію и наконецъ въ теченіе двухъ лѣтъ сталъ страдать положительной спячкой; при чемъ приступы спячки появлялись у него совершенно неожиданно, и при томъ даже во время интересующихъ его занятій; хотя бы, на примѣръ, во время игры въ карты. Однажды спячка охватила больного въ то время, какъ онъ позвонилъ у дверей и ждалъ, чтобы ему отворили. Никакое лѣченіе не помогало и больной все болѣе и болѣе слабѣлъ пока, наконецъ, д-ръ Моррисонъ не примѣнилъ массажа, подъ вліяніемъ котораго спячка исчезла. Въ виду такого дѣйствія массажа мы имѣли полное право предполагать, что электризація дѣйствуетъ потому только, что заставляя сокращаться различныя мышечныя группы, она является, такъ сказать, своего рода пассивной гимнастикой.

Благодѣтельное дѣйствіе электризаціи наблюдалось и въ другихъ случаяхъ, напр. въ случаѣ Эльце, Боткина и Гуфеланда, и въ виду этого невольно приходится на умъ аналогія человѣческой спячки со спячкой животныхъ, такъ какъ, по наблюденіямъ Валентина, животныхъ, находящихся въ зимней спячкѣ, всего легче можно разбудить электризаціей. Мы видѣли также, что какъ у животныхъ, такъ и у людей обмѣнъ бываетъ пониженъ во время спячки, дыханіе и сердцебіенія бываютъ замедлены, температура очевидно бываетъ тоже понижена; въ мышцахъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, замѣчаются болѣе или менѣе сильныя или болѣе или менѣе слабыя каталептические явленія. У людей во время спячки потребность въ пищѣ и питьѣ бываетъ

или рѣзко ослаблена, или даже и вовсе прекращена, слѣдовательно и въ этомъ отношеніи патологическая спячка у людей походитъ на то, что наблюдается на животныхъ, подверженныхъ зимней спячкѣ. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что зимней спячкѣ между животными подвержены бываютъ только тѣ, которыя по организаціи своей центральной нервной системы стоятъ на болѣе или менѣе низкой степени; а между людьми спячка встрѣчается или у людей, принадлежащихъ къ семействамъ съ наследственнымъ предрасположеніемъ къ мозговымъ и нервнымъ болѣзнямъ, или у людей неразвитыхъ и недалекихъ, или у истеричныхъ, т.-е. при такихъ условіяхъ, когда у насъ имѣются всѣ основанія предположить существованіе или болѣзненно ослабленнаго сознанія, или существованіе неразвитаго, а слѣдовательно и слабого сознанія.

Если наше положеніе о томъ, что сонъ есть время отдохновенія сознанія, вѣрно, то во время сна должно наблюдаться усиленіе тѣхъ явленій, которыя завѣдомо задерживаются и подавляются сознательной мозговой дѣятельностью. Извѣстно, что явленіями подобнаго рода являются прежде всего различнаго рода рефлексы, которые усиливаются во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вліяніе сознательной мозговой дѣятельности бываетъ устранено такъ или иначе, все равно, будетъ ли это устраненіе зависѣть отъ какого нибудь болѣзненнаго пораженія, въ родѣ опухоли, кровоизліянія въ мозгу или отъ экспериментальнаго удаленія большихъ полушарій головного мозга.

Если наше положеніе относительно сна вѣрно, и сознательная дѣятельность бываетъ дѣйствительно прервана, прекращена во время сна, то рефлексы должны оказаться усиленными подобно тому, какъ они бываютъ усилены въ парализованныхъ, т.-е. объединенныхъ отъ

сознательныхъ волевыхъ импульсовъ, конечностяхъ. Наблюденія въ этомъ направленіи сопровождаются, однако, значительными трудностями, и потому число ихъ до сихъ поръ остается еще незначительнымъ; но изъ того, что извѣстно уже, можно сдѣлать выводъ относительно усиленія рефлексовъ во время сна. Такъ напр., уже Маршалъ Голь замѣтилъ, что въ парализованныхъ конечностяхъ рефлексы бываютъ повышены и, съ другой стороны, что самаго легкаго прикосновенія къ животнымъ, находящимся въ зимней спячкѣ, достаточно для того, чтобы вызвать рефлекторное движеніе; то же самое подтверждаетъ и Барлоу, который прямыми опытами убѣдился, что у животныхъ, находящихся въ спячкѣ, можно получить рефлекторныя движенія даже при помощи такихъ слабыхъ гальваническихъ токовъ, которые у бодрствующихъ животныхъ не вызываютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какой бы то ни было реакціи.

Соотвѣтственно съ этимъ оказывается далѣе, что различныя судорожныя болѣзни особенно часто появляются во время нормальнаго сна; такъ напр., извѣстно, что приступы судорогъ у дѣтей, по большей части, появляются во время сна; точно также и приступы падучей болѣзни зачастую бываютъ ночью; наконецъ, судорожные приступы астмы (Уэльшъ) тоже зачастую развиваются во время сна. Кромѣ того, извѣстно, что маленькія дѣти, съ одной стороны, и кретины (Маудсли), съ другой, отличаются замѣчательной склонностью къ судорожнымъ болѣзнямъ, къ судорожнымъ приступамъ, и, по совершенно вѣрному замѣчанію д-ра Вейсса, эту склонность нельзя объяснять ни чѣмъ другимъ, какъ именно только недоразвитымъ состояніемъ центральной нервной системы, слабымъ развитіемъ воли; а такъ какъ никакая воля, никакое задержаніе рефлексовъ немыслимы при отсутствіи сознанія, то мы роко-

вымъ образомъ должны придти къ тому заключенію, что судороги часто наблюдаются у дѣтей и у кретиновъ именно потому, что у подобныхъ субъектовъ сознание бываетъ развито крайне слабо.

Изъ наблюденій Энсти извѣстно также, что всѣ такъ называемыя усыпляющія или наркотическія средства усиливаютъ въ человѣкѣ рефлекторную дѣятельность, и это не можетъ казаться страннымъ, такъ какъ мы выше видѣли, что всѣ эти такъ-называемыя наркотическія средства сходятся съ дѣйствіемъ нормальнаго сна въ одномъ, а именно въ томъ, что и они, подобно сну, вызываютъ временное прекращеніе сознанія. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что во время сна рефлексы бываютъ усилены и что чѣмъ слабѣе бываетъ развито сознаніе, тѣмъ легче развиваются различныя судорожныя болѣзни вообще, и наоборотъ.

Подтвержденіе этой мысли мы находимъ также и въ недавно обнародованныхъ наблюденіяхъ. Мэкензи надъ хореей, или пляской св. Витта. По его наблюденіямъ оказалось, что случаи этой судорожной болѣзни всего чаще встрѣчаются среди нисшихъ слоевъ общества, состоящихъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ изъ людей неразвитыхъ, обладающихъ лишь слабой сознательной мозговой дѣятельностью, а именно на высшіе классы приходилось 2,79% заболѣваній хореей, на средніе классы—26,74%, а на нисшіе, чернорабочіе слои общества подобныхъ заболѣваній приходилось уже 70,46%,—какъ видимъ, цифры очень краснорѣчивы!

Разъ мы знаемъ, что всякое ослабленіе и особенно всякое прекращеніе сознательной мозговой дѣятельности ведетъ къ усиленію рефлекторныхъ явленій въ организмѣ, то намъ станетъ понятнымъ, почему, напр., кашель бываетъ особенно надоедливъ по ночамъ, почему онъ все снова и снова начинаетъ мучить только-что засы-

пающихъ больныхъ. Кашлевое движеніе есть чисто рефлекторное, и, какъ таковое, оно, конечно, должно быть усилено во время сна, т. е. во время перерыва сознанія.

Необходимо еще сказать нѣсколько словъ о томъ, что не всѣ судорожныя болѣзни обуславливаются чисто рефлекторными движеніями; нѣкоторыя изъ нихъ зависятъ, очевидно, отъ нарушенія того равновѣсія, которое необходимо должно существовать между мышцами-антагонистами для возможности правильной нормальной дѣятельности всей мышечной системы, и соотвѣтственно съ этимъ мы видимъ, что извѣстныя судорожныя искривленія лица, нѣкоторыя спазмодическія сведенія конечностей, также какъ и опредѣленныя судорожныя движенія (paralysis agitans, различные двигательныя тики, и т. д.) различныхъ мышцъ исчезаютъ во время глубокаго сна; но за то всѣ судорожныя болѣзни рефлекторнаго происхожденія, по необходимости, должны и дѣйствительно преобладаютъ во время сна, также какъ и во время всякаго иного прекращенія сознанія. Въ этомъ отношеніи достойно вниманія то обстоятельство, что приступы подобныхъ рефлекторныхъ судорогъ всегда сопровождаются перерывомъ, временнымъ уничтоженіемъ сознанія даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они развиваются во время бодрствованія больныхъ, какъ это, на примѣръ, и бываетъ при падучей болѣзни, при эклампсіи и т. д.

Намъ неоднократно приходилось говорить о перерывахъ сознанія, о его раздробленности; намъ приходилось указывать на то, что какъ бы долго человѣкъ не находился въ спячкѣ, онъ постоянно связываетъ свою сознательную жизнь отъ того момента, когда онъ впадаетъ въ спячку, съ моментомъ полнаго своего пробужденія. Кромѣ того, въ первой главѣ мы видѣли, что изъ всѣхъ

разнообразныхъ способностей нашей души одно только сознание нуждается въ такомъ полномъ отдыхѣ, что на это время совершенно прекращается его дѣятельность. Мы видѣли также, что при раздробленности сознания у сумасшедшихъ, при уничтоженіи его единства, сознание перестаетъ утомляться, и соотвѣтственно съ этимъ и самая потребность въ снѣ исчезаетъ. На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ мы необходимымъ образомъ приходимъ къ заключенію, что для нормальной дѣятельности сознания необходима одновременная работа всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ его анатомическаго субстрата. Кромѣ того, вдумываясь въ характеръ нашего сознания, мы убѣждаемся, что оно отличается наибольшою непрерывностью, наибольшимъ постоянствомъ въ своей дѣятельности, тогда какъ и наше сужденіе, и ассоціаціи идей и представленій также какъ и чувства, и волевые разряды, и другія формы дѣятельности нашего духовнаго міра отличаются рѣзко выраженной періодичностью, которая мѣняется, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ каждой личности. Само собой понятно, что разъ наше сознание бываетъ почти непрерывно дѣятельно и при этомъ всѣми элементами своего анатомическаго субстрата, то оно необходимо должно утомляться, необходимо должно нуждаться въ отдыхѣ, т. е. въ снѣ. Съ другой стороны, такая усиленная, напряженная дѣятельность, по необходимости, должна сопровождаться особенно дѣятельнымъ кровообращеніемъ, особенно дѣятельнымъ газообмѣномъ и соотвѣтственно съ этимъ мы видимъ, что запросы, требованія сознательной мозговой работы въ этомъ отношеніи бывають до того значительны, что всякіе процессы возстановленія и пластическаго питанія мозга оказываются ослабленными при одновременной работѣ сознания. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ,

почему бессонницы дѣйствуютъ гораздо болѣе губительно, нежели полное голоданіе, и почему даже легкій, прерывистый сонъ вліяетъ крайне разрушительно на человѣческой организмъ.

Въ доказательство непрерывной дѣятельности сознания во всѣхъ различныхъ частяхъ его анатомическаго субстрата позволимъ себѣ напомнить тѣ случаи, когда человѣкъ, глубоко задумавшійся надъ чѣмъ нибудь, т. е. сосредоточившій все свое вниманіе на какомъ-нибудь занятіи, не слышитъ, повидимому, боя часовъ или какой-нибудь мелодіи, или обращенной къ нему рѣчи; но затѣмъ, оторвавшись отъ своего занятія, онъ послѣдовательно, такъ сказать, заднимъ числомъ, слышитъ прозвучавшіе и уже замолкнувшіе звуки, сохраненные для него его недремлющимъ сознаниемъ. Проф. Генле указывалъ, что подобное воспроизведеніе замолкнувшихъ и не сознанныхъ сразу звуковъ возможно даже на другой день, т. е. спустя сутки.

На первый взглядъ, конечно, могло бы казаться, что только что указанные случаи доказываютъ, главнымъ образомъ, возможность воспріятія и безъ участія сознания; но это не такъ. Стоитъ только внимательно отнестись къ подобнаго рода фактамъ и каждый на себѣ самомъ можетъ убѣдиться, что, если мы заняты чѣмъ нибудь, то мы не то что не слышимъ боя часовъ, или обращенной къ намъ рѣчи, а просто только не даемъ себѣ времени остановиться на этихъ ощущеніяхъ, оставляя ихъ, такъ сказать, произвольно на время въ сторонѣ, т. е. до тѣхъ поръ, пока мы не окончимъ начатой раньше умственной работы. Если мы садимся за работу съ цѣлю не пропустить опредѣленнаго боя часовъ, или опредѣленныхъ какихъ либо иныхъ звуковъ, то мы всегда тотчасъ же прервемъ наше занятіе, какъ только раздастся ожидаемый нами звукъ. Подобнаго

рода случаи приходится часто наблюдать людямъ, которые берутъ на себя уходъ за тяжело больными. Для того, чтобы не заснуть среди неподвижной тишины въ комнатѣ больного, берутъ, конечно, въ руки интересную книгу; но погружаясь въ чтеніе, въ тоже время приказываютъ себѣ слѣдить за движеніями больного, за его дыханіемъ, стопами и такъ далѣе, приказываютъ себѣ слѣдить за часами для того, чтобы дать во время приемъ лѣкарства и въ подобныхъ случаяхъ никогда не случается, чтобы ожидаемые звуки остались незамѣченными до поры до времени; напротивъ того мы слышимъ ихъ сразу и тотчасъ же прерываемъ для нихъ наше чтеніе или иное какое занятіе.

Все это доказываетъ, что сознание наше воспринимаетъ сразу различнаго рода ощущенія; но что оно по желанію можетъ оставлять детальное разсмотрѣніе этихъ ощущеній до болѣе удобнаго времени и только въ силу этого замолкшіе уже звуки могутъ какъ бы снова зазвучать для насъ. Тѣ же впечатлѣнія, которыя почему бы то ни было не дошли до нашего сознания, оказываются навсегда и безслѣдно исчезнувшими. Такимъ образомъ, слѣдовательно, намъ приходится принять, что сознание наше можетъ сосредоточить всю свою энергію на одномъ какомъ либо участкѣ; но что при этомъ и остальные участки его не бездѣйствуютъ; но только работаютъ съ известнымъ задержаніемъ, т. е. ограничивая свою дѣятельность самыми элементарными актами воспріятія и исключая всякіе высшіе синтетическіе акты, каковы, напримѣръ, акты ассоціаціи представленій, акты сужденія и т. д. Само собой разумѣется, что подобнаго рода искусственное задержаніе требуетъ необходимымъ образомъ сильнаго напряженія, энергичной дисциплины въ отдѣльныхъ частяхъ сознания и потому то люди съ слабо развитымъ сознаниемъ вовсе не бы-

ваютъ способны къ сосредоточиванію вниманія, а слѣдовательно и сознания на чемъ бы то ни было въ теченіе сколько нибудь долгаго времени. Известно, напримѣръ, что маленькія дѣти могутъ тѣмъ меньше сосредоточивать вниманіе, чѣмъ они бываютъ моложе. Тоже известно и по отношенію къ дикарямъ и вообще по отношенію къ неразвитымъ людямъ. Макъ Коулей рассказываетъ, что индѣйцы Флориды отвѣтили на его первые вопросы относительно ихъ жизни, обычаевъ и т. д.; но затѣмъ они впали въ какое-то отупѣлое состояніе и уже не отвѣчали на его вопросы, какъ онъ ихъ не спрашивалъ. Наконецъ, когда Макъ Коулей начиналъ терпѣніе, не зная что ему дѣлать для того, чтобы получить желаемые отвѣты, индѣйцы заявили ему, что они просятъ его убѣдительно не спрашивать такъ много сразу, что они устали, что онъ не даетъ имъ времени спокойно обдумать его вопросы и что лучше всего будетъ, если онъ пріѣдетъ за отвѣтами черезъ годъ, такъ какъ за это время они могутъ посѣщать школу и приготовиться къ тому, чтобы отвѣчать на его вопросы какъ слѣдуетъ. Въ этомъ случаѣ индѣйцы искренно желали удовлетворить Макъ Коулея, но ихъ слабое сознание быстро истощилось отъ той сосредоточенной работы, которая требовалась для того, чтобы отвѣтить на первые вопросы и затѣмъ уже наступило полное истощеніе, отразившееся даже и на физической сторонѣ индѣйцевъ, потому что они имѣли видъ какъ бы парализованныхъ людей.

Въ подтвержденіе нашей мысли, что всякое сосредоточиваніе сознания требуетъ уже известной мозговой силы, мы можемъ указать также еще и на тотъ фактъ, что идіоты зачастую вовсе не могутъ сосредоточивать вниманія. Подобная же неспособность сосредоточивать сознание на чемъ либо одномъ, задерживая его дѣятель-

ность во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, наблюдается также у многихъ больныхъ, страдающихъ отъ болѣзненной слабости центральной нервной системы.

Въ связи съ затронутымъ нами вопросомъ очень интереснымъ представляется рассказъ Карла Дарвина о человѣкѣ, который занимался обученіемъ обезьянъ различнымъ фокусамъ и который, желая купить нѣсколько обезьянъ въ Лондонскомъ зоологическомъ обществѣ, предложилъ заплатить двойную противъ назначенной цѣны, если только ему позволятъ передъ выборомъ продержать нѣсколько обезьянъ у себя дома дня три. Когда его спросили зачѣмъ ему это, онъ объяснилъ, что въ эти дни онъ можетъ убѣдиться которая изъ обезьянъ всего пригоднѣе для его цѣли, такъ какъ это отмѣнно узнается по тому насколько внимательно обезьяны слѣдятъ за продѣлываемыми въ ихъ присутствіи штуками: чѣмъ лучше та или иная обезьяна сосредоточиваетъ на всемъ свое вниманіе, а слѣдовательно и сознаніе, тѣмъ легче она выучивается всевозможнымъ штукамъ и наоборотъ, чѣмъ меньше данная обезьяна способна къ сосредоточиванію сознанія, тѣмъ она оказывается также и менѣе доступной всякому обученію. Такимъ образомъ на обезьянахъ замѣчается тоже, что и на людяхъ.

Однимъ словомъ, повторяю это и утверждаю, сосредоточиваніе нашего сознанія на чемъ либо одномъ требуетъ особенно значительной затраты силъ именно потому, что при этомъ приходится удерживать въ насильственномъ угнетеніи всѣ остальные стороны сознательной психической дѣятельности. Такимъ образомъ, слѣдовательно, при сосредоточиваніи сознанія на чемъ либо одномъ, мы утомляемся вслѣдствіе вліянія двухъ моментовъ: съ одной стороны вслѣдствіе дѣятельной работы сознанія въ одномъ направленіи, а съ другой,

вслѣдствіе задержанія его дѣятельности во всѣхъ другихъ направленіяхъ.

Послѣ всего сказаннаго понятно почему именно сознаніе должно особенно сильно утомляться при всякомъ однообразіи, и если подобное однообразіе въ чувствахъ и мысляхъ длится сколько-нибудь долго, то результатъ долженъ получаться до-нельзя печальный, если только нашъ взглядъ на сознаніе и его дѣятельность вѣренъ; такъ какъ всякое однообразіе неизбѣжно ведетъ къ сосредоточиванію сознанія на чемъ либо одномъ и къ ограниченію его дѣятельности во всемъ остальномъ. Что же даетъ намъ въ этомъ отношеніи клиническое наблюденіе?

Извѣстный психіатръ Кричтонъ Броунъ прямо говорить, что острое слабоуміе (*dementia acuta*) развивается особенно легко подъ вліяніемъ однообразія въ чувствахъ и мысляхъ. Онъ указываетъ, что въ англійскихъ полкахъ, расположенныхъ на западномъ берегу Африки, гдѣ жизнь идетъ до-нельзя однообразно, процентъ душевныхъ болѣзней оказывается гораздо значительнѣе, нежели въ полкахъ, находящихся въ другихъ, менѣе однообразныхъ по жизненнымъ условіямъ, мѣстностяхъ. Точно также частое развитіе слабоумія у молодыхъ преступниковъ онъ объясняетъ однообразіемъ жизни въ тюрьмѣ и исправительныхъ заведеніяхъ. Наконецъ, ни чѣмъ инымъ, какъ вреднымъ вліяніемъ однообразія на сознаніе, объясняется и тотъ фактъ, что одиночное заключеніе отражается крайне губительно на психическомъ здоровьѣ заключенныхъ. Съ другой стороны извѣстно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ сосредоточиваетъ свое сознательное вниманіе на какомъ-нибудь однообразномъ звукѣ или вообще на какомъ-нибудь однообразномъ ощущеніи, то онъ очень быстро засыпаетъ; такъ, напр., Бергавъ усыплялъ больныхъ,

заставляя их прислушиваться къ звуку падающих капель воды. У старинныхъ русскихъ помѣщиковъ было въ обычаѣ вызывать засыпаніе посредствомъ равномернаго чесанія пятокъ; другіе прогоняютъ безсонницу тѣмъ, что мысленно считаютъ верстовыя столбы; дамы нерѣдко заставляютъ съ этою же цѣлью расчесывать себѣ волосы, дѣтей убаюкиваютъ однообразными напѣвами; но всѣ эти и тому подобныя средства сводятся на то, чтобы путемъ однообразія утомить сознание и тѣмъ самымъ вызвать его засыпаніе.

Приемы такъ называемыхъ магнетизеровъ и гипнотизеровъ сводятся, въ сущности, на то же самое: они утомляютъ сознание однообразіемъ зрительныхъ слуховыхъ или иныхъ ощущеній и тѣмъ самымъ вызываютъ перерывъ его. Само собою разумѣется, что гипнотизація удается тѣмъ легче и быстрѣе, чѣмъ бѣднѣе и слабѣе бываетъ развито сознание у даннаго лица, т. е., другими словами, чѣмъ ниже стоитъ оно по своему умственному развитію. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что разъ подобнаго рода субъекты со слабо развитымъ сознаниемъ станутъ часто подвергаться гипнотизаціи, то у нихъ постепенно начнетъ развиваться привычка къ частымъ перерывамъ сознания, такъ что, наконецъ, дѣло можетъ дойти до того, что они будутъ засыпать при взглядѣ на всякій свѣтящійся предметъ, и даже извѣстнаго положенія ихъ собственныхъ рукъ можетъ оказаться достаточнымъ для того, чтобы вызвать у нихъ гипнотическій сонъ, — какъ это и было съ одной горничной, которую ея госпожа очень усердно употребляла для опытовъ гипнотизаціи (Баль). Подобное привыканіе и безъ того слабого сознания къ частымъ перерывамъ должно, разумѣется, все болѣе и болѣе ослаблять его, и въ результатѣ могутъ получиться или судорожныя болѣзни, которыя, какъ мы видѣли выше, легко развиваются при

отсутствіи сознания, или же различныя душевныя болѣзни, какъ это и наблюдалось въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія, вслѣдствіе всеобщаго увлеченія месмеризмомъ, или животнымъ магнетизмомъ и какъ это замѣчается въ настоящее время подъ влияніемъ усиленныхъ занятій гипнотизмомъ.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что процентное число людей, поддающихся гипнотизаціи, должно быть обратно пропорціонально умственному развитію данной эпохи, даннаго общества. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, за послѣднія 70 лѣтъ, очевидно, совершился довольно значительный прогрессъ, такъ какъ Маттеи въ 1815 году писалъ, что изъ 50 человѣкъ развѣ одинъ оказывался нечувствительнымъ къ магнетизаціи, тогда какъ въ наше время, по словамъ самого Ганзена, изъ десяти человѣкъ не болѣе трехъ оказываются воспримчивыми къ гипнотизаціи. Этому нельзя не порадоваться, такъ какъ для каждаго народа, для каждаго общества важно имѣть въ средѣ своей по возможности больше людей съ сильно развитымъ сознаниемъ и какъ можно меньше такихъ людей, которые, благодаря слабому развитію сознательной мозговой дѣятельности, болѣе или менѣе близко подходятъ къ типу спинно-мозговыхъ животныхъ! Важно потому, что сильно развитое сознание является несовмѣстимымъ съ рефлекторными движеніями, съ рефлекторными актами, и, слѣдовательно, всѣ массовыя увлеченія становятся тѣмъ менѣе возможными, чѣмъ большее преобладаніе получаетъ сознание въ данномъ обществѣ, въ данной соціальной средѣ. Такъ, напр., различныя психическія эпидеміи прежде всего нуждаются для своего распространенія въ томъ, чтобы въ томъ или иномъ обществѣ имѣлось извѣстное наличное число людей съ слабо развитымъ сознаниемъ, т. е. людей спинно-мозговаго типа, и чѣмъ больше окажется число подобныхъ

людей, тѣмъ болѣе грандіозные размѣры приметъ всякая психическая эпидемія, все равно, будетъ ли она состоятъ изъ повального самоубійства, изъ повальныхъ судорожныхъ припадковъ или изъ повального увлеченія различными нелогичными, противорѣчащими всѣмъ извѣстнымъ законамъ природы, ученіями.

Для того, чтобы наглядно представить себѣ, чѣмъ именно становится подобная рефлекторно-дѣйствующая толпа, стоитъ только вспомнить различные случаи проявленія всеобщей паники, хотя бы, напр., въ случаѣ пожара какого-нибудь общественнаго увеселительнаго заведенія. Подъ вліяніемъ охватывающаго ихъ безотчетнаго, стихійнаго страха, люди утрачиваютъ всякое подобіе съ разумными мыслящими существами, и, потерявъ всякое самообладаніе, они взаимно топчуть, душать другъ друга, и въ конечномъ результатѣ всегда оказывается, что число жертвъ было необычайно велико именно потому, что люди дѣйствовали чисто рефлекторно, не соображаясь съ обстоятельствами: одинъ, два чело-вѣка кинулись къ выходу и за ними ринулась вся тысячная толпа, не соображая, что сразу всѣмъ пройти въ двери нельзя и что безумная давка не менѣе грозитъ смертью, чѣмъ огонь.

Дѣло въ томъ, что чѣмъ слабѣе сознаніе, чѣмъ болѣе преобладаетъ рефлексъ, тѣмъ сильнѣе выступаетъ въ чело-вѣкѣ раздражительность, а вмѣстѣ съ нею и неудержимые порывы. Извѣстно, что не только обезьяны, но и дикари, и маленькія дѣти, и вообще неразвитые и истеричные люди, т.-е. люди съ слабымъ сознаніемъ, отличаются особенно сильной раздражительностью. Такъ напр., Гётстремъ рассказывалъ, что среди лапландцевъ ему попадались нерѣдко такіе субъекты, которые невольно передразнивали всѣ движенія, всю мимику говорящихъ съ ними путешественниковъ, и въ тоже время

всѣ подобные субъекты отличались очень сильными рефлексами, и всякое неожиданное ощущеніе, напр., всякій неожиданный звукъ или шумъ вызывалъ у нихъ взрывъ общихъ судорогъ. Тоже самое замѣчено было и относительно другихъ дикарей. Изъ всего сказаннаго прямо вытекаетъ, что чѣмъ слабѣе сознаніе, тѣмъ болѣе преобладаетъ у чело-вѣка спинной мозгъ и рефлексы, тѣмъ легче онъ будетъ подражать всему, что онъ видитъ или слышитъ и что такъ или иначе остановило на себѣ его вниманіе. Между тѣмъ сознаніе можетъ быть слабо какъ вслѣдствіе того, что оно остановилось на низкой степени развитія, такъ и вслѣдствіе искусственнаго ослабленія его подъ вліяніемъ или болѣзни, или худого питанія, или какихъ-нибудь другихъ моментовъ.

Въ поясненіе своей мысли позволимъ себѣ привести слѣдующій интересный случай: въ концѣ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія въ Единбургѣ господствовала какая-то инфекціонная лихорадочная болѣзнь. Больныхъ въ городѣ было множество, и всѣ доктора сбились съ ногъ. Всѣ больные лихорадили и бредили, но этимъ дѣло и ограничивалось; тогда какъ больные, лѣжившіеся у одного д-ра А., отличались ко всему этому еще неудержимымъ желаніемъ выбрасываться изъ окна. Фактъ этотъ, вѣроятно, такъ бы и остался невыясненнымъ, еслибы въ числѣ больныхъ д-ра А. не находился одинъ медикъ, профессоръ, который тоже во время своей болѣзни все стремился выброситься изъ окна и который послѣ выздоровленія рассказалъ относительно этого слѣдующее: ему и въ голову не приходило выбрасываться изъ окна до тѣхъ поръ, пока лѣжившій его д-ръ А. не сталъ въ его присутствіи рассказывать его роднымъ о томъ, что одинъ подобный больной выбросился изъ окна и расшибся на смерть, и что поэтому необходимо наблю-

дать также и за нимъ. Разсказъ этотъ произвелъ на его ослабленный болѣзнью мозгъ очень сильное впечатлѣніе, и съ этого момента желаніе выбростись изъ окна не давало ему покоя. При провѣркѣ оказалось, что д-ръ А., взволнованный тѣмъ, что одинъ изъ его больныхъ выбросился изъ окна и расшибся до смерти, вездѣ разсказывалъ объ этомъ случаѣ и приказывалъ строго наблюдать за больными; при этомъ онъ вездѣ говорилъ при больныхъ, и въ результатѣ всѣ его больные оказались одержимыми стремленіемъ выбростись изъ окна, и тѣ изъ нихъ, за которыми уходъ былъ менѣе тщательнъ, дѣйствительно выбрасывались изъ оконъ и расшибались, къ вящему ужасу лѣчившаго ихъ доктора, который и не подозрѣвалъ, что онъ самъ является возбудителемъ этой странной эпидеміи.

Какъ объясняются случаи въ родѣ этого? Они объясняются тѣмъ, что болѣзнь ослабила сознательную мозговую жизнь данныхъ людей и временно дала въ нихъ преобладаніе спинно-мозговой рефлекторной сторонѣ, и они, не хуже дѣтей, не хуже дикарей, оказались подъ господствомъ раздражительности. То же самое должно вообще наблюдаться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сознание бываетъ почему бы то ни было ослабленнымъ. Подобные субъекты не только будутъ подражать тому, что они видятъ, но также и тому, что они слышатъ, т. е., другими словами, они окажутся доступными словеснымъ внушеніямъ. Во всемъ этомъ, конечно, нѣтъ ничего новаго и удивительнаго, такъ какъ кто же изъ насъ не знаетъ того, что чѣмъ глупѣе тотъ или иной субъектъ, тѣмъ легче онъ поддается всевозможнымъ вліяніямъ, всевозможнымъ внушеніямъ. Все это старо, какъ міръ, и мы не позволили бы себѣ останавливаться на этомъ, еслибы за послѣднее время по поводу *внушеній* при гипнозѣ не появилась цѣлая фантастическая псевдо-

научная литература. Что же бываетъ при гипнозѣ? Гипнотизація, пріучая людей къ легко и часто появляющимся перерывамъ сознанія, тѣмъ самымъ должна все болѣе и болѣе ослаблять и безъ того уже несильное сознаніе субъектовъ, способныхъ гипнотизироваться и, въ концѣ концовъ, при этихъ условіяхъ должно, наконецъ, получиться такое печальное состояніе сознательной мозговой жизни, при которомъ подобные субъекты болѣе дикарей и обезьянъ окажутся склонными ко всевозможной подражательности. Понятно, что такимъ образомъ можно приготовить себѣ самый удобный матеріалъ для опытовъ съ такъ-называемыми внушеніями.

Что перерывъ сознанія, при слишкомъ частомъ повтореніи, дѣйствительно обусловливаетъ ослабленіе сознанія и отупѣніе чловѣка, доказательствомъ этого могутъ служить люди, которые страдаютъ падучей болѣзнью, припадки которой сопровождаются временнымъ прекращеніемъ сознанія. Извѣстно, что эпилептики впадаютъ подъ конецъ въ полное отупѣніе и, кромѣ того, извѣстно, что у нихъ зачастую наблюдаются неуправляемыя стремленія въ родѣ тѣхъ, которыя наблюдались у больныхъ д-ра А.

Такимъ образомъ мы видимъ, что гипнотизмъ принадлежитъ къ патологическимъ проявленіямъ сна, или, другими словами, къ патологическимъ состояніямъ сознанія и, въ сущности, представляетъ собою искусственное ослабленіе сознанія путемъ однообразныхъ ощущеній. При гипнотическомъ снѣ, какъ и при спячкѣ, наблюдается наклонность къ каталептическимъ явленіямъ со стороны мышцъ, къ усиленію рефлексовъ (Гайденгайнъ) и къ рѣзкому пониженію всего обмѣна и въ особенности обмѣна въ нервной ткани. Въ этомъ отношеніи и спячки, и гипнозъ рѣзко отличаются отъ нормальнаго сна, который является временемъ усиленнаго

питательнаго обмѣна (Дѣргэмъ, Пенцольдъ и Флейшеръ) и притомъ въ особенности для нервно-мозговой ткани. Вслѣдствіе этого гипнотическій сонъ и не можетъ замѣнить собою нормальнаго, такъ какъ онъ только ослабляетъ сознательную психическую дѣятельность и вовсе не благоприятствуетъ пластическому возстановленію тканей и питанію ихъ, и примѣненіе гипнотизаціи въ случаяхъ бессонницы можетъ быть допущено только постольку, поскольку допускается вообще всякое наркотическое средство, т.-е., въ томъ расчетѣ, что искусственный сонъ перейдетъ, быть можетъ, въ нормальный, полезный для организма. Примѣненіе же гипноза ради опьяненія, ради развлечения, должно быть признано преступленіемъ не только противъ отдѣльнаго лица, но и противъ общества, противъ государства.

Заговоривъ о гипнотизмѣ, нельзя не остановиться нѣсколько минутъ на сомнамбулизмѣ, т.-е. на такомъ нормальномъ снѣ, во время котораго люди встаютъ съ кровати, ходятъ, взлѣзаютъ на крыши и вообще совершаютъ цѣлый рядъ мышечныхъ актовъ. Въ первой главѣ мы уже говорили о томъ, что мышечная система наша не спитъ; кромѣ того, мы упоминали случаи, въ которыхъ утомленные длиннымъ переходомъ солдаты спали на ходу; или часовые спали и въ то же время ходили изъ конца въ конецъ по положенному имъ пути, продолжая держать на плечѣ ружье и т. д. Такимъ образомъ, мы знаемъ, что человѣкъ можетъ спать и въ то же время совершать сложные и вполне цѣлесообразные мышечные акты. Многимъ, вѣроятно, приходилось видѣть людей, заснувшихъ въ концертѣ или на лекціи и продолжающихъ держать въ рукахъ бинокль или какую-нибудь другую вещь. Никто не сомнѣвается въ возможности цѣлесообразныхъ мышечныхъ движеній во снѣ, и потому, казалось бы, нечего удивляться и

такъ-называемымъ лунатикамъ или сомнамбуламъ, которые отличаются отъ людей, засыпающихъ во время какого-нибудь дѣйствія и продолжающихъ его и во снѣ, тѣмъ, что спокойно ложатся въ постель и засыпаютъ, но затѣмъ встаютъ и начинаютъ производить различные мышечные акты, оставаясь все время во снѣ, то есть безъ сознанія. Изъ просмотра литературы по добныхъ случаевъ мы убѣдились, что въ громадномъ большинствѣ сомнамбулизмомъ страдаютъ подростки и молодые люди, т. е. такого рода субъекты, которые по самому своему возрасту нуждаются особенно сильно въ мышечныхъ движеніяхъ, въ физическомъ упражненіи. Въ литературѣ мнѣ встрѣчались описанія случаевъ, въ которыхъ, путемъ усиленнаго физическаго труда, удавалось устранить появленіе сомнамбулизма у подверженныхъ ему субъектовъ. Въ виду этого по неволѣ является вопросъ о томъ, не является ли ходьба во снѣ прямымъ результатомъ того, что мышечная система субъектовъ остается безъ необходимаго для нея упражненія и становится, такимъ образомъ, источникомъ различныхъ двигательныхъ сновъ? Для рѣшенія этого вопроса требуются, конечно, подробныя изслѣдованія. Мнѣ лично удалось замѣтить, что количество движеній во снѣ бываетъ обратно пропорціонально количеству произведенной за день мышечной работы; но дѣти, на которыхъ мнѣ приходилось производить свои наблюденія, лишь рѣдко вставали съ постели и ходили по комнатамъ, а въ большинствѣ случаевъ ограничивались только тѣмъ, что вставали на постелили же принимались шарить по ней.

Прежде чѣмъ покончить съ патологическими проявленіями сна и сознанія, считаемъ необходимымъ упомянуть здѣсь о такъ-называемомъ автоматизмѣ, т. е. о такомъ состояніи, когда человѣкъ чисто машинально,

при полномъ отсутствіи сознанія, производитъ тѣ или иные мышечные акты. Подобнаго рода автоматизмъ наблюдается въ своей наиболѣе рѣзкой и полной формѣ вслѣдъ за раненіями головы, но онъ встрѣчается также и при различныхъ болѣзненныхъ пораженіяхъ центральной нервной системы. Такъ напр., при нѣкоторыхъ мозговыхъ болѣзняхъ больные не сознаютъ, не понимаютъ дѣлаемыхъ имъ вопросовъ, вслѣдствіе полного отсутствія сознанія, но они слышатъ, что имъ говорятъ, и въ отвѣтъ машинально начинаютъ повторять слышанное, причемъ при каждомъ повтореніи они сокращаютъ фразу на слогъ или на два съ конца и, такимъ образомъ, доходятъ до того, что повторяютъ одно первое слово, одинъ первый слогъ, а затѣмъ, наконецъ, умолкаютъ. Это механическое повтореніе слышанныхъ словъ называется на медицинскомъ языкѣ „явленіемъ эхо“.

Къ такимъ же автоматическимъ актамъ принадлежатъ и различныя привычныя движенія, производимыя тяжело-больными во время безсознательнаго состоянія; такъ напр., больной, бывшій выдувальщикомъ, и во время безсознательнаго состоянія продолжаетъ дуть, какъ только ложка съ лѣкарствомъ или чашка съ пищей коснется его губъ; офицеръ, крутившій при жизни постоянно свой молодецкій усъ, продолжаетъ точно также съ поразительной граціей и правильностью крутить его и въ то время, когда, вслѣдствіе кровоизліянія въ мозгу, онъ находится уже въ безсознательномъ, коматозномъ состояніи.

Такихъ примѣровъ автоматическихъ движеній можно бы было привести множество, но мы ограничимся еще только однимъ: въ битвѣ при Барейлѣ одинъ солдатъ былъ раненъ въ лѣвую темянную кость; онъ два года находился въ госпиталѣ, вслѣдствіе паралича всей правой половины тѣла; но затѣмъ параличъ исчезъ почти

совершенно, и больной съ успѣхомъ сталъ исполнять обязанности сидѣлки при больныхъ и вслѣдствіе этого самъ постоянно находился, такъ сказать, подъ медицинскимъ наблюденіемъ. У этого солдата стали отъ времени до времени наблюдаться приступы полного перерыва сознанія, причемъ онъ ничего не видитъ, даже самаго рѣзкаго свѣта, ничего не слышитъ, вкусъ и обоняніе тоже бывають уничтожены у него и сохраненнымъ остается одно только осязаніе; такъ что при ходьбѣ онъ натывается на поставленные на пути его предметы, но, прикоснувшись къ нимъ, онъ обходитъ ихъ, руководясь осязаніемъ. Боли онъ не ощущаетъ вовсе, — его можно жечь, колоть, щипать, онъ ничего не чувствуетъ. Во время этихъ приступовъ онъ превращается совершенно въ автомата: онъ машинально повторяетъ всѣ движенія, всѣ акты своей нормальной жизни, т. е. ходитъ, свертываетъ папиросы, закуриваетъ ихъ, причемъ ему бываетъ совершенно безразлично, что ему попало въ руки вмѣсто табака, шерсть-ли, или стружки. Онъ ѣстъ и пьетъ; но въ то же время ему рѣшительно все равно, что онъ ѣстъ и пьетъ: такъ, онъ съ одинаковымъ удовольствіемъ выпиваетъ и хорошее вино, и растворы самыхъ отвратительныхъ лѣкарствъ. Если ему даютъ палку въ руки такъ, что она пробуждаетъ у него представленіе о ружьѣ, то онъ начинаетъ продѣлывать съ этой палкой всѣ приемы, необходимые для употребленія въ дѣло ружья; при этомъ у него сейчасъ являються воспоминанія о сценахъ и эпизодахъ, пережитыхъ имъ во время войны, и соответственныя рѣчи. Этого рода перерывы сознанія повторяются черезъ каждыя 27 сутокъ и длятся въ теченіе сутокъ или двухъ. Въ теченіе 27 дней каждаго мѣсяца онъ бываетъ совершенно нормаленъ. О томъ, что было съ нимъ во время приступовъ автоматизма, онъ ничего не помнитъ.

Для вѣрнаго пониманія сущности сознанія очень важными оказываются также и тѣ случаи, въ которыхъ сознаніе бывало уничтожено или вслѣдствіе вхожденія пули въ мозгъ, или вслѣдствіе вдавленія кости, и затѣмъ, по прошествіи болѣе или менѣе долгаго времени, снова возвращалось вслѣдъ за удаленіемъ пули или кости. Такъ напр., въ нильской битвѣ одинъ капитанъ получилъ сильный ударъ по головѣ, вслѣдствіе котораго часть кости была вдавлена. Рана была нанесена во время командованія, и когда 15 мѣсяцевъ спустя кость была удалена, то сознаніе вернулось и больной окончилъ начатое имъ 15 мѣсяцевъ тому назадъ командование, приподнявшись на кровати. Такихъ фактовъ въ литературѣ имѣется нѣсколько, и всѣ они доказываютъ, что вмѣстѣ съ сознаніемъ прекращается и начатая сознательная дѣятельность, которая вмѣстѣ съ сознаніемъ можетъ оставаться, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи въ теченіе многихъ мѣсяцевъ.

Выше мы уже говорили о томъ, что нормальное сознаніе всегда бываетъ дѣятельно одновременно во всѣхъ своихъ частяхъ, хотя и съ известными задержаніями или ограниченіями; мы упоминали также, что при различныхъ душевныхъ разстройствахъ наблюдается раздробленіе, разъединеніе сознанія, вслѣдствіе котораго сознаніе не можетъ утомляться и потребность въ снѣ оказывается совершенно уничтоженной. Этимъ, однако, не исчерпываются формы болѣзненнаго раздробленія сознанія. Въ литературѣ уже имѣются описанія случаевъ, въ которыхъ вся жизнь — бодрствующая жизнь людей — распадается, въ сущности, на двѣ отдѣльныхъ жизни: съ совершенно отдѣльнымъ сознаніемъ и соотвѣтственно съ этимъ и съ отдѣльной, раздѣленной, такъ сказать, на двое памятью, съ отдѣльной волей и съ различнымъ характеромъ. Эта странная болѣзнь состоитъ въ слѣдующемъ: у какого-

нибудь субъекта появляется болѣе или менѣе глубокой и болѣе или менѣе продолжительный сонъ или безсознательное состояніе, послѣ котораго онъ при пробужденіи ничего не помнитъ и ничего не сознаетъ изъ того, что было съ нимъ раньше. Если подобные больные обладали известными знаніями, то всѣ эти знанія оказываются уничтоженными, такъ что имъ приходится снова начинать учиться всему и при томъ съ азбуки. Подобное вторичное состояніе длится болѣе или менѣе долго, нѣсколько дней, недѣль или мѣсяцевъ и затѣмъ, послѣ сна или припадка потери сознанія, больные приходятъ въ себя, но уже со всѣми своими прежними знаніями и съ прежними вкусами, наклонностями, талантами, съ прежнимъ характеромъ и притомъ они ничего не помнятъ о своемъ второмъ состояніи. Спустя нѣкоторое, болѣе или менѣе долгое, или болѣе или менѣе короткое, время больные снова погружаются или въ глубокой сонъ, или во временное безсознательное состояніе и, просыпаясь, приходятъ въ себя, оказываются снова во второмъ состояніи. При этомъ и память ихъ, и знанія, вообще все сознаніе оказывается какъ разъ въ томъ положеніи, въ которомъ они находились во время прекращенія этого состоянія и возвращенія прежняго, и такъ это продолжается годами. Людей, которыхъ эти больные видятъ впервые во время одного изъ двухъ своихъ состояній, они узнаютъ только во время подобнаго же состоянія, а во время другаго смотрятъ на нихъ, какъ на незнакомыхъ.

Впрочемъ, раздвоеніе сознанія не всегда бываетъ полное; въ некоторыхъ случаяхъ больные сознаютъ, что ихъ жизнь распадается на два различныхъ состоянія, какъ это, напр., и было съ больной Винслоу; но въ другихъ случаяхъ больные не сознаютъ, что они ведутъ двойственную жизнь. Всѣ подобныя состоянія из-

вѣсны подъ названіемъ двойнаго или раздвоеннаго сознанія, или *dypsichia* по Притчарду. Объяснить этого рода раздѣленіе сознанія пока невозможно, хотя въ виду его невольно вспоминается старая теорія Вигана о томъ, что у насъ, въ сущности, имѣется два мозга, а именно, что каждое полушаріе нашего большого мозга представляетъ собою отдѣльный мозгъ и что у правшей большого развитія достигаетъ лѣвое полушаріе, а у лѣвшей — правое. Въ пользу этой теоріи говорятъ днѣкоторой степени тѣ наблюденія, которыя доказываютъ способность одного полушарія компенсировать, замѣнять другое во время сна, а также и во время болѣзненнаго состоянія наиболѣе дѣятельнаго обыкновенно полушарія.

Клиническія и патолого-анатомическія наблюденія уже несомнѣнно установили тотъ фактъ, что органы рѣчи, а слѣдовательно и главные органы мышленія локализируются у людей, пользующихся по преимуществу правой рукой, въ лѣвомъ полушаріи, а у такъ-называемыхъ лѣвшей, напротивъ, въ правомъ полушаріи. Опыты, произведенные мною надъ людьми, страдавшими лѣвосторонней мигренью, показали, что во время этой головной боли лѣвая рука пріобрѣтала временно способность писать лучше правой руки, и явленіе это можно объяснить только тѣмъ, что правое полушаріе, во время болѣзненнаго состоянія лѣваго, становилось временно болѣе дѣятельнымъ. Съ другой стороны, прямыми же опытами было доказано, что если во время крѣпкаго сна начать щекотать кожу лица по срединѣ или вправо отъ срединной линіи, то спящій производитъ отмахивающее движеніе лѣвой рукой и притомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ лежитъ на лѣвомъ боку, т. е. когда поднятіе лѣвой руки бываетъ затруднено, а поднятіе правой могло бы совершиться вполнѣ легко и свободно.

Очевидно, что факты этого рода указываютъ какъ бы на то, что обыкновенно работающее лѣвое полушаріе отдыхаетъ во время наиболѣе крѣпкаго сна, а вмѣсто него функционируетъ правое полушаріе и управляемая имъ лѣвая рука. Наблюденія, произведенныя мною надъ лѣвшей, показали обратное явленіе: во время глубокаго сна, отмахивающія движенія въ отвѣтъ на раздраженіе производила не лѣвая рука, а правая, такъ что и въ этомъ случаѣ результатъ указывалъ на то же, а именно, что во время глубокаго сна менѣе дѣятельное полушаріе замѣняетъ болѣе дѣятельное.

За самое послѣднее время теорія Вигана получила экспериментальное подтвержденіе, а именно въ опытахъ проф. Гольца, который удалил у собаки все лѣвое полушаріе и при этомъ убѣдился, что собака представляетъ лишь крайне незначительныя отклоненія отъ нормальныхъ животныхъ, а именно: подобное животное представляло незначительное притупленіе интеллигенціи, и мышцы правой половины тѣла оказались у него, слегка ослабленными въ сравненіи съ мышцами лѣвой половины тѣла, въ то же время чувствительность въ правой половинѣ тѣла оказалась слегка притупленной — и только. Для поверхностнаго наблюдателя собака эта могла показаться даже совершенно нормальной. Въ виду этого проф. Гельцъ прямо высказывается въ пользу оперативнаго лѣченія различныхъ мозговыхъ опухолей и т. п. поражений, если только они ограничиваются однимъ полушаріемъ.

Ставъ на точку зрѣнія Вигана относительно того, что каждое полушаріе представляетъ собою какъ бы отдѣльный мозгъ, мы могли бы объяснить себѣ случаи двойнаго сознанія предположеніемъ, что при немъ преобладающее значеніе попеременно получаетъ то болѣе развитое правое, то менѣе развитое лѣвое полушаріе

и что соединяющее ихъ сознание бываетъ уничтожено, а каждое изъ нихъ функционируетъ только съ присутствіемъ ему лично сознаниемъ; при этомъ пришлось бы предположить также, что въ подобныхъ случаяхъ въ бездѣтельномъ состояніи, вълѣдствіе чего бы то ни было, находятся тѣ анатомическіе элементы сознанія, которые служатъ связующимъ звеномъ между его заложенными въ обоихъ полушаріяхъ элементами.

Дѣло, однако, оказывается болѣе сложнымъ, такъ такъ проф. Буррю и д-ръ Бюро сообщили свое наблюденіе надъ больнымъ, у котораго наблюдалась смѣна шести различныхъ состояній сознанія, причемъ, соответственно каждому изъ этихъ состояній, мѣнялись не только знанія больнаго, его память и характеръ, но также и различныя болѣзненные припадки, въ родѣ параличей и анестезій въ различныхъ частяхъ тѣла.

Вообще при настоящемъ состояніи нашихъ знаній о снѣ, а слѣдовательно и о сознаніи, мы оказываемся совершенно неспособными объяснить себѣ сущность различныхъ патологическихъ проявленій какъ со стороны сна, такъ и со стороны сознанія, и намъ остается только утѣшаться мыслью, что положеніе дѣла не всегда останется таковымъ и что настанетъ, наконецъ, время, когда пылливый человѣческій умъ изучитъ и освѣтитъ и эту темную пока область въ нашей жизни.

Послѣ всего изложеннаго нами въ настоящей главѣ, посвященной вопросу о патологическихъ проявленіяхъ сна, мы уже не можемъ сомнѣваться въ томъ, что сонъ имѣетъ самую тѣсную связь съ той способностью нашей души, которую мы привыкли называть сознаниемъ и безъ которой немислима никакая умственная, никакая достойная человѣка жизнь. Безъ человѣческаго сознанія мы опускаемся на одинъ уровень съ различными низшими формами органической жизни, мы перестаемъ быть

людьми, и, слѣдовательно, тѣмъ настоятельнѣе должны сознавать мы необходимость изучить эту важную способность нашей души.

Въ общемъ выводѣ какъ физиологическаго, такъ и патологическаго очерка сна мы необходимо приходимъ къ заключенію, что *сонъ есть время отдохновенія сознанія* и что сознание наше имѣетъ опредѣленный анатомическій субстратъ въ головномъ мозгу.

СТАТЬИ И СОЧИНЕНІЯ, ИМѢЮЩІЯ ОТНОШЕНІЕ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ, ПОСВЯЩЕННОЙ ВОПРОСУ О ПАТОЛОГИИ СНА.

Erasmus Darwin Zoonomia or the laws of organic life 1796 т. I, стр. 249.

Anstie, Stimulants and Narcotics and their Mutual Relations 1865.

Notley въ The Lancet 1885, 14 марта.

Benham, тамъ же, стр. 548.

Claye Shaw, On the clinical Value of Expression in the Insane въ Saint Bartholomew's Hospital Reports 1874, т. X.

Strümpell Beobachtungen über ausgebreitete Anästhesien und deren Folgen für die willkürliche Bewegung und das Bewusstsein въ Deutsches Archiv für klinische Medicin XXII.

Itard, De la parole considerée comme moyen de développement de la sensibilité organique въ Revue médicale française et étrangère 1828 т. II.—Его же Traité des maladies de l'oreille et de l'audition. 1842.

Macario Des hallucinations въ Annalos Médico-psychologiques 1845, т. II.

Cérise, Des fonctions et des maladies nerveuses 1870. 2-е изд.

Bidder und Schmidt, Die Verdauungssäfte und der Stoffwechsel 1852.

- Aeby** въ Archiv für experim. Pathologie und Pharmacologie 1874 т. III.
- Loeb**, Muskelthätigkeit als Maass psychischer Thätigkeit въ Archiv für die gesammte Physiologie, т. 39.
- Ord and Dyce Duckwordth**, въ The Lancet 1879 т. 2 № 16 и 1880 т. 2, № 21 Medical Times and Gazette 1879 т. 2 № 1529.
- Gull**, въ Transactions of the Clinical Society of London 1879 т. 7.
- Ord**, въ Medico-Chirurgical Transactions т. 61; въ British Medical Journal 1878 май.
- Taon**, Revue mensuelle de Médecine et de Chirurgie 1880 10-го августа.
- Fagge** въ Medico-Chirurgical Transactions т. 54.
- Allan Mac Lane Hamilton**, The Medical Record 1882, т. 22. декабрь.
- Ballet** въ Le Progres médical. 1880 № 30. **Henrot** тамъ же 1883 № 37.
- Sepilli** въ Rivista sperimentale di Freniatria etc. 1881 т. I и II.
- Goodhart**, въ Transactions of the Clinical Society of London 1882 т. 15.
- Magomed**, тамъ же.
- Charcot**, въ Gazette des Hôpitaux 1881 № 10 Journal de médecine et de Chirurgie pratiques 1881, т. 32, январь.
- Coxwell**, The Lancet 1883, 20-го января и Transactions of the Clinical Society of London т. 16.
- Lunn**, въ Transactions of the Clinical Society of London т. 20.
- Seville**, тамъ же т. 19.
- Druitt**, въ American Journal of the Medical Sciences 1884 т. 87.
- Kocher**, Archiv für klinische Chirurgie т. 29.
- Rud. Virchow**, Berliner klinische Wochenschrift 1887, 21 февраля.
- Guerlain**, въ Bulletins de la Société de Chirurgie т. 8.
- Bourneville et Ottier**, Pachydermie въ l'Union médicale 1887, № 74.
- Manasse**, въ Berliner klin. Wochenschrift 1888, стр. 585 и слѣд.
- Brunst**, въ Beiträge zur klinischen Chirurgie 1888 т. 3.

- Cesar Lombroso**, Klinische Beiträge zur Psychiatrie 1869.
- Goltz**, Ueber die Verrichtungen des Grosshirns въ Archiv für die gesammte Physiologie т. 42.
- Tibaldi**, Del sogno въ Annali universali di medicina 1860 декабрь.
- Saissy**. Recherches experimentales sur la physique des animaux hybernants 1808. Paris et Lyon. Mémoires de Turin 1810—1812.
- Horwath**, въ Centralblatt für die medic. Wissenschaften. 1872 №№ 45—47. Würzburger Verhandlungen XII стр. 139 и XIII стр. 60.
- Quincke**, въ Archiv für experimentelle Pathologie т. 15.
- Spallanzani**, Opuscoli di fisica animale et vegetabile 1780. Modena.
- John Hunter**, Works т. IV, стр. 131.
- Blandet**, Observation de sommeil léthargique въ Comptes Rendus hebdomadaires des séances de l'Académie des sciences. Paris 1864 стр. 658.
- Buffon**, Histoire naturelle 1749.
- Barkow** Der Winterschlaf nach seinen Erscheinungen im Thierreich 1876.
- Valentin**, въ Moleschott's Untersuchungen I—XII. 1865 т. 9.
- Edwards**, De l'influence des agents physiques sur la vie 1824. Paris.
- Gore**, The Sleeping Sickness of Western Africa въ The British Medical Journal 1875, № 731.
- Senator**, въ Charité Annalen 1887 т. 12.
- Burdenell Carter**, въ The Science 1887, 22 апрѣля. The British Medical Journal 1887, 16-го апрѣля.
- Lasègue**, въ Gazette des Hôpitaux 1882, 3-го января.
- Burns**, Curious Case of Somnambulism въ The Medical and Surgical Reporter 1875 т. 32.
- Bouchut**, De l'état nerveux aigu et chronique ou Nevrosisme 1860.
- Ribot**, Das Gedächtniss. Нѣм. переводъ. 1871.
- Ireland**, Idiocy and Imbecility. 1877. London.
- Maudsley**, Body and Will. London. 1883.
- Bruno Meyer**, Aus der ästhetischen Pädagogik. Berlin 1873.
- Alexander Morriison** въ The Practitioner, a Journal of Therapeutics and public Health 1889 апрѣль.

- Renaudin**, Observations sur l'influence pathogénique de l'insomnie въ Annales Medico-psychologiques 1857 т. III.
- Hammond**, On Sleep въ Gaillard's Medical Journal 1880 т. 29, февраль.
- Nagel**, Der natürliche und künstliche Schlaf 1872.
- Durham** въ Guy's Hospital Reports 1860 т. 6.
- Neumann** Pathologische Untersuchungen als Regulative des Heilverfahrens. 1842 т. 2.
- Манасейна**, О мозговомъ переутомленіи въ Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Музея 1883 стр. 46 и О нормальности мозговой жизни современнаго культурнаго чловѣка. 1886.
- Eustace Smith**, On sleeplessness in infants въ The British Medical Journal 1869 28-го августа.
- Milner Fothergill**, The causes and Treatment of Sleeplessness въ The Practitioner 1876, № 92.
- Russel**, On Sleeplessness въ The British Medical Journal т. 2 1861.
- Solbrig**, Klinische Beobachtungen въ Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie 1871.
- Charles Darwin**, The Expression of the Emotions in Man and Animals 1872. Его же, The Descent of Man т. I. стр. 44.
- Hanfield Jones**, Studies on functional nervous Disorders 1870.
- Lidell**, A Treatise on Apoplexy 1873.
- Böcker**, Ueber den Schlaf въ Archiv des Vereins für gemeinschaftliche Arbeiten zur Förderung der wissenschaftlichen Heilkunde 1856 т. 2.
- Schüller**, въ Deutsches Archiv für klinische Medicin 1874 т. 14 стр. 5 и 6.
- Jacobi and White**, въ The Journal of Nervous and Mental Disease т. 6. № 1.
- Percy Boulton** въ Obstetrical Journal of Great Britain and Ireland 1875 № 23.
- Mortimer Granville**, On Sleeplessness въ The Lancet 1880, 28 августа.
- Beard and Rockwell**, A practical Treatise on the Medical and Surgical Uses of Electricity, New-York 1871, стр. 227.
- *Ть-же*, Observations on the physiological and therapeutic effects of galvanization of the sympathetic. New-York 1870.

- Hammond**, въ Journal of Psychological Medicine 1870 апрѣль.
- Bouchut**, Tuberculose aigue simulant une fièvre typhoïde. Diagnostic par l'ophthalmoscope; въ Gazette des Hôpitaux. 1875 №№ 43 и 44.
- Hughlings Jackson**, въ Ophthalmic Hospital Reports 1863 — 1865 т. 4.
- Schröder van der Kolk**, Die Pathologie und Therapie der Geisteskrankheiten. Braunschweig. 1863.
- Thompson Dickson**, The Science and Practice of Medicine in Relation to Mind. 1874, стр. 372 и слѣд.
- L. Meyer**, Die Stimmung und ihre Beziehungen zu den Hauptfunctionen des Nervensystems въ Charité Annalen. 1854 т. 5.
- Weir Mitchell**, въ the American Journal of the medical Sciences. 1877, апрѣль.
- Hufeland**, въ Hufeland's Journal der practischen Arzneykunde. 1825 т. 60. Stück 3, стр. 138; Его же там же т. 20.
- Gaulke**, Ueber einen merkwürdigen Fall von Schlafsucht въ Vierteljahrschrift für gerichtliche Medicin etc. 1877 т. 26.
- Arrot**, въ Edinburgh Medical Journal. 1815 т. 11, стр. 533 и слѣд.
- Michel**, въ Journal de Médecine, de Chirurgie et de Pharmacie. 1759 т. XI.
- Missa**, Sur une dormeuse extraordinaire въ Recueil périodique d'Observations. 1775 т. 2 стр. 95 и слѣд.
- Viale**, Sur une catalepsie въ Journal de Médecine, de Chirurgie et de Pharmacie etc. 1768, т. 29, стр. 131 и слѣд.
- Plaigne**, D'un sommeil extraordinaire въ Journal de Médecine, de Chirurgie etc. 1766 стр. 164 и слѣд.
- Struve**, Geschichte einer Catalepsie въ Rust's Magazin für die gesammte Heilkunde. 1819 т. 6 стр. 264 и слѣд.
- Veltén**, въ Rust's Magazin etc. 1827 т. 23 стр. 371.
- Rombery**, въ Horn's Archiv für medicinische Erfahrungen. 1815 т. 2 стр. 425.
- Semelaine**, въ Annales Médico-psychologiques. 1885 т. I, стр. 20.
- Thürmer**, Schlafsucht въ Medicinische Zeitung. 1841 № 49.
- Barlow**, On Relation of Sleep to convulsive Affections въ Medico-Chirurgical Transactions of London. 1851.

Imbert, Histoire d'un assoupissement extraordinaire въ Histoire de l'Academie royale des sciences. 1713. Paris. 1716.

Extrait d'une lettre hollandoise qui contient l'histoire d'une léthargie extraordinaire (Беккеръ) въ Journal des savans. 1707. Amsterdam т. 36. Supplement du Journal стр. 133.

Amati, Lusitani medici physici praestantissimi, curatio-num medicinalium centuria prima, multiplici variaq; rerum cognitione referta. Florentinae. 1551, curatio 9; стр. 92 и слѣд.

Miscellanea curiosa sive ephemeridum. 1678, стр. 113, набл. 68.

Rumelio, Prophylaxe Medico Practica luis epidemiae. Norimbergae. 1624. Centurio I стр. 68.

Schurigio, Chylologia historico-medica. 1725. Dresdae, стр. 228.

W. Oliver, A relation of an extraordinary sleepy Person at Tinsbury near Bath въ Philosophical Transactions за 1704 и 1705. London. 1706, т. 24, № 304, стр. 2177 и слѣд.

Histoire de l'Academie royale des sciences. 1739. Paris. 1741, стр. 15

Fichet de Flechy, Observations sur differens cas singuliers, Paris. 1761, стр. 200 и слѣд.

Burette, Sur un dormeur extraordinaire въ Recueil périodique d'observations de Medecine etc. 1754, т. I, стр. 249.

Haller, Anfangsgründe der Physiologie des menschlichen Körpers. 1772. т. 5, стр. 1147.

Wendelstadt, Siebenwöchentlicher Schlaf (carus) въ Journal der pract. Arzneykunde etc. von Hufeland. 1797; стр. 434.

Stoll, Praelectiones in diversos morbos chronicos. Vin-dobonae 1788, т. I, стр. 350.

Philosophical Transactions for 1700—1720, т. 5 стр. 353.

Reisin, Sur un sommeil convulsif etc. въ Journal de Me-decine, de Chirurgie etc. 1808, т. 33, стр. 265 и слѣд.

Chantourelle, De la léthargie et des affections soporeuses въ Journal général de Médecine, de Chirurgie etc. 1820, т. 72, стр. 335 и слѣд.

Oelze, Heilung einer vier monatlichen Schlafsucht въ Hu-

feland's Journal der practischen Arzneykunde 1833, Stück 4, стр. 3 и слѣд.

John Ward Cousins A case of remarkably prolonged and profound sleep въ The Medical Times and Gazette 1863, т. I. стр. 396. *Омъ-же* тамъ-же 1865, т. II, стр. 113 и слѣд.

Vogt въ Würzburger Medicinische Zeitschrift 1863, т. 4, вып. 3 стр. 163 и The British and Foreign Medico-Chirurgical Review 1865, т. 69—70 стр. 249.

La Revue medicale 1863, т. I, стр. 698.
Chabert, Sommeil prolongé etc. въ Recueil de Médecine, de Chirurgie etc. 1867.

Ginson, Case of a prolonged and profound sleep occurring at intervals during twenty years въ The British Medical Journal 1863, т. I.

Westphal Zwei Krankheitsfälle въ Archiv für Psychiatrie 1877, т. 7.

John Gay, въ The Lancet 1880, 3-го июля.

Johns въ The Lancet 1869, 22-го мая.

Dann въ Journal of nervous and mental diseases 1884, т. XI.
Lauffenauer, Sitzung der Gesellschaft der Aerzte zu Buda-pest 1884, 7-го июня.

Foot, въ The British Medical Journal 1886, 11-го декабря.
Walter Hayle Walsche, A practical treatise on the disea-ses of the lungs. London 1871, стр. 546.

Maudsley, The Physiology and Pathology of Mind 1868, стр. 160.

Weiss, въ Vierteljahrschrift für die practische Heilkunde 1879, т. 144.

Cumming Mackenzie, въ Journal of Mental Science 1891 т. 37.
Mackenzie On Chorea въ The British Medical Journal 1887, т. I.

Henle, Ueber das Gedächtniss in den Sinnen въ Wochen-schrift für die gesammte Heilkunde 1838, стр. 285.

Crichton Brown, Acute Dementia въ West Riding Lunatic Asylum Medical Reports 1874, т. 4.

Ball Hemianaesthesia removed by static Electricity въ The Lancet 1880, 2-го октября.

Matthaei въ Horn's Archiv für medizinische Erfahrung 1815, июнь.

Heidenhain въ Deutsche medizinische Wochenschrift 1880, 21 го февраля, *Ею-же*, Ueber Hypnotismus.

Hughlings Jackson, On automatic Actions during Coma въ Medical Times and Gazette 1875, т. I.

Laycock, A Chapter on some organic Laws of personal and ancestral Memory въ The Journal of Mental Science 1875, № 94.

Broca, въ Deutsche medizinische Wochenschrift 1886, 6 го ноября.

Sauvages, Nosologie methodica sistens Morborum classes, Amsterdam 1768, т. I.

Walsch, On Sleep въ The Lancet 1846, т. II.

Marshall Hall, въ Medico-Chirurgical Transactions 1839, т. 4; 2 я серия.

Thomas Huxley, An address on the theories of life and motion въ The British Medical Journal 1874, 29-го августа.

Wynter, The Borderland of Insanity 1875.

Narrative of the United States Exploring Expedition т. I, стр. 125.

Treviranus, Biologie т. 5, стр. 458.

Regnard, Sorcellerie, Magnetisme, Morphinisme, Delire des Grandeurs 1857.

Clay Mac Cully, Seminole Indians of Florida. Fifth annual Report of the Bureau of Ethnology 1883—1884, стр. 493 и слѣд.

Carpenter, Elements of Mental Physiology 1864, стр. 654 и слѣд.

Beard The Nature and Phenomena of Trance въ Archives of Electrology and Neurology. 1875, New York, т. II, № 1.

Pritchard, въ Edinburgh Philosophical Transactions 1840.

Combe, въ Edinburgh Phrenological Journal 1838, октябрь.

The British and Foreign Medical Journal 1845, т. 19.

Brown Séquard, въ The Medical and Surgical Reporter 1874, т. 30.

Jessen, Doppeltes Bewusstsein въ Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie 1865, т. 22.

Dunn, Case of Suspension of mental faculties etc. въ The Lancet 1845, т. 2.

Forbes Winslow, Obscure Diseases of the Brain and Mind стр. 335.

Carpenter, Mental Physiology 1874, стр. 479 и слѣд.

Mayo, Case of Double Consciousness въ The London Medical Journal 1845, т. I, стр. 1202.

Манасина, О письмѣ вообще, о зеркальномъ письмѣ въ частности и о роли обвѣхъ полушарій большого мозга. 1883.

Diderot, Oeuvres complètes. Изданіе 1875, т. 2, стр. 162 и слѣд.

Abercrombie, Researches on the Pathology of the Brain въ The Edinburgh Medical and Surgical Journal 1819, т. 15, стр. 23 и слѣд.

Wigan, A New View of Jnsanity. The Duality of Mind 1844, стр. 46.

Bourru et P. Burot, De la Multiplicité des états de conscience chez un hystéro—épileptique въ Revue philosophique de la France et de l'Etranger. 1885, т. 20—Тѣмъ-же Variations de la personnalité. Paris 1888.

Mitchell and Nott, въ Medical Repository, 1816, январь.

Mac-Nish, Philosophy of sleep. 1830.

Dufay, La notion de la personnalité въ Revue scientifique 1876, 15 июля.

Azam, Double Conscience et Altérations de la Personnalité. Paris 1887; въ Bibliothèque scientifique contemporaine 1887.

Ribot, Maladies de la mémoire. Ею-же Maladies de la personnalité. Paris 1885.

Charles Richet, въ Revue philosophique 1883, мартъ.

Pierre Janet, въ Revue philosophique 1886, декабрь.

Stephen Mackenzie, The sleeping Sickness of Africa въ Transactions of the Clinical Society of London 1891 т. 24.

Trowbridge въ Philadelphia Medical News, 1891, 21-го февраля.

III

Гигиена сна.

Если почти треть нашей жизни проходит во снѣ, то естественно задаться вопросомъ о томъ, какъ именно слѣдуетъ спать и сколько?

Количество сна бываетъ обратно пропорціонально силѣ и развитію сознанія у каждаго лица, и потому дѣтямъ нуженъ болѣе продолжительный сонъ, нежели взрослымъ, и притомъ сонъ долженъ быть тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ моложе бываетъ ребенокъ, такъ какъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что развитіе сознанія идетъ болѣе или менѣе параллельно съ возрастомъ. У грудныхъ дѣтей сознаніе бываетъ еще до того мало развито, до того слабо, что самаго непродолжительнаго бодрствованія оказывается достаточно для его утомленія. Кромѣ того, въ виду ихъ быстрого роста и процессы пластическаго обмѣна, пластическаго питанія должны преобладать у нихъ надъ процессами дѣятельнаго кровообращенія. Послѣ работъ Зольтманна и Тарханова едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и анатомическій субстратъ высшей умственной дѣятельности остается у дѣтей въ первое время ихъ внѣутробной жизни въ недоразвитомъ, въ неоконченномъ видѣ. Соответственно съ этимъ мы и видимъ, что дѣти въ первые годы жизни не могутъ еще пользоваться рѣчью,

которой они выучиваются болѣе или менѣе медленно и постепенно. У дѣтей этого перваго возраста сонъ по необходимости преобладаетъ надъ бодрствованіемъ, безсознательная рефлекторная жизнь надъ сознательнымъ интеллектуальнымъ существованіемъ.

Няньки, мамки, а нерѣдко и сами матери любятъ, чтобы маленькія дѣти спали какъ можно больше изъ вполне понятныхъ эгоистическихъ стремленій, потому что чѣмъ больше спитъ дитя, тѣмъ больше у нихъ остается свободнаго времени. Въ виду этого необходимо напомнить, что сонъ въ излишкѣ можетъ быть крайне вреденъ, потому что сознаніе для своего развитія требуетъ прежде всего упражненія, и въ виду этого необходимо наблюдать за тѣмъ, чтобы новорожденный ребенокъ, съ первыхъ дней своей жизни, проводилъ во снѣ не всѣ 24 часа, а удѣлялъ бы и на бодрствованіе нѣкоторое, конечно, самое незначительное время своей жизни. Вслѣдствіе этого всѣ приемы, имѣющіе цѣлью, путемъ однообразныхъ ощущеній, вызвать искусственно засыпаніе ребенка, должны быть строго запрещаемы; сюда относятся, конечно, монотонныя и притомъ вовсе не музыкальныя, колыбельныя пѣсни, однообразныя раскачиванія ребенка въ люлькѣ или на рукахъ, и т. д. Путемъ прямыхъ опытовъ я убѣдилась, что даже 15-минутное качаніе на качеляхъ вызываетъ у совершенно здоровыхъ и взрослыхъ людей паденіе температуры тѣла до 0,5° Ц. и явленія анэмїи мозга, съ болѣе или менѣе сильною тошнотою. Пониженіе температуры тѣла, вызываемое качаніемъ, можетъ быть крайне рѣзкое и доходить до 1½ градуса. Д-ръ Александръ предлагалъ даже, въ началѣ настоящаго столѣтія, качать лихорадочныхъ больныхъ съ цѣлью пониженія у нихъ ихъ ненормальной температуры. Такимъ образомъ, слѣдовательно, качая ребенка на рукахъ или въ люлькѣ, мы

искусственно вызываемъ сонъ, во-первыхъ, потому, что утомляемъ его сознание цѣлымъ рядомъ однообразныхъ ощущений, а во-вторыхъ, вызываемъ сонъ еще и потому, что путемъ качанія вызываемъ искусственную анэмію головного мозга. Авторы, писавшіе и настаивавшіе на томъ, что люлька должна считаться обильнымъ источникомъ человѣческой тупости и даже идиотизма, очевидно, были вполнѣ правы, хотя они и не могли подтвердить свое мнѣніе опытными данными. Въ Германіи даже имѣется народная поговорка, въ родѣ того, что „его закачали до глупости“, такъ что, очевидно, народъ самъ замѣчалъ иногда вредное вліяніе люльки и увачиванія дѣтей.

Итакъ, маленькихъ дѣтей не слѣдуетъ увачивать и вообще не слѣдуетъ усыплять ихъ при помощи какихъ бы то ни было искусственныхъ средствъ и приемовъ, потому что излишній сонъ не менѣе вреденъ человѣку, какъ и недостаточный. Вслѣдствіе этого, имѣя дѣло съ маленькими, новорожденными дѣтьми, мы должны въ одинаковой степени заботиться какъ о томъ, чтобы сонъ ребенка не прерывался искусственно, такъ и о томъ, чтобы ребенокъ имѣлъ необходимое количество бодрствованія, которое для первыхъ 4—6 недѣль жизни составляетъ часа два въ сутки. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ ребенокъ становится старше и старше, и время, посвящаемое имъ на бодрствованіе, должно увеличиваться. Дѣти въ возрастѣ отъ 1 до 2 лѣтъ могутъ довольствоваться 18—16 часами сна; отъ 2 до 3 лѣтъ имъ достаточно 17—15 часовъ сна; отъ 3 до 4 имъ достаточно будетъ 16—14 часовъ сна; отъ 4 до 6 лѣтъ дѣти могутъ довольствоваться 15—13 часами сна; затѣмъ отъ 6 до 9 довольно будетъ отъ 12 до 10 часовъ сна, а отъ 9 до 13 лѣтъ отъ 10 до 8 часовъ сна. Затѣмъ, во время критическихъ лѣтъ переходнаго времени отъ дѣтскаго

къ юношескому возрасту, количество сна должно быть нѣсколько увеличено, такъ чтобы дѣвочка или мальчикъ въ это время спали не менѣе 8—10 часовъ въ сутки. По окончаніи этого времени количество сна можетъ быть снова уменьшено до 7—9 часовъ, и только по окончаніи періода роста, т. е. съ 19—20 лѣтъ, мы бы считали возможнымъ ограничить время сна 6—8 часами въ сутки. Люди, достигшіе среднихъ лѣтъ жизни, т. е. тѣхъ лѣтъ, когда сознание, а вмѣстѣ съ нимъ и вся психическая сторона человѣка оказывается въ полной силѣ, такъ сказать, въ зенитѣ своего развитія, могутъ довольствоваться, конечно, минимальнымъ количествомъ сна, т. е. отъ 7 до 5 часовъ въ сутки; но это, конечно, только въ томъ случаѣ, если они пользуются полнымъ здоровьемъ.

Что касается до людей преклонныхъ лѣтъ, то количество необходимаго для нихъ сна оказывается различнымъ, смотря по тому, развивается или нѣтъ у нихъ къ старости ослабленіе сознания. Если къ старости развивается ослабленіе сознания, а вмѣстѣ съ нимъ и всей умственной сферы вообще, то и потребность въ снѣ будетъ болѣе или менѣе напоминать намъ то, что наблюдается на дѣтяхъ въ первые годы ихъ жизни. Въ предыдущихъ главахъ мы уже говорили объ извѣстномъ французскомъ математикѣ Муаврѣ, который въ послѣдній годъ своей жизни спалъ по 20 часовъ въ сутки.

Подобное ослабленіе сознания идетъ всегда рука объ руку съ ослабленіемъ также и памяти, что такъ часто наблюдается у людей, достигшихъ старости. Для примѣра могу указать на знаменитаго Линнея: память его въ старости до того ослабѣла, что, взявъ въ руки которое нибудь изъ своихъ сочиненій и начавъ читать, онъ быстро забывалъ, что взялъ свое собственное произведеніе и, наслаждаясь чтеніемъ, онъ принимался

воскликать: „какъ это хорошо! Чтобы я далъ, чтобы быть авторомъ, написавшимъ это!“

Напротивъ того, если сознание и всѣ умственныя силы остаются у стариковъ въ полномъ своемъ развитіи, то потребность въ снѣ оказывается уменьшенной, и наблюдается даже наклонность къ бессонницамъ. Это, впрочемъ, легко объясняется, такъ какъ всѣ условія жизни людей старыхъ бываютъ таковы, что устраняютъ отъ нихъ въ болѣе или менѣе сильной степени всѣ тѣ моменты, которые ведутъ къ утомленію сознания. Въ поясненіе своей мысли позволимъ себѣ напомнить, что у людей, достигшихъ преклонныхъ лѣтъ жизни, всѣ страсти отступаютъ болѣе или менѣе на задній планъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ вкусы, убѣжденія, характеръ, по необходимости, принимаютъ большую стойкость и опредѣленность и потому въ нихъ все рѣже и рѣже развивается та внутренняя борьба человѣка съ самимъ собою, та внутренняя борьба высокихъ идеаловъ и эгоистическихъ, матеріальныхъ стремленій, на которую люди болѣе молодые затрачиваютъ такъ много энергіи, такъ много здоровья. Само собой понятно, что всякая внутренняя борьба человѣка съ самимъ собою, съ своими страстями и порывами мыслима только при самой дѣятельной работѣ сознания, и потому у стариковъ сознание, если только оно сохранилось въ полной силѣ, должно по необходимости меньше утомляться, нежели у людей средняго возраста, и въ результатѣ является меньшая потребность въ снѣ, являются бессонницы.

Спрашивается теперь, какъ слѣдуетъ обставить сонъ людей, достигшихъ старости и отличающихся такою же наклонностью ко сну, какъ и маленькія дѣти? Зная, что во время сна сознание, а вмѣстѣ съ нимъ и сознательная умственная жизнь отдыхаютъ, т. е. бездѣйствуютъ, и что всякое продолжительное бездѣйствіе какого

бы то ни было органа нашего тѣла ведетъ необходимымъ образомъ къ ослабленію и, наконецъ, къ атрофіи этого органа, мы поймемъ, конечно, что подобнаго рода излишній сонъ можетъ очень легко приносить больше вреда, нежели пользы, такъ какъ самое бездѣйствіе сознания должно еще болѣе ослаблять его, и такимъ образомъ мало-по-малу можетъ развиваться такое состояніе, въ какомъ находился вышеупомянутый математикъ Муавръ.

Для стариковъ, да и вообще для людей всѣхъ возрастовъ, отличающихся усиленною потребностью въ снѣ, можно посоветовать слѣдующее: имъ ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ ужинать, такъ какъ изъ наблюденій Дѣргэма уже извѣстно, что введеніе пищи въ желудокъ, передъ сномъ, усиливаетъ въ очень рѣзкой степени ту авемію головного мозга, которая развивается при наступленіи сна. Кромѣ того для подобныхъ субъектовъ, съ усиленною потребностью въ снѣ, полезенъ будетъ тщательный массажъ всего тѣла и прохладныя ванны или обтиранія.

Во всякомъ случаѣ какъ бы велика не была потребность въ снѣ у стариковъ перваго типа, имъ все же не слѣдуетъ позволять спать болѣе 10 часовъ въ сутки, и только въ случаѣ рѣзко выраженной слабости можно допускать 12 часовъ сна ежедневно; но и то не сразу, а въ два приѣма. Не должно забывать, что организмъ нашъ можетъ привыкнуть ко всему, даже въ крайне вредномъ для него самомъ вліяніи. Такъ, напримѣръ, можно пріучить себя засыпать въ любое время дня и подъ вліяніемъ опредѣленнаго какого-нибудь положенія или ощущенія. Въ литературѣ имѣются описанія случаевъ, въ которыхъ люди засыпали, какъ только они складывали опредѣленнымъ образомъ руки, или когда они взглядывали на какой-нибудь блестящій предметъ

(Геммондъ, Баль), и потому люди съ усиленнымъ аппетитомъ на сонъ должны остерегаться этой своей наклонности и по возможности противодѣйствовать ей, такъ какъ въ противномъ случаѣ, по мѣрѣ своего повторенія, сонливость ихъ будетъ все болѣе и болѣе усиливаться, и имъ придется спать все больше и больше. Между тѣмъ, само собою понятно, что процессы пластическаго питанія, процессы возстановленія тканей не могутъ совершаться до безконечности; имъ положенъ извѣстный предѣлъ размѣрами предшествовавшей затраты. Слѣдовательно, разъ человѣкъ будетъ спать большее число часовъ, чѣмъ какое требуется ему спать для того, чтобы сознание могло отдохнуть и необходимые процессы питанія и возстановленія тканей могли окончиться, то въ результатѣ должно будетъ получиться, во-первыхъ, ослабленіе сознания вслѣдствіе отсутствія необходимаго упражненія, необходимой работы, а во-вторыхъ, должно получиться привыканіе сосудовъ къ извѣстному состоянію, дающему несоотвѣтственный перевѣсъ питательному кровообращенію надъ функциональнымъ, и соотвѣтственно съ этимъ получится разстройство всего газообмѣна и чрезмѣрно сильное накопленіе угольной кислоты въ тѣлѣ; а все это далеко не безразлично для организма и должно рано или поздно повести къ болѣе или менѣе серьезному разстройству здоровья. Наконецъ, питаніе мозга можетъ грѣшить не только по количеству своему, но также и по качеству; такъ напр., мозгъ можетъ получать слишкомъ много бѣлковъ и лецитина (Геглингъ, Джексонъ, Тудихумъ), и нѣкоторые авторы объясняли развитіе эпилепсїи, т. е. болѣзни, соединенной съ перерывами сознания, именно подобнымъ, несоотвѣтственно обильнымъ бѣлками, питаніемъ. Мы уже говорили о томъ, что приступы этой болѣзни зачастую появляются во время сна

ночью, и всѣмъ извѣстно также, что приступы этой болѣзни всегда сопровождаются потерей сознания и при частомъ повтореніи своемъ ведутъ къ отупѣнію, къ развитію идиотизма. Падучую болѣзнь пробовали, съ одной стороны, дѣлать уменьшеніемъ бѣлковъ въ пищу, а съ другой—перевязкой вертебральныхъ артерій на шеѣ (Александръ, Рейеръ), и притомъ съ успѣхомъ. Все это доказываетъ, что питаніе можетъ вредить всякимъ несоотвѣтствіемъ, какъ въ количествѣ, такъ и въ качествѣ, и сонъ, дающій преобладаніе пластическому, главнымъ образомъ бѣлковому питанію, при излишней продолжительности своей долженъ быть вреденъ.

На основаніи наблюденій, произведенныхъ мною за послѣдніе года, я вынесла твердое убѣжденіе, что излишній сонъ одинаково вреденъ во всѣхъ возрасты жизни. Въ дѣтскіе годы излишній, т. е. чрезмѣрно продолжительный, сонъ легко можетъ положить основаніе преобладанію растительной жизни организма, причемъ всѣ нервно мозговые процессы оказываются ослабленными. Если сравнить много спящихъ дѣтей съ мало спящими, то мы всегда убѣдимся, что первые отличаются болѣею упитанностію, хотя они въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ къ тому типу, который въ просторѣчїи зовется „сырыми“ дѣтьми, т. е. они представляются толстыми, но при этомъ мышечная система ихъ зачастую оказывается слабѣе нормальнаго. Въ то же время они отличаются флегматичностію и медленнымъ, запаздывающимъ развитіемъ умственныхъ силъ. Напротивъ того дѣти, спящія мало, бываютъ очень нервныя, нерѣдко преждевременно развивающіяся. Нормальное, т. е. не слишкомъ медленное и не слишкомъ быстрое развитіе духовныхъ силъ требуетъ, между прочимъ, чтобы сонъ дѣтей соотвѣтствовалъ бы дѣйствительной потребности организма и не грѣшилъ бы ни излишествомъ, ни недостаточностію.

Такъ какъ сонъ сопровождается болѣе или менѣе полнымъ бездѣйствіемъ всѣхъ важнѣйшихъ органовъ и тканей тѣла, а всякое продолжительное бездѣйствіе ведетъ къ ослабленію каждаго органа и каждой ткани, то понятно, что излишній сонъ необходимымъ образомъ долженъ вести къ ослабленію тонуса, какъ сосудистыхъ стѣнокъ, такъ и различныхъ животныхъ перепонокъ и оболочекъ, а это въ свою очередь можетъ обусловить крайне нежелательныя послѣдствія. Поясню дѣло при- мѣромъ: на основаніи продолжительныхъ наблюденій я убѣдилась, что продолжительный 10—12 часовой сонъ нерѣдко ведетъ у дѣтей, особенно старшаго возраста, къ появленію временной дневной альбуминурии. Между тѣмъ извѣстно, что подобное присутствіе бѣлка въ мочѣ, хотя и можетъ существовать при совершенно здоровыхъ почкахъ, но составляетъ все же весьма нежелательное явленіе уже потому одному, что оно можетъ, такъ сказать, приучить почечныя ткани къ пропусканію бѣлка и тѣмъ самымъ положить основаніе для развитія болѣзненнаго состоянія этихъ важныхъ для жизни органовъ.

Подобнаго рода альбуминурия наблюдается всегда только у дѣтей, которыя, заснувъ, спятъ безпробуднымъ сномъ до утра и не просыпаются для опорожненія своего мочевого пузыря. Затѣмъ при пробужденіи они выдѣляютъ совершенно нормальную и обильную мочу; но походивъ, поигравъ часа три, четыре послѣ пробужденія они выдѣляютъ уже бѣлковую, скудную по количеству мочу. Къ вечеру моча ихъ снова оказывается нормальной, несмотря даже на то, что организмъ бываетъ утомленъ. Происхожденіе этого рода альбуминурии объясняется, очевидно, тѣмъ, что за 10—12 часовъ сна накапливается въ почкахъ, почечныхъ лоханкахъ, мочеточникахъ и мочевомъ пузырьѣ такое значительное

количество мочи, которое растягиваетъ эти части въ чрезмѣрной степени и тѣмъ самымъ ослабляетъ ихъ тонусъ. Когда ребенокъ проснется, то выведеніе накопившейся мочи все же не можетъ восстановить нормальной тоничности тканей; а стоячее или сидячее положеніе ведетъ, конечно, къ повышенію давленія въ почкахъ и подъ вліяніемъ всей этой совокупности явленій, чрезъ почечныя ткани проходитъ бѣлокъ крови въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Вѣрность нашего объясненія доказываеся тѣмъ, что, если дѣтей будить черезъ 4—5 часовъ сна, и заставлять ихъ опорожнять мочевой пузырь, то выдѣленіе бѣлка въ дневныхъ порціяхъ мочи болѣе не наблюдается. Слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ способъ развитія альбуминурии по существу своему походитъ на тотъ, который наблюдается при перевязкѣ мочеточника. До сихъ поръ еще никто не обращалъ вниманія на этотъ способъ развитія альбуминурии и это вполне понятно, такъ какъ, къ сожалѣнію, у насъ считается излишнимъ слѣдить за составомъ мочи у повидимому, здоровыхъ дѣтей. На основаніи моихъ личныхъ наблюденій, я вынесла твердое убѣжденіе, что только что описанная альбуминурия, продолжаясь годъ или два, постепенно усиливается, такъ что количество бѣлка въ отдѣльныхъ дневныхъ порціяхъ доходитъ уже до 2 и болѣе процентовъ на 1000; очевидно, почечныя ткани все болѣе и болѣе привыкаютъ, путемъ повторенія, пропускать бѣлокъ. Само собой понятно, что подобныя потери бѣлка неизбѣжно должны дѣйствовать ослабляющимъ образомъ на состояніе и питаніе организма, а если къ этому еще присоединится какоенибудь другое вредное для почекъ вліяніе, то въ результатъ легко можетъ получиться серьезная болѣзнь почекъ, какъ на это указывалъ и д-ръ Ноорденъ, разбирая вопросъ о физиологической альбуминурии.

Приведеннаго примѣра, я думаю, достаточно для того, чтобы доказать, что чрезмѣрный по своей продолжительности сонъ можетъ вредить не только психическому, но и физическому здоровью организма и притомъ даже въ дѣтскіе годы жизни.

У пожилыхъ, а тѣмъ болѣе у старыхъ людей тоничность различныхъ тканей бываетъ и безъ того болѣе или менѣе понижена и потому слишкомъ продолжительный сонъ долженъ дѣйствовать на нихъ еще болѣе вреднымъ образомъ. Слишкомъ продолжительный сонъ, особенно въ одномъ положеніи, благоприятствуетъ могучимъ образомъ развитію разнообразнаго рода застоевъ какъ крови, такъ и другихъ жидкостей тѣла; это неизбѣжнымъ образомъ должно отражаться также и на общемъ питаніи организма; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобные застои, при ослабленномъ тонусѣ сосудовъ, могутъ вести къ образованію такъ назыв. апоплексій или ударовъ. Слишкомъ долгій сонъ вредитъ также и вслѣдствіе отсутствія привычныхъ раздраженій и вслѣдствіе однообразія положенія. Каждому приходилось испытывать непріятныя послѣдствія такъ наз. „отлеживанія“ конечностей; но иногда однообразіе положенія во снѣ даетъ не только отлеживаніе и непріятное онѣмѣніе конечности, но даже и полный параличъ ея, какъ это уже доказано прямыми наблюденіями.

Въ медицинской литературѣ имѣются описанія цѣлаго ряда случаевъ такъ назыв. „сонныхъ или ночныхъ параличей“, о которыхъ писали Вейръ Митчель, Ормеродъ, Синклеръ, Саундби, Фере, Шрейберъ и др.

Кромѣ того, продолжительное пребываніе въ постели у людей зрѣлаго или старческаго возраста можетъ повести также къ образованію желчныхъ камней; потому что во время долгаго спокойнаго сна желчь очень легко застаивается въ желчномъ пузырьѣ и протокахъ, такъ

какъ этому благоприятствуетъ, съ одной стороны, приостановка или замедленіе перистальтическихъ движеній кишечнаго канала, а съ другой, и самое положеніе спящаго человѣка въ кровати, причѣмъ нерѣдко вытеканіе желчи изъ желчнаго пузыря въ двѣнадцатиперстную кишку становится невозможнымъ вслѣдствіе чисто физическихъ условій, каковы, напр., сдавленіе выводящихъ протоковъ и отверстій или такая неестественность во взаимномъ расположеніи частей, при которой, напр., струѣ желчи предстоитъ подниматься къ верху для того, чтобы излиться въ полость кишечнаго канала. При застаиваніи желчи водянистыя части ея всасываются и она мало по малу сгущается, а это, конечно, является существеннымъ условіемъ въ дѣлѣ образованія желчныхъ камней и песка.

Аналогичныя условія въ области мочевыхъ путей могутъ точно также послужить исходной точкой образованія мочевыхъ камней и потому и съ этой стороны необходимо наблюдать за тѣмъ, чтобы почечныя отдѣленія не застаивались слишкомъ долго въ мочевыхъ путяхъ.

Замѣчу мимоходомъ также еще и о томъ, что слишкомъ продолжительный сонъ, понижая тонусъ пищеварительнаго канала, содѣйствуетъ также и развитію упорныхъ привычныхъ запоровъ со всѣми непріятными послѣдствіями подобнаго рода состоянія. Между тѣмъ маленькія дѣти также, какъ и подростки зачастую страдаютъ очень сильно отъ упорныхъ запоровъ и при внимательномъ анализѣ жизненнаго строя подобныхъ пациентовъ всегда почти оказывается, что они спятъ несоотвѣтственно много и, заставляя дѣтей подниматься раньше, мы тѣмъ самымъ нерѣдко устраняемъ упорный запоръ и улучшаемъ общее питаніе ихъ организма.

За послѣдніе годы одинъ изъ англійскихъ клиници-

стовъ (Эндрю Клеркъ) объясняли развитіе блѣдной немочи у дѣвочекъ подросткомъ упорными запорами и онъ предложилъ даже называть блѣдную немочь или хлорозъ по просту *фекальной анеміей*; но почтенный авторъ ошибся въ одномъ, а именно въ томъ, что упорный запоръ составляетъ не основную причину болѣзни, а только одно изъ ея проявленій. По моему мнѣнію исходную точку развитія хлороза слѣдуетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, искать въ незамѣченной своевременно, а вслѣдствіе этого и запущенной альбуминури. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ между прочимъ тотъ фактъ, что уже многіе почтенные авторы указывали на частое присутствіе альбуминурии у молодыхъ дѣвушекъ и юношей во время періода полового созрѣванія; причемъ имѣлись всѣ основанія признать почки этихъ подросткомъ совершенно здоровыми. Бѣлокъ въ этихъ случаяхъ всегда наблюдался только въ дневныхъ порціяхъ мочи. Для примѣра упомяну здѣсь о слѣдующихъ авторахъ: Фогель, Гуль, Морлей, Рукъ, Дюксъ, Моксонъ, Рендаль, Капитанъ, проф. Фюрбрингеръ и другіе.

Не слѣдуетъ забывать также, что всѣ хлоротичныя дѣвочки отличаются своею сонливостью: онѣ любятъ поспать и крайне неохотно прерываютъ свой сонъ; вслѣдствіе этого у нихъ зачастую получается по ночамъ вышеупомянутое переполненіе и растяженіе мочевыхъ путей, а это, какъ мы видѣли, можетъ повести къ развитію привычной физиологической альбуминурии, которая, все болѣе и болѣе усиливаясь и укореняясь, даетъ, наконецъ, явленія сильнаго малокровія съ отеками, водянками и съ патологической уже альбуминурией. При лѣченіи блѣдной немочи слѣдуетъ прежде всего ограничить число часовъ, кряду посвящаемыхъ сну и въ тоже время слѣдуетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы мочевые пути опоражнивались своевременно и ночью. Не должно забы-

вать также, что у подросткомъ въ періодъ ихъ половой формации и безъ того существуютъ болѣе или менѣе сильныя приливы къ органамъ таза и брюшной полости, и, потому, всякое нарушеніе правильной почечной дѣятельности легко можетъ послужить исходной точкой серьезнаго заболѣванія. Подъ вліяніемъ общаго разстройства питанія и чрезмѣрнаго сна тоничность пищеварительныхъ путей тоже ослабѣваетъ, вслѣдствіе чего развиваются упорные запоры, въ свою очередь вредно отражающіеся на состояніи почекъ и на общемъ питаніи организма.

Послѣ всего сказаннаго никому уже не покажется страннымъ, я думаю, наше заявленіе, что даже по отношенію къ груднымъ дѣтямъ слѣдуетъ наблюдать не только за тѣмъ, чтобы они имѣли достаточное количество сна, но также и за тѣмъ, чтобы они имѣли достаточное количество бодрствованія. Продолжительная анемія головного мозга должна роковымъ образомъ повести къ ослабленію всего этого органа. Не должно забывать, что сознательная работа мозга сопровождается самымъ сильнымъ приливомъ крови къ мозгу, самымъ дѣятельнымъ кровообращеніемъ; не должно забывать, что и сознание человѣка, какъ и всѣ другія психическія способности его, развивается постепенно, крѣпнеть и растетъ только цѣною постояннаго упражненія, постоянной работы. Законъ, управляющій развитіемъ и ростомъ, называется однимъ для всѣхъ тканей, для всѣхъ способностей нашего организма, и подобно тому, какъ мышца, остающаяся постоянно въ покоѣ, атрофируется, слабѣетъ и исчезаетъ, точно также и неупотребляемый нервъ, неупотребляемые органы ощеніи и неупотребляемые анатомическіе субстраты различныхъ психическихъ силъ и способностей роковымъ образомъ слабѣютъ и атрофируются, если имъ не дана будетъ полная возможность дѣятельности.

Для людей, отличающихся особенно сильною сонливостью, полезным окажется все то, что вызывает усиленный притокъ крови къ мозгу: различные возбуждающіе напитки (чай, кофе), посѣщеніе веселаго общества, различныхъ увеселеній и т. д.

Въ этомъ отношеніи очень интереснымъ представляется случай, сообщенный Эразмомъ Дарвиномъ, дѣдомъ знаменитаго автора „Происхожденіе видовъ“. Случай этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: одинъ изъ друзей Эразма Дарвина былъ вынужденъ часто дѣлать большія поѣздки верхомъ, которыя до-нельзя утомляли его, такъ что онъ едва могъ держаться на сѣдлѣ отъ одолевавшихъ его дремоты и усталости; при этомъ онъ замѣтилъ, что всегда можетъ избавиться отъ мучительнаго чувства утомленія: для этого ему стоило только вспомнить что-нибудь такое, что сердило его, и это вполне понятно, такъ какъ извѣстно, что гнѣвъ ускоряетъ кровообращеніе и вообще дѣйствуетъ въ качествѣ возбужденія.

Въ виду этой способности гнѣва вызывать усиленный приливъ крови къ мозгу, нѣкоторые врачи находятъ раздражительность слабыхъ, истощенныхъ и малокровныхъ людей вполне цѣлесообразной, такъ какъ, сердясь поминутно, изъ-за всякихъ пустяковъ, они тѣмъ самымъ улучшаютъ кровообращеніе въ своемъ мозгу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое состояніе. Въ виду этого людямъ, отличающимся усиленною склонностью ко сну, могутъ быть полезны даже различные споры, игра въ карты съ неизбежными ссорами, вспышками гнѣва и т. д., вообще все то, что усиливаетъ и вызываетъ приливъ крови къ мозгу.

Радость также вызываетъ приливъ крови къ мозгу и такимъ образомъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на отправленія центральной нервной системы, а

при посредствѣ ея и на отправленія всего организма вообще, и потому Амбруазъ Паре былъ до извѣстной степени правъ, говоря, что веселые люди всегда выносливѣе. Разъ мы знаемъ, что радость, а слѣдовательно и всякое веселье обуславливаютъ болѣе дѣятельный приливъ крови къ головному мозгу, намъ станетъ понятно, почему всякія игры, всякое веселье разгоняютъ сонъ, и всѣми подобными вліяніями слѣдуетъ непремѣнно пользоваться въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ приходится бороться съ излишнею сонливостью. Не должно забывать, что подобная склонность поспать лишнее можетъ встрѣчаться не только у людей старыхъ и у дѣтей, но также и у людей среднихъ или даже молодыхъ лѣтъ. Наконецъ, не должно забывать также, что излишняя сонливость можетъ обуславливаться полнымъ бездѣльемъ, т.-е. отсутствіемъ всякихъ интересовъ, всякихъ занятій, способныхъ интересовать даннаго человѣка.

Мы уже говорили о томъ, что дѣти, дикари и неразвитые, неразвитые люди спятъ много и что они засыпаютъ, какъ только остаются безъ занятій, и это вполне понятно, такъ какъ содержаніе ихъ психическаго міра настолько бѣдно, что для нихъ невозможно найти матеріала для занятія въ своихъ собственныхъ мысляхъ и представленіяхъ; имъ постоянно нужны для этого раздраженія, впечатлѣнія изъ вѣшняго міра, иначе они засыпаютъ вслѣдствіе того, что сознаніе ихъ утомляется однообразіемъ ихъ собственнаго душевнаго міра. Въ подобныхъ случаяхъ необходимо позаботиться о приисканіи подходящихъ занятій. При этомъ никакъ не слѣдуетъ думать, что въ подобныхъ случаяхъ требуются дѣйствительныя занятія, т.-е. что-нибудь заслуживающее подобнаго названія. Нѣтъ! занятія должны соответствовать общему психическому уровню по-

добныхъ людей. Такъ напр., есть люди, для которыхъ серьезнымъ и интереснымъ занятіемъ является хотя бы наблюдение за тѣмъ, чтобы всѣ имѣющіеся у нихъ часы были одновременно или въ известномъ порядкѣ; другіе выполняютъ съ успѣхомъ все время, остающееся у нихъ между сномъ и ѣдой, заботами о кормленіи и лѣченіи имѣющихся у нихъ пѣвчихъ птицъ и т. д.; третьи занимаются верчениемъ столовъ, раскладываніемъ пасьянса и тому подобнымъ. Слѣдовательно, для каждого нужны занятія, соотвѣтствующія его наличнымъ психическимъ силамъ; занятія эти необходимы для устранения излишняго и тѣмъ самымъ вреднаго сна.

Количество сна должно, конечно, мѣняться сообразно съ возрастомъ, но въ то же время не должно забывать, что излишній сонъ вреденъ въ одинаковой степени для всѣхъ возрастовъ. Уже Иммануэль Кантъ указывалъ на то, что продолжительный излишній сонъ производитъ крайне вредное влияние на здоровье и прямо говорилъ, что гнѣздомъ многихъ болѣзней слѣдуетъ признать кровать, т. е. слишкомъ долгое пребываніе въ ней. Самъ Кантъ, при сильномъ развитіи въ немъ всей сознательной умственной жизни, спалъ очень мало. Точно также мало спали и Гумбольдтъ, Гете, Фридрихъ Великій, Шиллеръ, Чэттертонъ. Мирабо нерѣдко довольствовался двумя, тремя часами сна. Наполеонъ I тоже спалъ обыкновенно не болѣе 6—4 часовъ въ сутки.

Разобравъ вопросъ объ излишнемъ снѣ, необходимо теперь остановиться на тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ недостаточный сонъ или бессонницы. Мы видѣли, что бессонницы встрѣчаются нерѣдко у стариковъ, у которыхъ умственные силы остаются неизмѣненными и въ то же время, вслѣдствіе естественныхъ условій старческаго возраста, сознание ихъ не имѣетъ поводовъ утомляться. Кромѣ того, бессонницы наблюдаются такъ

же и въ другіе возрасты жизни; но всего рѣже онѣ встрѣчаются у дѣтей, и если встрѣчаются, то всегда служатъ признакомъ необычайно сильнаго возбужденія центральной нервной системы и, какъ таковыя, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія.

При известныхъ условіяхъ развиваются упорныя бессонницы, состоящія не изъ полнаго отсутствія сна, а изъ крайне легкаго, непродолжительнаго и прерывистаго сна, исчезающаго подъ влияніемъ самыхъ незначительныхъ шумовъ или иныхъ какихъ-либо раздраженій. Легкій, постоянно прерываемый пробужденіями, непродолжительный сонъ, въ свою очередь, оказывается очень вреднымъ, и это вполне понятно, такъ какъ при подобномъ снѣ пластическое питаніе, возстановленіе тканей не успѣетъ начаться, какъ оно уже снова прекращается, и люди послѣ подобной ночи, проведенной въ послѣдовательной смѣнѣ засыпаній и пробужденій, встаютъ обыкновенно не освѣженные, а, напротивъ того, еще болѣе утомленные, съ усиленною раздражительностью, и неспособные ни къ какому серьезному мозговому труду.

Спрашивается теперь: что дѣлать въ подобномъ случаѣ? Такъ какъ для нормальнаго сна требуются и утомленіе сознанія, и анемія мозговыхъ сосудовъ, то все, что только содѣйствуетъ появленію этихъ состояній, должно оказаться полезнымъ въ дѣлѣ устраненія бессонницы. Такимъ образомъ, для людей, страдающихъ бессонницей, необходимо бываетъ проводить свои вечера среди возможно однообразныхъ занятій, среди возможно однообразной обстановки. Имъ слѣдуетъ избѣгать по вечерамъ всякихъ выѣздовъ, всякихъ развлеченій. Кромѣ того, такъ какъ сидячая жизнь благоприятствуетъ развитію всевозможныхъ неправильностей со стороны кровообращенія, то людямъ, страдающимъ отъ бессонницы,

необходимо бывает наблюдать за тѣмъ, чтобы они имѣли достаточное физическое упражненіе.

Современное цивилизованное человѣчество вообще страдаетъ отъ недостаточности мышечнаго упражненія. Для того, чтобы наглядно представить себѣ, насколько самая цивилизація устранила мышечный трудъ изъ обихода народной жизни, стоитъ только вспомнить, что 12 женщинъ должны были работать день и ночь для того, чтобы намолотъ то количество муки, которое необходимо было для прокорма всѣхъ домочадцевъ въ домѣ Пенелопы; теперь, при помощи мельницъ, легко можетъ быть изготовлена за то же время мука, необходимая на 100.000 людей. Однимъ словомъ, въ настоящее время одинъ работникъ производитъ ту же работу ради прокорма 5.000 человѣкъ, которую въ древнемъ мірѣ одинъ работникъ вынужденъ былъ производить для прокорма 10 и, самое большее, 20 человѣкъ. То же самое наблюдается и во всѣхъ другихъ направленіяхъ: прекрасные пути сообщенія сдѣлали ходьбу, верховую ѣзду почти совершенно излишнею и т. д. Однимъ словомъ, мечты Аристотеля о томъ, чтобы ткацкіе челноки сами ходили, чтобы жернова сами мололи и т. д., получили теперь полное осуществленіе; но не остались безъ печальныхъ послѣдствій, зависящихъ отъ развитія пролетаріата, съ одной стороны, и отъ недостаточности полезной мышечной работы съ другой.

Теплыя ванны, взятыя вечеромъ (въ 28—29° Р.), могутъ въ значительной степени содѣйствовать устраненію бессонницы. Далѣе полезно бываетъ накладывать на голову пузырь, наполненный холодной водой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда теплыя ванны почему либо невозможны, или если онѣ не достигаютъ своей цѣли, то для устраненія даже самой упорной бессонницы достаточно бываетъ употребить обертыванія въ мокрѣя про-

стыни (Бекеръ, Шуллеръ и др.), которыя окружаются сначала клеенкой, а затѣмъ теплыми одѣялами. Подобнаго рода обертыванія, конечно, нельзя употреблять ежедневно, но ими слѣдуетъ пользоваться въ случаяхъ упорной бессонницы, такъ какъ въ качествѣ энергично дѣйствующаго средства эти обертыванія могутъ сломить сложившуюся уже въ организмѣ привычку къ бессонницѣ. Наконецъ, для людей, страдающихъ бессонницей, полезны бываютъ легкіе ужины, потому что всякое введеніе пищи въ желудокъ обуславливаетъ приливъ крови къ слизистой оболочкѣ желудка и одновременную анэмію головного мозга (Дёргэмъ), какъ это и было доказано прямыми опытами. На пользу ужиновъ въ случаяхъ бессонницы указывали уже неоднократно, напр., Голландъ, Дёргэмъ, Беккеръ и другіе.

Само собою разумѣется, что ужины не должны состоять изъ трудно варимой пищи или изъ слишкомъ большихъ количествъ ея, такъ какъ подобнаго рода ужины легко могутъ составить для желудка непосильную задачу, и, слѣдовательно, пища можетъ остаться не вполне переваренной, и, застаиваясь въ такомъ состояніи въ желудкѣ или въ кишкахъ, она можетъ стать мѣстомъ развитія цѣлаго ряда ненормальныхъ гнилостныхъ или бродильныхъ процессовъ, крайне вредныхъ для здоровья. Наконецъ, извѣстно, что переполненный желудокъ обуславливаетъ развитіе кошмаровъ, которые уже во всякомъ случаѣ не могутъ считаться желательными, такъ какъ они нарушаютъ болѣе или менѣе сильно спокойное теченіе нормальнаго сна. Не должно забывать также, что переполненный желудокъ и кишечный каналъ отодвигаютъ къверху грудобрюшную преграду, которая во время сна должна, напротивъ того, находиться въ расслабленномъ состояніи (Моссо), и этимъ обычнымъ расслабленіемъ діафрагмы нѣкоторые авторы

объясняют даже то ухудшение, которое замечается у различных легочных больных вечером и ночью. Всякое отодвигание диафрагмы кверху необходимым образом уменьшает емкость легких и, по наблюдениям Гергардта, каждые 24 куб. сан. жидкости, введенной в желудок, уменьшают емкость легких на одинъ кубическій сантиметръ; а Фабіусъ, съ другой стороны, опредѣлилъ, что емкость легких у здороваго человѣка увеличивалась на 250 куб. сан. вслѣдъ за приемомъ слабительнаго. Читатели спросятъ, можетъ быть, какое отношеніе можетъ имѣть большая или меньшая емкость легкихъ къ нормальному сну? Очень простое. Всякое уменьшеніе вмѣстимости легкихъ ведетъ необходимымъ образомъ къ ослабленію окисленія крови, т. е. къ меньшему поглощенію кислорода; между тѣмъ въ первой главѣ мы видѣли, что на основаніи имѣющихся, правда, немногочисленныхъ опытовъ, надо признать, что во время сна происходитъ усиленное поглощеніе кислорода, такъ сказать, запасаніе его для нуждъ бодрствующей жизни. Слѣдовательно, уменьшеніе емкости легкихъ, ограничивая болѣе или менѣе поглощеніе кислорода красными кровяными шариками, тѣмъ самымъ нарушаетъ правильный ходъ физиологическихъ процессовъ во время сна; а всякое уменьшеніе интрамолекулярнаго кислорода, по необходимости, понижаетъ дѣятельность всѣхъ органовъ тѣла и тѣмъ самымъ нарушаетъ правильность питанія.

Что переполненіе пищеварительныхъ путей вредно отражается на общемъ здоровьѣ и въ особенности на психическомъ состояніи человѣка, это извѣстно уже давно; такъ напр., проф. Шредеръ ванъ-деръ Колькъ указывалъ уже на то, что подобное переполненіе пищеварительныхъ путей обуславливаетъ не только мрачное, печальное настроеніе, но даже и серьезныя душевныя страданія. Остроумный Вольтеръ имѣлъ въ виду то же

самое, говоря, что прежде, чѣмъ просить о чемъ-нибудь министра, слѣдуетъ всегда „s'informer adroitement s'il a le ventre libre“. Все это вполне понятно, если мы знаемъ, что для сознательной мозговой жизни человѣкъ нуждается въ особенно дѣятельномъ кровообращеніи, въ особенно дѣятельномъ окисленіи и, слѣдовательно, въ особенно богатомъ запасѣ интрамолекулярнаго кислорода.

Людямъ, трудно засыпающимъ, полезно бываетъ также прислушиваться къ какому-нибудь однообразному звуку, хотя бы, напр., къ стуку часовъ, положенныхъ подъ подушку, такъ какъ однообразіе впечатлѣній очень быстро утомляетъ сознание и обуславливаетъ его засыпаніе. Совершенно также дѣйствуетъ и всякое иное однообразное ощущеніе, все одно — будетъ ли оно слуховое, зрительное, осязательное или какое-нибудь иное.

Для людей, имѣющихъ наклонность къ излишнему сну, всегда полезно бываетъ спать въ спальнѣ съ незавѣшенными окнами, для того, чтобы дневной свѣтъ съ самаго раняго утра имѣлъ свободный доступъ къ нимъ, и обуславливая въ нихъ цѣлый рядъ ощущеній, подготовлялъ бы ихъ пробужденіе. Для людей, отличающихся наклонностью къ бессонницѣ, слѣдуетъ, напротивъ того, завѣшивать тщательно всѣ окна темными занавѣсами, потому что, при раздражительности ихъ нервной системы, даже слабый лучъ свѣта можетъ легко разбудить ихъ слишкомъ рано, т. е. прежде, чѣмъ успѣетъ окончиться только что начавшееся пластическое питаніе.

Чтобы понять, какое сильное вліяніе дневной свѣтъ производитъ на нашъ организмъ, достаточно вспомнить, что при темнотѣ даже бодрствующіе люди выделяютъ гораздо меньше углекислоты, нежели при свѣтѣ, а именно, если количество углекислоты, выдѣленное человѣ-

комъ чрезъ кожу, равняется при темнотѣ цифрѣ 100, то при свѣтѣ оно будетъ у того же человѣка, при тѣхъ же условіяхъ опыта, равняться 113, какъ это и доказано было опытами Фубини и Рончи. То же самое усиленіе выдѣленія углекислоты чрезъ кожу, подъ вліяніемъ свѣта, наблюдали также и на животныхъ (Мошоттъ, Платенъ, Зельми и Піачентини), слѣдовательно въ этомъ отношеніи мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ общимъ для всего животнаго царства закономъ.

Для насъ особенный интересъ представляютъ тѣ опыты, при которыхъ животныхъ не помѣщали въ темноту, а просто только заклеивали имъ липкимъ пластыремъ вѣки, и газообмѣнъ при этомъ представлялъ болѣе или менѣе рѣзкія различія (Платенъ). Д-ръ Деваръ прямыми опытами убѣдился, что подъ вліяніемъ свѣта на глазъ мѣняется электродвигательная сила самаго головного мозга. Значеніе свѣта для нашей сознательной умственной жизни такъ велико, что лучшее освѣщеніе нашихъ домовъ, вслѣдствіе большихъ оконъ и прекрасныхъ лампъ, а нашихъ улицъ, вслѣдствіе примѣненія газа и электричества къ цѣлямъ освѣщенія, несомнѣнно вліяетъ въ благопріятномъ смыслѣ на ходъ всего прогресса, какъ на это и указывалъ уже Пуркинѣ. Однимъ словомъ, свѣтъ не только разгоняетъ сонливость, но и пробуждаетъ народныя массы къ болѣе дѣятельной, къ болѣе сознательной умственной жизни. Стоитъ только взглянуть въ жизнь народовъ на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ большую часть года царитъ зима съ нескончаемыми ночами, гдѣ солнце не показывается цѣлые мѣсяцы, и мы убѣдимся, что сознательная сторона ихъ душевнаго міра стоитъ еще на крайне низкой степени развитія, и соотвѣтственно съ этимъ они посвящаютъ несоотвѣтственно много времени сну.

Одинъ глубокомысленный наблюдатель (Иоганнесъ

Мюллеръ) замѣтилъ, что въ темнотѣ мы никогда не можемъ быть особенно остроумными, и это совершенно понятно, разъ мы знаемъ, что темнота, особенно если она соединена бываетъ съ тишиной, лишаетъ насъ всѣхъ привычныхъ намъ ощущеній, раздраженій изъ внѣшняго міра и тѣмъ самымъ ослабляетъ наше сознаніе, и слѣдовательно даетъ перевѣсъ міру рефлексовъ. Шопенгауеръ указалъ, что полночь и темнота страшны намъ только пока мы одни; но стоитъ намъ окружить себя обществомъ и свѣтомъ, и мы забываемъ, что полночь есть часъ различныхъ привидѣній и духовъ, и въ виду этого онъ заключаетъ, что мы боимся въ сущности самихъ себя въ темнотѣ, боимся своихъ собственныхъ представленій и игры своихъ собственныхъ органовъ ощущеній. На то же самое указываетъ и Дюгальдъ Стюартъ; но при обсужденіи подобнаго страха, являющагося въ темнотѣ и тишинѣ ночей у бодрствующаго человѣка, не слѣдуетъ упускать изъ виду также и того факта, что при этихъ условіяхъ раздраженія, падающія на насъ изъ внѣшняго міра, бывають доведены до минимума, и слѣдовательно наши нервно-мозговые приборы временно отдыхаютъ; при этомъ раздражительность ихъ нарастаетъ, а это по необходимости должно располагать насъ къ разыгрыванію нашей фантазіи, къ появленію въ нашемъ сознательномъ кругозорѣ различныхъ образовъ, такъ сказать, центральныхъ и периферическихъ галлюцинацій.

На важное значеніе свѣта для различныхъ тканей нашего тѣла указываютъ между прочимъ и произведенныя недавно наблюденія надъ способностью электрическаго свѣта устранять различнаго рода боли при освѣщеніи имъ болящихъ мѣстъ (Штейнъ, Нечаевъ).

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ легко понять, что большая или меньшая темнота спальни вовсе не пред-

ставляется безразличной, а, напротив того, должна имѣть существенное вліяніе на весь обмѣнъ спящаго человѣка.

Мы разобрали вопросъ о томъ — слѣдуетъ ли затемнять искусственными мѣрами спальню, во-первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда у людей наблюдается усиленная склонность ко сну, и во вторыхъ, въ тѣхъ, когда, напротивъ, существуетъ расположеніе къ бессонницѣ.

Теперь намъ необходимо еще уяснить себѣ вопросъ о томъ — слѣдуетъ ли вообще завѣшивать окна въ спальнѣ, если въ ней помѣщаются люди съ нормальнымъ сномъ, т. е. не страдающіе ни излишней сонливостью, ни бессонницей. Имѣя дѣло съ нормальными людьми, самое цѣлесообразное будетъ, конечно, придерживаться по возможности ближе нормальныхъ условій, и, слѣдовательно, если окна спальни выходятъ на сѣверъ или на западъ, т. е. если они расположены такъ, что въ утренніе часы въ нихъ не могутъ попадать солнечные лучи, то ихъ всего лучше будетъ оставить совершенно открытыми, т. е. незавѣшенными никакими шторами или занавѣсами. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда по положенію квартиры окна спальни должны быть непременно завѣшены ради требованій приличія, то съ этою цѣлью слѣдуетъ пользоваться исключительно только *бѣлыми* шторами, сдѣланными изъ полотна или каленкора, такъ какъ подобныя шторы пропускаютъ все же достаточно свѣта. Такія же точно шторы слѣдуетъ употреблять и въ тѣхъ случаяхъ, когда окна спальни выходятъ на востокъ и когда, слѣдовательно, требуется устранить яркіе солнечные лучи отъ глазъ пробуждающагося человѣка.

Затронувъ разъ вопросъ объ обстановкѣ спальни, считаемъ за лучшее окончить его сразу. Отъ хорошей спальни требуется, конечно, прежде всего возможно большая помѣстительность, такъ какъ для спящаго че-

ловѣка прежде всего необходимо имѣть возможно большій запасъ воздуха; въ виду этого же слѣдуетъ позаботиться объ устройствѣ возможно дѣятельной вентиляціи. Само собой разумѣется, что вентиляція должна быть устроена такъ, чтобы въ спальнѣ не могли получаться струи холоднаго воздуха, потому что въ виду усиленной потливости кожи во время сна она оказывается особенно чувствительной къ холоду, и спящій человѣкъ простужается легче, чѣмъ тотъ же самый человѣкъ наяву (Зоргевольт). Въ виду необходимости имѣть въ спальнѣ возможно большій запасъ чистаго воздуха слѣдуетъ, конечно, избѣгать въ ней всякихъ драпировокъ, всякой излишней мебели. Кровать должна, конечно, стоять у внутренней стѣны и при томъ такъ, чтобы она по возможности дальше отстояла и отъ оконъ, и отъ печи, во избѣжаніе тѣхъ токовъ воздуха, которые тутъ постоянно имѣются. Температура спальни должна быть прохладная, и если можно, то она должна держаться на $10^{\circ} - 12^{\circ} \text{ P.}$, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ней спятъ здоровые люди. Для дѣтей въ первые годы жизни требуется, конечно, болѣе высокая температура въ спальнѣ, но все же, за исключеніемъ перваго года, дѣти должны спать при температурѣ въ $15 - 14^{\circ} \text{ P.}$ Въ первое время послѣ рожденія температуру дѣтской спальни придется держать между $18 - 19^{\circ} \text{ P.}$; къ концу перваго мѣсяца ее слѣдуетъ понизить до $18 - 17^{\circ} \text{ P.}$, къ концу втораго мѣсяца до $17 - 16^{\circ}$, а когда ребенку будетъ 4 мѣсяца, то температура его спальни можетъ быть уже понижена до $16 - 15^{\circ} \text{ P.}$, на второмъ году жизни она должна быть доведена до $15 - 14^{\circ} \text{ P.}$, а съ 3-хъ или 4-хъ лѣтняго возраста дѣти уже могутъ спать при $14 - 12^{\circ} \text{ P.}$

Каждый легко можетъ убѣдиться на самомъ себѣ, что ночь, проведенная въ слишкомъ теплой спальнѣ, никогда не даетъ того ощущенія бодрости и свѣжести,

которое мы испытываемъ, проспавъ ночь въ прохладной комнатѣ. Напротивъ того, послѣ ночи, проведенной въ слишкомъ теплой спальнѣ, мы всегда встаемъ съ тяжелой головой, съ ощущеніемъ утомленія во всемъ тѣлѣ, съ одутловатымъ лицомъ, съ припухшими вѣками. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ чрезмѣрная теплота спальни еще болѣе усиливаетъ ту потливость, которая и безъ того всегда развивается во время нормального сна, и въ результатѣ человекъ, спящій въ слишкомъ теплой комнатѣ, попадаетъ въ условія, аналогичныя съ тѣмъ, что наблюдается при каждой горячей воздушной ваннѣ, съ тою только разницею, что подобная воздушная теплая ванна никогда не длится такое продолжительное время, какое человекъ посвящаетъ сну.

Усиленная и продолжительная дѣятельность кожи ведетъ, наконецъ, къ появленію легкиxъ сывороточныхъ выпотовъ и къ появленію общей набухлости (*turgescencia*) всего кожного покрова тѣла. Само собой разумѣется, что все это, по необходимости, должно утомлять человекъ, и — что еще хуже — подобнаго рода сонъ долженъ вести къ разслабленію сосудовъ кожи, къ уничтоженію ихъ нормального тонуса, а это, въ свою очередь, должно вести къ разстройству сосудодвигательной сферы, столь важной для нормального хода, какъ физической жизни, такъ и душевной. Вообще всякое появленіе одутловости вѣкъ или лица послѣ сна служить уже вѣрнымъ признакомъ того, что условія сна въ томъ или въ иномъ направленіи уклонились отъ нормы, т. е. или что человекъ спалъ несоотвѣтственно долгое время, или что температура спальни была слишкомъ высока, или что воздухъ въ ней былъ недостаточно чистый.

Если почему бы то ни было приходится спать въ слишкомъ теплой спальнѣ, то при этомъ слѣдуетъ всегда

ограничивать число часовъ, посвящаемыхъ сну. Вообще можно принять за правило, что чѣмъ теплѣе бываетъ температура окружающаго спящаго человека воздуха, тѣмъ кратковременнѣе долженъ быть сонъ его. Изъ сказаннаго вытекаетъ также, что при прочихъ равныхъ условіяхъ лѣтомъ слѣдуетъ спать меньше, нежели зимой, на югѣ меньше, нежели на сѣверѣ.

Вдумываясь въ дѣло мы убѣждаемся, что вліяніе тепла во многихъ отношеніяхъ должно усугублять явленія, сопровождающія сонъ. Такъ, на примѣръ, извѣстно, что подъ вліяніемъ тепла периферическіе сосуды расширяются и переполняются кровью и что въ то же время развивается относительное малокровіе внутреннихъ органовъ, а, слѣдовательно и головного мозга. Въ томъ же самомъ направленіи дѣйствуетъ также и сонъ. Съ другой стороны извѣстно, что подъ вліяніемъ тепла ослабѣваетъ тоничность различныхъ тканей и тоже самое дѣйствіе оказываетъ и продолжительный сонъ. Этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется почему носовыя и всякія другія кровотоčenія отличаются своею склонностію появляться во время сна, съ одной стороны, и подъ вліяніемъ слишкомъ теплой среды, съ другой; потому что и въ томъ и другомъ случаѣ тоничность тканей, а слѣдовательно и тоничность сосудистыхъ стѣнокъ ослабѣваетъ и всякіе разрывы становятся легче, тѣмъ болѣе, что подъ вліяніемъ, какъ сна, такъ и тепла периферическіе сосуды растягиваются переполнившей ихъ кровью. Понятно, слѣдовательно, что если мы не желаемъ доводить только что указанныя вліянія до опасной степени, то мы должны или обезпечить себѣ прохладу въ спальнѣ, или-же сократить продолжительность нашего сна на половину.

Впрочемъ, каждый легко можетъ убѣдиться въ вѣрности только что сказаннаго на самомъ себѣ; потому

что, проспавъ въ слишкомъ теплой комнатѣ свое обычное число часовъ, каждый человѣкъ чувствуетъ себя при пробужденіи какъ бы разбитымъ, отяжелѣвшимъ, однимъ словомъ не по себѣ. Наконецъ каждый легко можетъ замѣтить, что онъ просыпается раньше въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ спитъ въ слишкомъ теплой комнатѣ и самый сонъ его бываетъ тяжелый и непріятный.

Покончивъ съ вопросомъ о вліяніи высокой температуры воздуха въ спальнѣ, мы теперь должны уяснить себѣ, какимъ образомъ нечистота этого воздуха (слѣдовательно, другими словами, излишнее содержаніе въ немъ углекислоты и недостаточное количество кислорода) можетъ дѣйствовать на спящаго. Мы уже говорили раньше о томъ, что накопленіе угольной кислоты въ организмѣ спящихъ людей дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на центръ потоотдѣленія и что этимъ-то условіемъ, а также и расширеніемъ сосудовъ кожи у спящихъ, объясняется появляющаяся у нихъ усиленная испарина. Мы знаемъ также, что накопленіе углекислоты въ организмѣ спящихъ, при нормальныхъ условіяхъ жизни, происходитъ только въ силу того, что спящій выдыхаетъ меньшія количества углекислоты, нежели бодрствующій человѣкъ; въ то же время мы знаемъ, что во время сна происходитъ усиленное поглощеніе кислорода. Зная все это, предположимъ, что воздухъ спальни возобновляется недостаточно быстро и что, вслѣдствіе этого, содержаніе въ немъ кислорода истощается болѣе или менѣе сильно, а содержаніе углекислоты, напротивъ, возрастаетъ. Что же должно произойти при этомъ? Спящій, при каждомъ своемъ вздохѣ, будетъ получать ненормально большое количество угольной кислоты и недостаточное количество кислорода; вслѣдствіе этого въ организмѣ его должно получиться несоотвѣтственно большое накопленіе угольной кислоты

и недостаточное запасаніе кислорода. Увеличенное количество углекислоты въ крови должно, конечно, усиленно раздражать потоотдѣлительный центръ, и слѣдовательно потливость спящаго усилится несоотвѣтственно, и въ результатъ подобной чрезмѣрной дѣятельности кожи опять явятся сыровоточныя пропотѣванія въ кожѣ, явится набухлость этой ткани, легкіе отеки со всѣми обычными послѣдствіями. Въ виду всего этого и должно помнить, что повторно наблюдающаяся одутловатость вѣкъ или лица послѣ сна служить, такъ сказать, первымъ, вторымъ и третьимъ предостереженіями, которыя мы получаемъ въ виду опасности, грозящей намъ со стороны тѣхъ или иныхъ ненормальныхъ условій нашего сна.

Воздухъ въ спальнѣ долженъ особенно дѣлательно провѣтриваться, такъ какъ уже Санторини опредѣлилъ, что во время сна человѣкъ, даже при обыкновенныхъ условіяхъ, выдѣляетъ вдвое больше испарины, чѣмъ наяву. Кромѣ того, прямыми опытами на человѣкѣ (Фойтъ) доказано, что при пониженіи комнатной температуры ниже 14 — 15° Ц. (11 — 12° Р.) выдѣленіе углекислоты увеличивается; съ другой стороны опытами на животныхъ (кошки), произведенными баварскимъ герцогомъ Теодоромъ, доказано, что прохладная температура содѣйствуетъ выдѣленію углекислоты и поглощенію кислорода, тогда какъ потеря воды, напротивъ того, увеличивается подъ вліяніемъ тепла.

Такимъ образомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что воздухъ въ спальнѣ долженъ быть, по возможности, прохладнѣе и чище, и ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ закрывать себѣ ротъ одѣяломъ, такъ какъ это значило бы искусственно заставлять себя дышать все однимъ и тѣмъ же небольшимъ количествомъ воздуха. Вообще, голова и шея спящаго человѣка должны быть оставляемы совершенно открытыми, зато нижнюю половину

тѣла слѣдуетъ тщательно закрывать, особенно у людей, предрасположенныхъ къ бессонницѣ, такъ какъ холодныя ноги нерѣдко обуславливаютъ приступъ бессонницы.

Необходимо также приучить себя къ тому, чтобы постоянно мѣнять свое положеніе во снѣ; а то люди, по большей части, имѣютъ одно какое-нибудь излюбленное положеніе, въ которомъ они проводятъ большую часть своей жизни во время сна. Д-ръ Осборнъ опредѣлялъ положеніе, въ которомъ спитъ большинство людей въ различные возрасты своей жизни, и при этомъ онъ убѣдился, что дѣти моложе 14 лѣтъ спятъ безразлично и на лѣвомъ, и на правомъ боку, и на спинѣ, но молодыя дѣвушки и юноши, въ возрастѣ между 14 и 20 годами, оказались уже въ большинствѣ случаевъ спящими на правомъ боку (59), затѣмъ на спинѣ (29), а на лѣвомъ боку они спали всего рѣже (23). Наблюденія, произведенныя въ этомъ же направленіи на солдатахъ, показали также, что на правомъ боку они спали чаще, чѣмъ на лѣвомъ. Съ другой стороны Пеллетанъ указывалъ уже, что воспаленіе праваго легкаго встрѣчается чаще, нежели воспаленіе лѣваго, и на то же самое указывалъ и Андраль. Это преобладаніе воспаленія праваго легкаго надъ воспаленіемъ лѣваго можетъ быть выражено цифрами, а именно: воспаленіе праваго легкаго и воспаленіе лѣваго относятся какъ 2,5:1, или, по Андралю, какъ 2:1. Фактъ этотъ многіе авторы объясня, ли именно привычкой людей спать на правомъ боку такъ какъ при этомъ, наконецъ, въ силу закона тяготѣнія, должны развиваться въ правомъ легкомъ, а также, конечно, и въ печени, пассивныя застои крови и особенно лимфы. Болѣе частое воспаленіе основаній легкихъ въ сравненіе съ верхушками объясняютъ также влияніемъ нашего вертикальнаго положенія во время бодрствованія. Кромѣ того, вертикальнымъ положеніемъ

объясняются и многія другія болѣзни, какъ то: расширенія венъ на ногахъ, различныя пораженія матки, геморроидальныя страданія и прочее и прочее. Въ виду этого многіе авторы совѣтуютъ даже во время бодрствованія разнообразить, по возможности, положеніе нашего тѣла, т. е. принимать отъ времени до времени лежачее или полулежачее положеніе вмѣсто сидячаго или стоячаго, для того, чтобы устранить вредныя застои крови.

Если однообразіе положенія тѣла вредно дѣйствуетъ во время бодрствованія, то оно тѣмъ паче должно оказываться вреднымъ во время сна, когда и безъ того уже существуетъ склонность къ образованію застоевъ и когда тоничность тканей ослабляется болѣе или менѣе значительнымъ образомъ.

Что положеніе тѣла дѣйствительно сильно отражается на сосудодвигательной сферѣ, это доказывается, съ одной стороны, измѣненіями пульса, который, дѣлая 85 ударовъ въ минуту при стоячемъ положеніи, замедляется до 76 ударовъ при сидячемъ и до 68 ударовъ при лежачемъ; а съ другой стороны, то же самое доказывается также и наблюденіями, производимыми при помощи психо-физиологическихъ вѣсовъ Моссо, которые указываютъ, что въ ногахъ и въ нижней половинѣ нашего тѣла во время бодрствованія застаиваются болѣе или менѣе значительныя количества крови и что количества эти бывають тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дряблѣе, малокровнѣе представляются всѣ ткани того или иного субъекта.

У людей малокровныхъ, истощенныхъ, сосудистыя стѣнки которыхъ лишены бывають здороваго тонуса, зачастую приходится наблюдать появленіе мучительныхъ болей въ спинѣ утромъ при пробужденіи. Въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ всегда обращать вниманіе на положеніе, въ которомъ по преимуществу спать подобнаго

рода субъекты, такъ какъ этого рода боли, въ значительномъ числѣ случаевъ, обуславливаются именно тѣмъ, что большую часть ночи люди эти спятъ на спинѣ. Наконецъ, привычка спать на спинѣ можетъ стать также источникомъ кошмаровъ, такъ какъ при этомъ желудокъ, если только онъ наполненъ пищей, сдавливаетъ нисходящую аорту и тѣмъ самымъ обуславливаетъ большій приливъ крови къ мозгу чрезъ восходящую аорту (Осборнъ).

На основаніи моихъ личныхъ наблюденій я могу смѣло утверждать, что для правильнаго питанія всѣхъ тканей и органовъ нашего тѣла крайне важно бываетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы положеніе наше, по возможности, чаще мѣнялось во время сна, и для этого слѣдуетъ пользоваться каждымъ пробужденіемъ во время ночи; при этомъ слѣдуетъ не только спать на лѣвомъ и на правомъ боку и на спинѣ; но кромѣ того каждое утро передъ вставаніемъ, или вечеромъ передъ засыпаніемъ слѣдуетъ заставлять себя лежать на животѣ въ теченіе полчаса по крайней мѣрѣ. Сначала, съ непривычки, положеніе это кажется неудобнымъ; но затѣмъ человекъ настолько привыкаетъ къ нему, что получаетъ даже возможность спокойно спать въ этомъ положеніи. У меня за послѣдніе пять, шесть лѣтъ накопилось болѣе двадцати наблюденій надъ прекраснымъ дѣйствіемъ этого положенія на малокровныхъ, жалующихся на сильныя боли въ спинѣ людей; кромѣ того мнѣ удалось видѣть въ нѣсколькихъ случаяхъ благотворное дѣйствіе этого ежедневнаго лежанія ничкомъ на приступы, такъ назыв., грудной жабы (*angina pectoris*); а именно: мучительныя припадки удушья и прекордіальнаго страха ослабѣвали, а иногда даже исчезали почти совершенно. Объяснить это дѣйствіе лежанія на животѣ можно только на основаніи болѣе правильнаго распредѣленія крови, а глав-

ное лимфы въ тѣлѣ и, слѣдовательно, на основаніи болѣе правильнаго питанія сердечной мышцы и устраненія различныхъ пассивныхъ застоевъ въ тканяхъ и органахъ спины и боковыхъ областей тѣла. Умаленькихъ дѣтей замѣчается обыкновенно сильное стремленіе спать въ этомъ положеніи ницъ лицомъ; но ихъ, обыкновенно, отучаютъ отъ этого, очевидно, изъ боязни развитія нѣкоторыхъ дурныхъ привычекъ. Я сама имѣла случай слышать, какъ няни пугали дѣтей, говоря, что если они будутъ ложиться ницъ лицомъ, то это окажется нехорошо, потому что предвѣщаетъ скорую смерть ихъ отца или матери... Что же удивительнаго послѣ этого въ томъ, что мы всѣ оказываемся совершенно отвыкшими отъ этого лежанія ницъ лицомъ и что намъ сознательно уже приходится развивать въ себѣ снова эту способность.

Между тѣмъ внимательно взглянувъ въ міръ животныхъ мы убѣждаемся, что имъ неизвѣстны ни мучительныя боли въ спинѣ, ни различныя спинномозговья страданія, столь часто встрѣчающіяся у человека; мы убѣждаемся, что имъ неизвѣстны и припадки мучительной грудной жабы и многія другія болѣзни и, въ виду этого, невольно какъ то является вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли искать причины многихъ изъ этихъ болѣзней въ томъ горделивомъ вертикальномъ положеніи, которое приняло на себя человѣчество среди животнаго міра?

Итакъ, положеніе, которое принимаетъ спящій человекъ, является далеко не безразличнымъ, а напротивъ, отъ него даже въ значительной степени зависитъ здоровье и, слѣдовательно, общее благосостояніе человека. Само собой разумѣется, что съ высоко поднятой на подушкахъ головой позволительно спать только тѣмъ людямъ, которые страдаютъ приливами крови къ мозгу; обыкновенно же слѣдуетъ принимать возможно горизонт-

тальное положеніе и наблюдать за тѣмъ же самымъ и у дѣтей, которыхъ слѣдуетъ въ то же самое время приучать спать какъ на лѣвомъ, такъ и на правомъ боку, а также и на спинѣ и ницъ лицомъ.

Такимъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ приходится ухаживать за тяжело больными, мы должны прежде всего помнить, что спать урывками вредно, и потому слѣдуетъ обставлять дежурство при больныхъ такъ, чтобы у каждаго дежурящаго лица имѣлась возможность проспять къ ряду часа три, четыре, т. е. надо обставить дѣло такъ, чтобы сонъ могъ достигнуть своей наибольшей глубины и затѣмъ снова могъ сдѣлаться менѣе глубокимъ; такъ какъ иначе процессы пластического питанія будутъ прерваны прежде, чѣмъ они успѣютъ установиться надлежащимъ образомъ. Въ медицинской литературѣ приведена цѣлая масса случаевъ заболѣванія лицъ, ухаживавшихъ за тяжелыми больными, и эти заболѣванія, очевидно, зависѣли именно отъ того, что сонъ людей, ухаживавшихъ за больными, былъ до-нельзя прерывистый и непродолжительный, такъ что питаніе ихъ мозговой ткани не могло совершаться надлежащимъ образомъ.

Не должно забывать, что сонъ сопровождается, во-первыхъ, суженіемъ черепно-мозговыхъ сосудовъ, а во-вторыхъ, наполненіемъ лимфатическихъ влагалищъ лимфой, и, слѣдовательно, если человекъ будятъ, какъ только онъ успѣлъ уснуть, то только что явившееся суженіе сосудовъ должно снова уступать расширенію, и если это повторяется часто, то въ результатъ должно получиться болѣе или менѣе серьезное расстройство сосудистаго тонуса, т. е. сосудистыя стѣнки должны ослабѣть отъ непрерывнаго ряда безцѣльныхъ суженій и

расширеній. Легко повѣтъ, что суженія сосудовъ при этихъ условіяхъ не могутъ вести, въ виду непродолжительности сна, къ надлежащему протеканію процессовъ пластического питанія, а наступающія при пробужденіяхъ расширенія сосудовъ не могутъ, съ своей стороны, вести къ надлежащему функціональному кровообращенію именно потому, что вслѣдствіе непродолжительнаго сна не успѣваетъ развиваться то возстановленіе тканей и крови, которое необходимо для дѣятельной функціи бодрствующаго мозга. Между тѣмъ послѣ работъ проф. Мейнерта уже нельзя сомнѣваться въ томъ, что душевныя страданія по большей части начинаются съ расстройствъ въ сосудистой системѣ, и это вполне понятно, такъ какъ всѣ разнообразныя состоянія нашего организма, всѣ функціи его внутреннихъ органовъ и каждое сокращеніе его мышцъ, каждое душевное движеніе и каждая наша мысль необходимымъ образомъ связаны бываютъ съ тѣмъ или инымъ измѣненіемъ въ просвѣтѣ кровеносныхъ сосудовъ, въ наполненіи ихъ кровью, и, слѣдовательно, всякое нарушеніе правильнаго протеканія различныхъ функцій сосудодвигательной сферы, необходимымъ образомъ, должно вести къ извѣстнымъ химическимъ и гистологическимъ измѣненіямъ ткани сосудистыхъ стѣнокъ, а это, въ свою очередь, становится источникомъ другихъ, болѣе серьезныхъ расстройствъ. Слѣдовательно, разъ мы поставлены будемъ въ необходимость спать очень мало, то мы все же должны позаботиться о томъ, чтобы имѣть по крайней мѣрѣ два, три или четыре часа непрерывнаго сна.

Затронувъ разъ вопросъ о вліяніи сосудистой системы на общее здоровье организма, мы кстати должны упомянуть о томъ, что быстрые переходы изъ лежачаго положенія въ сидячее или стоячее нежелательны, такъ какъ это легко можетъ повести къ вреднымъ послѣд-

ствиямъ именно потому, что при этомъ происходятъ очень быстрыя и рѣзкія измѣненія въ распредѣленіи крови. Вслѣдствіе этого подобные переходы изъ одного положенія въ другое должны совершаться тѣмъ медленнѣе и осторожнѣе, чѣмъ старше или слабѣе бываетъ тотъ или иной человѣкъ. Еще большая осторожность требуется въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣются основанія предполагать болѣзнь сердца.

У насъ въ обществѣ очень распространено то мнѣніе, что вставать рано здорово и что не менѣе здорово также и рано ложиться спать. Этотъ взглядъ на дѣло въ связи съ желаніемъ взрослыхъ обезпечить себѣ возможно большій покой и большую свободу по вечерамъ, повелъ къ общераспространенному обычаю укладывать дѣтей спать по возможности раньше, часовъ въ 7, или въ 8. Само собой разумѣется, что дѣти, укладываемыя такъ рано въ постель, должны просыпаться и дѣйствительно просыпаются въ шестомъ, въ седьмомъ часу утра; и такъ какъ въ это время родители, лежащіе поздно, продолжаютъ еще спать, то малютки и должны бывать встрѣчать каждый новый день своей жизни подъ надзоромъ прислуги. Это уже само по себѣ представляется далеко не безопаснымъ, особенно если мы вспомнимъ, что прислуга въ ранніе утренніе часы сама бываетъ еще заспанная и зачастую даже неумытая, непричесаная надлежащимъ образомъ. Это, однако, еще не все. Не должно упускать изъ виду также и то, что въ осенніе и зимніе мѣсяцы у насъ до 9 часовъ утра продолжаетъ еще господствовать темнота, и, слѣдовательно, бѣдныя малютки, просыпаясь утромъ ото сна, принуждены бывать видѣть около себя неубранныя комнаты, заспанные лица ворчливой прислуги и неприятную для всего живаго темноту, потому что по утрамъ комнаты не освѣщаются вполне, какъ вечеромъ,

а только самымъ скуднымъ образомъ, при помощи одной какой-либо лампы, къ тому же еще нерѣдко дурно направленной и потому коптящей. Мы нисколько не сомнѣваемся, что раннее вставаніе полезно, но только тогда, когда, просыпаясь утромъ, человѣкъ встрѣчаетъ дневной свѣтъ, а не ночную неприглядную тьму, которая, какъ мы видѣли выше, отражается на всемъ обмѣнѣ человеческого организма.

Въ виду этого и слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы наши дѣти не были вынуждены вставать осенью и зимой въ то время, когда еще и самое солнце не вставало, и ради этого слѣдовало бы укладывать дѣтей спать не ранѣе 9 — 10 часовъ вечера, такъ чтобы пробужденіе ихъ приходилось на такое время, когда уже комнаты бываютъ освѣщены дневнымъ свѣтомъ, а иногда даже и солнечнымъ лучомъ.

Не менѣе вреднымъ мы находимъ и то, что наша учащаяся молодежь въ зимніе мѣсяцы вынуждена бываетъ вставать со свѣчами. Вообще ради сохраненія здоровья слѣдовало бы болѣе примѣняться къ природѣ, къ естественнымъ условіямъ, и вставать очень рано во время весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ, а во время осеннихъ и зимнихъ вставать не ранѣе 8 — 9 часовъ, т. е. тогда, когда уже появился, хотя бы и самый жалкій, но все же дневной свѣтъ. Наблюдая людей, встающихъ рано осенью или зимою, никогда не удается видѣть радостнаго, бодрого лица; напротивъ, у всѣхъ при этомъ бываетъ какой-то кислый, усталый видъ, такъ что, смотря на нихъ, кажется, что сонъ нисколько не освѣжилъ ихъ и что они встаютъ черезъ силу, въ виду печальной необходимости. Маленькія дѣти, вставая зимой рано поутру, обыкновенно капризничаютъ и плачутъ, тогда какъ лѣтомъ пробужденіе ихъ бываетъ обставлено совершенно иначе, т. е. улыбками и смѣхомъ.

Впрочемъ каждый изъ насъ испытывалъ, вѣроятно, то непріятное чувство, съ которымъ приходится вставать рано утромъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дневной свѣтъ или совершенно отсутствуетъ, или едва брезжитъ и какъ бы борется съ ночьюю мглою. Прямыхъ опытовъ и наблюденій въ подтвержденіе этой мысли мы, къ сожалѣнію, привести не можемъ, но на основаніи теоретическихъ соображеній и тѣхъ указаній, которыя даетъ намъ самочувствіе различныхъ людей, мы вынесли твердое убѣжденіе, что раннее вставаніе полезно только тогда, когда человѣка при пробужденіи встрѣчаетъ не темнота осенняго или зимняго утра, а полное свѣта и блеска утро весеннихъ или лѣтнихъ дней.

Выше мы уже видѣли, какую важную роль играетъ свѣтъ въ нашей сознательной умственной жизни, и потому вполне логично, чтобы наше сознаніе, пробуждаясь отъ своего періодически повторяющагося сна, встрѣчало кругомъ свѣтъ. При помощи современныхъ способовъ освѣщенія и всего склада современной жизни, намъ легко удастся замаскировать вечернюю темноту такъ, чтобы она не производила на насъ своего подавляющаго, гнетущаго впечатлѣнія. Что же касается до нашего пробужденія, то желательно бы было, чтобы оно могло обойтись безо всякихъ искусственныхъ и всегда болѣе или менѣе ложныхъ обстановокъ, желательно бы было, чтобы наше пробужденіе всегда ставило насъ лицомъ къ лицу съ истиннымъ свѣтомъ, а не съ поддѣльнымъ. И во всякомъ случаѣ слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы наши дѣти, наша подростающая молодежь, были избавлены зимою и осенью отъ необходимости начинать каждый новый день своей молодой жизни съ цѣлаго ряда непріятныхъ и гнетущихъ ощущеній.

Необходимо позаботиться объ этомъ, такъ какъ мы не можемъ даже опредѣлить, какія послѣдствія, какое

вліяніе могутъ имѣть подобныя непріятныя ощущенія, связанныя съ раннимъ вставаніемъ въ темнотѣ. Уже Александръ Гумбольдтъ указывалъ, что самыя незначительныя обстоятельства и даже ощущенія со стороны различныхъ органовъ чувствъ могутъ измѣнить весь характеръ, все направленіе человѣческой жизни, если только они дѣйствуютъ на молодой, растущій еще организмъ. Къ тому же у насъ имѣются уже указанія на то, что самое физическое развитіе человѣка совершается иначе въ южныхъ странахъ, полныхъ свѣта и солнца, въ сравненіи съ холодными мѣстностями, лежащими въ царствѣ ночи, вдали отъ солнца (Раттрей); но, къ сожалѣнію, подробныхъ изслѣдованій до сихъ поръ еще не произведено, хотя и указана была необходимость прослѣдить за ходомъ различныхъ физиологическихъ процессовъ и различныхъ, хотя бы острыхъ, болѣзней на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ ночь тянется цѣлыми мѣсяцами (Потень, Уотерсъ и Джонъ).

Во всякомъ случаѣ мы не сомнѣваемся, что осенью и зимою слѣдуетъ ложиться и вставать позже, а весной и лѣтомъ — наоборотъ, такъ какъ утро начинается тогда очень рано, и насъ при пробужденіи въ 5, въ 6 часовъ встрѣчаетъ цѣлая масса свѣта. Человѣкъ всѣмъ обязанъ свѣту, онъ немислимъ безъ свѣта и всю свою жизнь онъ всегда и во всемъ ищетъ свѣта, и потому естественно слѣдуетъ каждое новое пробужденіе его сознательной жизни обставлять такъ, чтобы оно было окружено свѣтомъ, а не мглою.

Послѣ всего сказаннаго о вліяніи свѣта уже само собою понятно каждому, что обычай свѣтскихъ людей: ложиться спать послѣ разсвѣта и вставать въ полдень, или позже, долженъ быть признанъ крайне вреднымъ для здоровья. Общимъ правиломъ слѣдуетъ признать, что человѣкъ долженъ засыпать никакъ не позже 11

или 12 часовъ ночи, хотя, къ сожалѣнію, при современномъ складѣ городской жизни, это трудно выполнимо.

Мы забыли еще сказать, что постель, на которой мы спимъ, должна быть во всѣ времена года, и даже зимою, подвергается самому тщательному провѣтриванію на наружномъ воздухѣ, и кромѣ того ее слѣдуетъ провѣтривать такъ, чтобы одновременно съ этимъ она подвергалась также и вліянію солнечныхъ лучей. Цѣлесообразность этого требованія понятна сама собой, такъ какъ нельзя же сомнѣваться въ томъ, что мало по малу самый пухъ подушекъ и волосъ въ матрасахъ должны пропитаться тѣми испареніями кожи, которыя такъ дѣятельно совершаются во время сна. Послѣ подобнаго провѣтриванія постели спится, обыкновенно, особенно хорошо. Что касается до характера самой постели, то она должна быть не слишкомъ мягкая и не слишкомъ жесткая, и наиболѣе цѣлесообразнымъ является соединеніе пружиннаго матраса съ волосянымъ; при недостаточныхъ средствахъ можно ограничиться однимъ волосянымъ матрасомъ. Перинъ употреблять ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда требуется по возможности предохранить спящаго отъ всякаго охлажденія.

У многихъ людей существуетъ крайне вредная привычка дышать ртомъ, вмѣсто того, чтобы дышать носомъ. Подобнаго рода привычка оказывается крайне вредной, такъ какъ она предрасполагаетъ къ страданіямъ горла, а иногда также и легкихъ. Кромѣ того при дыханіи ртомъ получается непріятное высыханіе рта и зѣва, а ощущеніе это не только можетъ будить спящаго, но можетъ также вызывать кашель и цѣлый рядъ отраженныхъ движеній, къ которымъ у спящихъ существуетъ рѣзкое предрасположеніе именно вслѣдствіе того, что сознаніе бездѣйствуетъ во время сна.

Говоря о гигиенѣ нормальнаго сна, мы должны еще остановиться на вопросѣ о тѣхъ вздрагиваніяхъ, которыя нерѣдко появляются у только-что заснувшихъ людей и обыкновенно сопровождаются представленіемъ о паденіи съ какой-то высоты или въ какую-то бездну. Этого рода явленія особенно часто наблюдаются у молодыхъ людей и всегда оканчиваются испугомъ и пробужденіемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда подобнаго рода вздрагиванія часто наблюдаются у людей среднихъ или пожилыхъ лѣтъ и когда они не сопровождаются пробужденіемъ, они зачастую служатъ признакомъ ненормально повышенной раздражительности нервной системы.

Съ точностью объяснить происхожденіе этихъ вздрагиваній и сновъ о паденіи—мы не можемъ; но, по всѣмъ вѣроятіямъ, эти явленія находятся въ связи съ тѣмъ, что вслѣдствіе глубокаго засыпанія сознанія, люди перестаютъ ощущать прикосновеніе своего тѣла къ постели, и отсюда имъ кажется, что они должны находиться безо всякой опоры, т. е. посреди воздуха, а это ведетъ къ представленію о паденіи, съ которымъ дѣти имѣютъ достаточно случаевъ познакомиться. Въ подтвержденіе только-что высказанной мысли, мы можемъ указать на то, что и передъ обморокомъ люди часто испытываютъ такое ощущеніе, какъ будто они куда-то медленно падаютъ. Отчего? Именно оттого, что при этомъ развивается болѣе или менѣе сильное притупленіе всѣхъ чувствующихъ нервовъ поверхности тѣла, подъ вліяніемъ ослабленія сознанія. Съ другой стороны извѣстно, что подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ наркотическихъ средствъ (эфира, опія, гашиша), притупляется чувствительность кожныхъ нервовъ и мышечнаго чувства, и при этомъ людямъ кажется, что они не идутъ, а несутся, едва касаясь пола, по воздуху, что они какъ бы летятъ. Такъ что

въ общемъ выводѣ мы приходимъ къ тому заключенію, что и представленія о паденіи, о полетѣ во время сна, должны находиться въ известной связи съ притупленіемъ ощущеній, получаемыхъ человѣкомъ съ поверхности тѣла.

Итакъ, при нормальномъ снѣ происходитъ дѣятельный пластическій обмѣнъ; при этомъ ткани запасаются питательнымъ матеріаломъ, т. е. бѣлками и другими необходимыми для нихъ веществами, и въ то же время онѣ запасаются интрамолекулярнымъ кислородомъ, столь необходимымъ при всякаго рода дѣятельности; далѣе мы видѣли, что при патологическомъ снѣ этого не происходитъ, и что къ подобнымъ же патологическимъ формамъ сна принадлежитъ также и гипнотическій сонъ. Мы видѣли также, что сонъ, вызываемый различными наркотическими, усыпляющими средствами, не есть нормальный сонъ, и что если ихъ даютъ въ случаяхъ бессонницы, то только потому, что въ подобныхъ случаяхъ важно бываетъ прервать образовавшуюся въ организмѣ привычку къ бессонницѣ, а также и не дать ей установиться. Усыпляющія наркотическія средства могутъ быть полезны еще и потому, что сонъ, вызванный ими, нерѣдко переходитъ въ нормальный сонъ послѣ того, какъ дѣйствіе введеннаго въ организмъ наркотическаго средства прекратится вслѣдствіе выведенія самого средства. Зная все это, мы поймемъ, какое благотворное вліяніе долженъ производить сонъ, но именно только нормальный сонъ, на теченіе различныхъ болѣзней; а для многихъ болѣзней сонъ составляетъ положительно лучшее лѣкарство, какъ на это указывали уже неоднократно различные авторы. Послѣ всего сказаннаго мы поймемъ также, что сонъ, вызванный различными усыпляющими средствами, никогда не можетъ замѣнить собою естественный нормальный сонъ, и единственная

польза всѣхъ усыпляющихъ снотворныхъ средствъ сводится на то, чтобы не дать укрупниться въ организмѣ вредной привычкѣ къ бессонницѣ. Само собой разумѣется также, что тяжело больныхъ, заснувшихъ нормальнымъ, спокойнымъ сномъ, ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ будить для приѣма лѣкарства, такъ какъ никакое лѣкарство не дастъ больному того, что дастъ ему нормальный сонъ съ его процессами пластическаго питанія. Многимъ изъ читателей, конечно, приходилось самимъ видѣть, съ какою радостью встрѣчаютъ врачи появленіе глубокаго, нормальнаго сна у тяжело больныхъ, потому что подобнаго рода сонъ зачастую оказывается критическимъ; съ него начинается поворотъ къ выздоровленію.

Впрочемъ, какъ и во всемъ, такъ и въ этомъ отношеніи правило не остается безъ исключенія, и бываютъ случаи, гдѣ сонъ можетъ оказать неблагоприятное вліяніе на ходъ болѣзненнаго процесса. Такъ, напр., въ случаяхъ сильной слабости сердечной дѣятельности небезопасно бываетъ оставлять больныхъ спать слишкомъ долго, такъ какъ сердце ихъ можетъ быть въ такомъ положеніи, что его необходимо отъ времени до времени подкрѣплять приемами известнаго лѣкарства, и потому подобныхъ больныхъ необходимо будить для приѣма лекарства. При пробужденіи такіе больные должны лишь крайне осторожно и постепенно мѣнять лежачее положеніе на сидячее или стоячее.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время вопросъ о вліяніи сна на различнаго рода болѣзненные состоянія остается почти совершенно еще невыясненнымъ; между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что вліяніе это должно быть различно, смотря по характеру различныхъ болѣзненныхъ процессовъ. Такъ, напр., въ медицинской литературѣ имѣются указанія на то, что въ случаяхъ

кровотечений наступленіе сна является въ высшей степени нежелательнымъ (Беккеръ), потому что сонъ считается моментомъ, предрасполагающимъ къ кровотечениямъ, особенно маточнымъ. Это, впрочемъ, вполне понятно, если мы знаемъ, что во время сна происходитъ болѣе или менѣе рѣзкое расширеніе цѣлой группы кровеносныхъ сосудовъ. Глубокій сонъ и особенно продолжительный можетъ быть вреденъ также и въ тѣхъ случаяхъ, когда у больныхъ существуетъ предрасположеніе къ судорожнымъ болѣзнямъ, потому что сонъ, какъ извѣстно, устраняетъ сознаніе и дѣлаетъ человѣка на время спинномозговымъ, рефлекторнымъ животнымъ; но, повторяемъ, всѣ эти вопросы остаются еще неизслѣдованными и неразъясненными, также какъ и вопросъ о томъ, какъ именно слѣдуетъ спать больнымъ, страдающимъ различными болѣзнями.

Мы, впрочемъ, знаемъ, что чахоточные больные страдаютъ сильными, истощающими ночными потами, такъ что въ медицинской литературѣ предлагаются все новыя средства противъ этихъ потовъ; но постоянное появленіе новыхъ средствъ служитъ лучшимъ указаніемъ того, что всѣ они не удовлетворяютъ своей цѣли. Потливость чахоточныхъ совершенно понятна, разъ мы знаемъ что накопленіе углекислоты въ организмѣ раздражаетъ потоотдѣлительный центръ и вызываетъ особенно обильную испарину. Мы знаемъ также, что во время сна происходитъ даже у нормальныхъ людей накопленіе углекислоты въ организмѣ и, слѣдовательно, легко можемъ понять, что у людей съ больными легкими это накопленіе должно быть выражено еще рѣзче, такъ какъ дыхательный центръ у нихъ бываетъ истощенъ, по словамъ Лаудеръ Brentона, постоянно повторяющимися кашлевыми приступами, и углекислота уже не можетъ возбуждать его къ усиленной дѣятельности

одновременно съ возбужденіемъ потоотдѣлительнаго центра. На основаніи теоретическихъ соображеній, съ одной стороны, и практическихъ наблюденій на больныхъ, съ другой—мы вынесли твердое убѣжденіе, что изнурительные поты чахоточныхъ бываютъ слабѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда больные передъ сномъ получаютъ легкій ужинъ, который, отвлекая извѣстное количество крови къ желудку, тѣмъ самымъ ослабляетъ расширеніе периферическихъ кожныхъ сосудовъ. Кромѣ того мы убѣдились, что изнурительные поты или вовсе не появляются, или появляются въ болѣе слабой степени въ тѣхъ случаяхъ, когда больные спятъ днемъ, въ незатемненной комнатѣ. Освѣщеніе спальни лампой тоже, повидимому, противодѣйствуетъ появленію изнурительнаго пота, если только лампа эта не содѣйствуетъ съ своей стороны порчѣ воздуха въ спальнѣ. Вообще, если уже для нормального спящаго человѣка необходимо, по возможности, чистый воздухъ въ спальнѣ, то для чахоточныхъ требованіе это является еще несравненно болѣе настоятельнымъ, такъ какъ при уменьшеніи функціональной силы легкихъ слѣдуетъ компенсировать происходящее, вслѣдствіе этого, недостаточное окисленіе крови увеличеннымъ введеніемъ кислорода при каждомъ вдыханіи въ легкія, а для этого прежде всего требуется устранить всякое загрязненіе вдыхаемаго воздуха. Кромѣ того не должно забывать, что многие авторы объясняли развитіе бугорчатки именно вдыханіемъ нечистаго воздуха, переполненнаго угольной кислотой. Комната, въ которой спятъ люди, страдающіе легочной чахоткой, должна быть прохладная и снабженная большимъ запасомъ чистаго воздуха.

Что касается до людей, страдающихъ невротами сердца и другими формами сердечныхъ болѣзней, то для нихъ прежде всего необходимо оставаться въ постели въ

горизонтальномъ положеніи достаточно долгое время, а именно не менѣе 8—10 часовъ въ сутки, такъ какъ горизонтальное покойное положеніе въ кровати даетъ больному сердцу возможность отдохнуть и, кромѣ того, за это время должны успѣть исчезнуть тѣ отеки ногъ, которые обыкновенно развиваются у подобныхъ больныхъ подъ вліяніемъ вертикальнаго положенія. Раннее вставаніе для сердечныхъ больныхъ ни въ какомъ случаѣ не годится, такъ какъ у нихъ почему-то наблюдается особенная склонность къ сердечнымъ припадкамъ именно въ ранніе утренніе часы, между 4 и 8-ю. Объяснить этого явленія мы не въ состояніи пока, но съ нимъ необходимо считаться, тѣмъ болѣе, что изъ статистическихъ опредѣленій часовъ наибольшей смертности выяснилось, что большинство людей умираетъ между 4 и 8 часами утра; слѣдующая затѣмъ наибольшая смертность приходится страннѣе образомъ на тѣ же самыя часы, но только вечерніе, т. е. отъ 4 до 8 час. пополудни.

Кромѣ того на основаніи наблюденій Менингофа и Лисбергера мы уже знаемъ, что самый сонъ представляется, повидимому, различнымъ при существованіи сердечнаго страданія, а именно, у здороваго человѣка наибольшей глубины сонъ достигаетъ во время послѣдней четверти втораго часа; затѣмъ глубина сна постепенно ослабѣваетъ, и это ослабленіе длится до второй половины пятаго часа; послѣ этого начинается второе усиленіе крѣпости сна; и $5\frac{1}{2}$ часовъ спустя отъ начала сна, это усиленіе глубины сна достигаетъ наибольшей силы; затѣмъ сонъ все болѣе и болѣе ослабѣваетъ вплоть до пробужденія. Это было у здороваго человѣка; тогда какъ у человѣка, страдавшаго отъ недостаточности двустворчатой заслонки, первая наибольшая глубина сна приходилась на вторую половину шестаго часа; кромѣ того, у него наблюдалось не двукратное, а

тремякратное усиленіе крѣпости сна, и вообще сонъ его представлялъ гораздо болѣе значительныя колебанія въ крѣпости, нежели сонъ нормальнаго человѣка. Къ сожалѣнію только, наблюденія эти являются совершенно одиночными въ медицинской литературѣ и на основаніи ихъ можно сдѣлать только одинъ выводъ, а именно относительно настоятельной необходимости изучить не только сонъ нормальныхъ людей, но также и измѣненія, появляющіяся во всемъ характерѣ сна при различныхъ хроническихъ и острыхъ болѣзняхъ.

Что сонъ долженъ мѣняться подъ вліяніемъ болѣзней—это не подлежитъ сомнѣнію уже потому, что самое сознаніе человѣка мѣняется подъ вліяніемъ каждаго болѣзненнаго состоянія; слѣдовательно и сонъ долженъ мѣняться при этомъ, такъ какъ если сознаніе измѣнено, то и самое отдохновеніе его должно оказаться измѣненнымъ. Вѣрность этого вывода подтверждается косвенно еще тѣмъ фактомъ, что характеръ сна здоровыхъ людей мѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда люди позволяютъ себѣ употреблять вещества, завѣдомо дѣйствующія видоизмѣняющимъ образомъ на сознаніе. Такъ, напр., послѣ усиленнаго куренія сонъ представлялся неправильнымъ и безпокойнымъ; употребленіе спиртныхъ напитковъ тоже мѣняло самый характеръ сна, и съ нашей точки зрѣнія это вполне понятно, потому что, если сонъ есть время отдохновенія сознанія, то все, что вліяетъ на сознаніе, должно необходимо отражаться также и на характерѣ сна.

Прежде, чѣмъ покончить съ настоящей главой, мы должны еще сказать нѣсколько словъ о такъ-называемыхъ просонкахъ, т. е. о томъ состояніи, въ которомъ многіе люди находятся при пробужденіи, когда они въ теченіи нѣсколькихъ минутъ не могутъ придти въ себя и сообразить, гдѣ они и что съ ними. Этого рода про-

сонки доказываютъ, съ своей стороны, какъ нельзя болѣе наглядно, что сонъ дѣйствительно есть время отдохновенія сознанія, потому что суть *просонковъ* сводится именно на то, что проснувшійся человѣкъ не сразу можетъ овладѣть своимъ сознаніемъ, которое все еще продолжаетъ находиться какъ бы въ полуснѣ. Само собою разумѣется, что продолжительныя просонки указываютъ на извѣстную вялость, инертность сознанія и его анатомическаго субстрата, и, какъ таковые, они имѣютъ неблагоприятное значеніе. Въ медицинской литературѣ встрѣчаются описанія случаевъ (Шниттмюллеръ, Бріеръ-де Буамонъ), въ которыхъ подобныя просонки предшествовали развитію душевной болѣзни, являлись, такъ сказать, ея предвѣстникомъ, и во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ если сознаніе развито слабо и его анатомическій субстратъ неспособенъ бываетъ примѣняться и бороться съ различными вліяніями, то самаго незначительнаго момента можетъ оказаться достаточнымъ для того, чтобы вызвать разъединеніе въ группѣ тѣхъ нервно-мозговыхъ элементовъ, которые представляютъ собою анатомическую основу сознанія. Такъ, напр., извѣстны случаи, гдѣ однократнаго хлороформированія оказывалось достаточнымъ для того, чтобы вызвать развитіе неисцѣлимой душевной болѣзни, т.-е. полнаго слабоумія (Диксонъ); слѣдовательно сознаніе было до того слабо, что однократнаго полнаго перерыва его было достаточно для того, чтобы вызвать разрушеніе всей сознательной мозговой дѣятельности.

Само собою разумѣется, что и просонки, какъ явленіе, указывающее на особую вялость сознанія, никогда почти не встрѣчаются у людей, отличающихся сильнымъ развитіемъ сознательной мозговой дѣятельности, а если они появляются, то всегда служатъ неблагоприятнымъ

признакомъ. Изъ собранныхъ мною въ этомъ отношеніи статистическихъ цифръ оказалось слѣдующее: изъ ста случаевъ просонковъ 8% пришлось на людей, занимавшихся серьезнымъ умственнымъ трудомъ, 70% встрѣтились среди лицъ, работавшихъ не мозгомъ, а, главнымъ образомъ, мышцами рукъ и ногъ, и 22% пришлось на людей, занимавшихся или музыкой, или торговлей, или служившихъ чиновниками и т. п. При этомъ замѣчено было также, что просонки по преимуществу встрѣчаются у людей флегматичныхъ, полныхъ и сочныхъ, тогда какъ у людей нервныхъ, у сангвиниковъ просонки принадлежатъ скорѣе къ рѣдкимъ явленіямъ.

Вообще, чѣмъ легче исчезаетъ, затемняется сознаніе у людей подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было моментовъ, чѣмъ слабѣе бываетъ его связь съ волей, тѣмъ болѣе оказываются подобные люди предрасположенными къ различнымъ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, къ различнымъ судорожнымъ формамъ. Это настолько вѣрно, что въ медицинѣ прямо указываютъ, что люди съ сильнымъ, рѣзко очерченнымъ характеромъ дольше противятся дѣйствию алкоголя, хлороформа или записи азота и другихъ анестезирующихъ, наркотическихъ, т.-е. прерывающихъ дѣятельность сознанія средствъ, нежели слабохарактерные люди. Между тѣмъ, если вдуматься въ то, что подразумѣвается подъ сильнымъ характеромъ, то мы легко поймемъ, что сильный характеръ сводится въ сущности на сильно развитое, а потому и цѣлостное сознаніе.

Съ другой стороны извѣстно, что все, что ослабляетъ сознаніе, предрасполагаетъ къ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ; такъ напр., частые перерывы сознанія вслѣдствіе приемовъ наркотическихъ средствъ или частаго опьяненія, или перерывы сознанія вслѣдствіе при-

ступовъ падучей болѣзни, а также и продолжительные перерывы сознанія вслѣдствіе приступовъ спячки, ведутъ необходимымъ образомъ къ отупѣнію, къ идиотизму или къ душевнымъ болѣзнямъ. Точно также вреднымъ оказываются и нормальный, но слишкомъ обильный сонъ, и частыя гипнотизаціи субъектовъ. Послѣ всего сказаннаго понятно, что и рѣзко выраженные просонки должны всегда внушать нѣкоторое опасеніе, въ качествѣ признака болѣе или менѣе сильной слабости сознанія и имѣющейся въ немъ склонности оставаться въ недѣятельномъ, спящемъ состояніи.

Конечно, нельзя сомнѣваться, что и въ наши дни еще встрѣчаются цѣлыя группы лицъ, вся жизнь которыхъ проходитъ, въ сущности, въ какихъ-то вѣчныхъ просонкахъ. Мы имѣемъ въ виду не какихъ-нибудь дикарей, — нѣтъ, мы имѣемъ въ виду нашъ европейскій цивилизованный міръ, среди котораго еще очень и очень много людей остаются всю жизнь свою на такой низкой ступени развитія сознанія, что поэтъ имѣлъ полное право сказать о нихъ:

„Въ нихъ человѣкъ лишь снится самъ себѣ“.

Это, конечно, прискорбно, и невольно въ виду этого являются вопросы о томъ, какъ помочь дѣлу, — вопросы о томъ, какъ развить и укрѣпить слабое до болѣзненности сознаніе въ извѣстныхъ группахъ современныхъ народныхъ массъ. Какъ? Прежде всего, конечно, тутъ требуется горячая любовь къ ближнему, горячая любовь ко всему человѣчеству, которая одна можетъ научить насъ необходимымъ приемамъ, одна можетъ поддержать насъ въ борьбѣ съ этою, такъ сказать, неразсвѣтною душевною мглою. Что подобная любовь къ человѣчеству дѣйствительно можетъ дѣлать чудеса и даже въ средѣ первобытныхъ дикарей и людоѣдовъ, это доказываетъ, между прочимъ, и жизнь безвременно по-

гибшаго Н. Н. Миклухо-Маклая, который одинъ, безъ всякой вооруженной силы, отваживался проникать въ среду дикарей-людоѣдовъ, никогда еще не видѣвшихъ европейскаго человѣка. И что же мы видимъ? Онъ не только остался несѣдненнымъ, но и покорилъ сердца этихъ дикихъ массъ, покорилъ не грубой силой, а живою мыслью и словомъ, а главное, своею любовью ко всему человѣчеству, а слѣдовательно и къ нимъ, обездоленнымъ пока еще представителямъ человѣчества.

Сознаніе! Мы въ настоящее время не можемъ даже представить себѣ, чѣмъ будетъ земная жизнь человѣчества въ то время, когда у cadaго человѣка сознаніе окажется развитымъ до болѣе или менѣе высокой степени. Проф. Бунге въ своей недавно вышедшей физиологической химіи доказываетъ, что когда-нибудь человѣчество на землѣ достигнетъ такого высокаго развитія, что между нами и имъ будетъ существовать такая же великая разница, какая теперь существуетъ между инфузоріями, съ одной стороны, и человѣкомъ съ другой!..

Изъ всего изложеннаго нами до сихъ поръ прямо вытекаетъ, что между сномъ и сознаніемъ существуетъ тѣсная, неразрывная связь и что глубина и количество сна бываютъ обратно пропорціональны развитію и силѣ сознанія. Слѣдовательно, изученіе сна должно по необходимости идти рука объ руку со всестороннимъ изученіемъ сознанія, которое въ настоящее время представляется пока еще такъ же мало изученнымъ, какъ и сонъ, на который уходитъ, по крайней мѣрѣ, треть нашей жизни. О гигиенѣ сознанія, объ условіяхъ его укрѣпленія и развитія наука пока еще безмолвствуетъ. Удивительно ли послѣ этого, что о времени отдохновенія сознанія, т.-е. снѣ, мы располагаемъ пока еще только отрывочными свѣдѣніями, отдѣльными наблюденіями, и при составленіи нашего очерка намъ приходилось оты-

сбивать и соединять въ одно цѣлое случайныя наблюденія, разбросанныя по самымъ разнороднымъ сочиненіямъ и статьямъ. На многіе вопросы медицинская литература и вовсе не даетъ отвѣта даже въ видѣ случайныхъ наблюденій или отдѣльныхъ фактовъ, и въ этихъ случаяхъ по-неволѣ приходилось или самимъ приниматься за опытную разработку, или прямо сознаваться, что при современномъ положеніи науки мы не въ состояніи дать опредѣленнаго отвѣта на цѣлый рядъ болѣе или менѣе существенныхъ вопросовъ относительно нашей жизни во время сна. Такъ мы и поступали при составленіи настоящей статьи, и надѣмся, что читатели извинятъ тѣ невольныя пробѣлы, которые встрѣчаются въ настоящемъ трудѣ и на устраненіе которыхъ потребуется дружная работа многихъ изслѣдователей.

СТАТЬИ И СОЧИНЕНІЯ, ИМѢЮЩІЯ ОТНОШЕНІЕ КЪ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВѢ, ПОСВЯЩЕННОЙ ГИГИЕНѢ СНА.

- Voltaire, Oeuvres complètes 1792, т. 63, стр. 192.
Fabius, Dissertatio medica inauguralis de spirometro ejus que usu observationibus cum aliorum, tum propriis illustrato 1853.
Gerhardt, Lehrbuch der Auscultation und Percussion 1871.
Schröder van der Kolk, Die Pathologie und Therapie der Geisteskrankheiten 1863.
Fubini e Ronchi въ Archivio per le Scienze mediche т. I.
Они-же въ Molechhott's Untersuchungen 1878, т. 12, тегр. 1.
Platen, въ Pflüger's Archiv 1875, т. II, тегр. 4 и 5.
Dewar въ Revue scientifique de la France et de l'étranger 1877, т. 12, стр. 1245.
Baer, въ Revue scientifique de la France et de l'étranger 1878, т. VII.

- Sorgewohl, Schreiben vom Zustande der äusserlichen Sinne im Schlafe въ der Arzt, eine medicinische Wochenschrift von Unzer 1769, т. II.
Oesterlen, Handbuch der Hygiene 1857, стр. 685 и слѣд.
Purkinje въ Wagnér's Handwörterbuch 1846, т. 3.
Dugald Stewart, Elements of the philosophy of the human Mind 1818, т. I.
Schopenhauer, Parerga und Paralipomena 1862, т. I.
Hammond, On Wakefulness 1866, Philadelphia.
Henne, Du sommeil naturel, 1872, Paris.
Kleinschmidt, Quelques mots sur le sommeil 1871. Montpellier.
Donné, Conseils aux mères 1869. Paris.
Eustace Smith, Ueber die Schlaflosigkeit bei Kindern въ Wiener med. Wochenschrift 1869. *Ею-же*, On the wasting Diseases of infants and children 1870.
Finlayson, On the normal temperature in children въ The Glasgow Med. Journal 1869 февраль.
Mac Cormac, Carbonaemia the immediate source of tubercle 1867. *Ею-же*, Consumption and the breath rebreathed 1872. London.
Paul Niemeyer, Die Lunge 1872.
Catlin, Shut your mouth. 1870.
Alexander Rattray, Further Experiments on the more important physiological Changes induced in the human Economy by Change of climate въ Proceedings of the Royal Society, т. 21, № 139.
Lauder Brunton, въ Saint Bartholomew's Hospital Reports 1879, т. 15.
Voit, въ Zeitschrift für Biologie 1878, т. 14.
Soltmann, Experimentelle Studien über die Functionen des Grosshirns der Neugeborenen въ Jahrbuch für Kinderheilkunde und physische Erziehung. 1876, т. IX.
И. Р. Тархановъ, О психомоторныхъ центрахъ и развитіи ихъ у человѣка и животныхъ 1879. Петербургъ.
Baginsky, Wohl und Wehe des Kindes 1873.
Паппенгеймъ, Руководство къ гигиенѣ 1861, т. II.
Ballexserd, Dissertation sur l'éducation physique des enfants 1763.
Plattner, Von dem Schlaf der Kinder, welcher durch das Einwiegen hervorgebracht wird. 1740.

- Bouchut, Hygiène de la première enfance 1862.
Kant, Ueber Pädagogik 1839.
Reveillé-Parise, Traité de la Vieillesse, hygiénique, médical et philosophique. 1853. Paris.
M-me du Deffand, Lettres. Paris. (A Horace Walpole).
Durham, въ Guy's Hospital Reports 1860.
Hammond, въ Gaillard's Medical Journal 1880, т. 29.
Ball, въ The Lancet 1880, 2-го октября.
Bernhard Brach, Ueber die Bedeutung des körperlichen Gefühls im gesunden und kranken Zustande въ Rust's Magazin 1842, т. 17.
Erasmus Darwin, Zoonomia or the laws of organic life 1792, т. I, стр. 439.
Alexander Bain, The Emotions and the Will 1865.
Bichat, Recherches physiologiques sur la vie et la mort. Paris.
Descuret, La médecine des passions 1860, 3-е изд.
Charles Darwin, The Expression ect. 1872, стр. 246 и слѣд.
J. Kant, Von der Macht des Gemüths durch den blossen Vorsatz seiner krankhaften Gefühle Meister zu sein. Gesammtausgabe in 10 Bänden 1838, т. I, стр. 301 и 307.
Hughlings Jackson, On the Anatomical, Physiological and Pathological Investigation of Epilepsies въ West Riding Lunatic Asylum Medical Reports 1873, т. III.
Merson, On the influence of food on epilepsy въ West Riding Lunatic Asylum Medical Reports т. V.
Thudichum, A Treatise on the chemical Constitution of the Brain 1884.
Alexander, Wil., въ Medical Times and Gazette 1882, № 1654.
Ginrac, Mémoire sur l'influence de l'hérédité. 1845, стр. 377.
Byford, On the Physiology of Exercise въ The American Journal of medical Sciences 1855, № 59.
Wilks, On overwork въ The Lancet 1875, т. I.
Brown Séquard, Lectures on the Diagnosis and Treatment of functional nervous affections 1868, стр. 41.
Raciborski, Traité de la Menstruation 1868, стр. 349 и слѣд.
Briquet, Traité clinique et thérapeutique de l'hystérie 1859, стр. 115, 121.

- Böcker, въ Archiv des Vereins für gemeinschaftliche Arbeiten zur Förderung der wissenschaftlichen Heilkunde 1856, т. 2.
Schüller, въ Deutsches Archiv für klinische Medicin 1874, т. 14.
Walsch, On Sleep въ The Lancet 1846, т. II.
Holland, Chapters on Mental Physiology; art Sleep.
Blanchard Fosgate, Observations on Nightmare въ The American Journal of Medical Sciences 1834, № 29.
Mosso въ Archiv für Physiologie von Du Bois Reymond 1878, тетр. 5 и 6.
Carl Theodor, Herzog von Baiern, въ Zeitschrift für Biologie т. 14, стр. 51 и слѣд.
Crichton, Observations on the Treatment and Cure of several varieties of pulmonary Consumption, 1823. London.
Osborne, въ The Dublin Quarterly Journal of medical Science 1859, т. 28.
Aveling, въ The Obstetrical Journal of Great Britain and Ireland, 1874, № 20.
Alex. von Humboldt, Kosmos 1845, т. II, стр. 5.
Potain, въ Lyon médical, 1876, т. 22.
Berlinsky, въ Froriep's Notizen, 1835, т. 45.
Casper, въ Denkwürdigkeiten zur medic. Statistik und Staatsarzneikunde, Berlin. 1846.
Schneider, въ Virchow's Archiv, 1859, т. 16.
Finlayson, въ Glasgow Medical Journal, 1874, т. 6.
Andrew Clark, въ The Medical Record, 1888, 14 января.
Vogel, Handbuch der Krankheiten der harnbereitenden Organe, 1863, стр. 522.
Gull, въ The Lancet 1873, т. I.
Morley Rooke, въ The British medical Journal 1878, 19 октября.
Moxon, въ Guy's Hospital Reports 1878, т. 23.
Dukes, въ The British med. Journal 1878, 30 октября.
Rendall, Sur l'albuminurie alimentaire 1883, Paris.
Capitan, Les albuminuries transitoires 1883.
De la Celle de Chateaubourg, Sur l'albuminurie physiologique. Paris 1883.
Senator, Die Albuminurie im gesunden und kranken zustande. Berlin 1882 и въ Berliner klin. Wochenschrift 1885.
Carl Noorden, въ Deutsches Archiv für klinische Medicin 1886, т. 38 тетр. 3.

Furbringer, въ Zeitschrift für klinische Medicin 1879, т. I, т. 1.

Mönninghof und Pisbergen, въ Zeitschrift für Biologie 1883, т. 19.

Buisson, Traité théorique et pratique de la méthode anesthésique 1850.

Beard, The Nature and Phenomena of Trance въ Archives of Neurology and Electrology 1875, т. 2.

Schnittmüller, Langdauernde Unbesinnlichkeit eines Schlaftrunkenen selbst nach dem Erwachen въ Zeitschrift für die Staatsarzneykunde von Henke 1841, т. 21.

Brierre de Boismont, Etudes médico légales sur les hallucinations et les illusions въ Annales d'hygiène publique et de médecine legale 1861, т. 16.

Thompson Dickson, The Science and Practice of Medicine in Relation to Mind 1874.

Fechner, Elemente der Psychophysik 1860, т. 2.

Pfeifer, Ueber den Schwefeläther въ Zeitschrift für rationelle Medizin 1847, т. VI.

Estanislás Stein, въ Ciencias Medicas 1890, 10 октября и The Journal of Mental and Nervous Discases 1891 т. 16.

Cullierre въ Annales Medico-psychologiques 1890, т. 12.

Féré, Contribution à la pathologie de la nuit: paralysie nocturne.—A contribution to the Pathology of night: nocturnal paralysis 1890.

Schreiber, въ Neurologisches Centralblatt, 1886, августъ (Ueber Schlafähmung).

IV.

Психология сна.

Во время сна головной мозгъ, какъ мы уже объяснили выше, спать не весь, а преимущественно только тѣ части его, которыя служатъ анатомическимъ субстратомъ сознания. Въ виду этого, конечно, у спящаго человѣка должна существовать своего рода душевная жизнь, на которой мы и остановимся теперь—въ заключеніе нашего изслѣдованія.

Еще Кантъ говорилъ, что наяву каждый изъ насъ живетъ одною общею жизнью съ другими людьми, съ которыми онъ такъ или иначе соединенъ въ одну общую группу, а во снѣ, напротивъ того, каждый изъ насъ уходитъ въ свой собственный міръ. Въ этихъ словахъ, какъ мы вскорѣ убѣдимся, высказана глубокая истина, хотя Кантъ былъ чистый метафизикъ, а не естествоиспытатель.

Какъ извѣстно, основная разница естественно научныхъ и метафизическихъ способовъ изслѣдованія состоитъ въ томъ, что первые, т. е. естественно-научные способы изслѣдованія изучаютъ человѣка въ качествѣ объективнаго явленія, тогда какъ метафизики старались изучать его въ качествѣ явленія субъективнаго, т. е. въ томъ видѣ, въ какомъ человѣкъ познаетъ самаго себя въ своей внутренней душевной жизни, т. е. въ своемъ сознаніи.

Примѣняя свои естественно-научные способы изслѣдованія къ изученію человѣка, анатомы, гистологи, физиологи опредѣлили какъ положеніе и форму различныхъ органовъ, такъ и строеніе ихъ и своеобразныя особенности ихъ составныхъ элементовъ; они указали химическій составъ различныхъ тканей и соковъ, опредѣлили, какіе физическіе законы управляютъ тѣми или иными процессами, протекающими въ нашемъ организмѣ, и, гордые добытыми результатами, стали мечтать о томъ, что имъ удастся объяснить не только физическую, но и духовную жизнь человѣка на основаніи чисто механическихъ условій (Бонне, Съченъ и др.).

На основаніи своихъ естественно-научныхъ способовъ изслѣдованія, физиологи и психо-физиологи опредѣлили намъ быстроту, съ которой различныя ощущенія распространяются по нервнымъ путямъ; они опредѣлили также и время, необходимое на воспріятіе, на волевое движеніе. Наконецъ, за послѣднее время, они стали опредѣлять быстроту и численность ассоціацій между различными представленіями, между различными понятіями (Гальтонъ, Траутшольдъ и др.); но чѣмъ дальше подвигалось изслѣдованіе, чѣмъ больше приобрѣталось цѣнныхъ знаній и фактовъ, тѣмъ все больше и больше крѣпло убѣжденіе въ умахъ серьезныхъ изслѣдователей, что путемъ всѣхъ этихъ естественно-научныхъ способовъ мы можемъ изучить только внѣшнюю сторону человѣка и никогда не можемъ дойти до выясненія самой сути, самаго ядра. Такъ, напр., мы знаемъ въ настоящее время, что кровь при своемъ движеніи управляется законами гидростатики и гидродинамики; далѣе, мы въ точности знаемъ все строеніе сердечной мышцы, иннервацию ея, и все же мы не можемъ объяснить первичную, основную причину сердечныхъ сокращеній, или сокращеній сосудистыхъ стѣнокъ. То же самое примѣ-

нимо и къ процессамъ пищеваренія и усвоенія. Мы знаемъ въ настоящее время, что прежнія стремленія свести все питаніе на явленія эндосмоса, диффузіи и экзосмоса—невѣрны, что при этихъ процессахъ дѣятельную роль играютъ также различнаго рода клѣточные элементы, которые, напр., производятъ положительный выборъ между веществами, находящимися въ пищеварительныхъ путяхъ, а вѣроятно также и между веществами, приносимыми къ нимъ кровью; но почему это происходитъ, почему они выбираютъ и поглощаютъ, напр., капли жира и оставляютъ зерна пигмента, остается и до сихъ поръ еще невыясненнымъ. И даже еслибы удалось объяснить это элективное свойство, еслибы удалось доказать, что при подобномъ кажущемся выборѣ въ клѣточкахъ дѣйствуютъ законы, положимъ, химическаго сродства, то это все же не объяснило бы дѣла, а только передвинуло бы, такъ сказать, загадочность явленія на одинъ шагъ дальше.

Что касается нервной и особенно мозговой дѣятельности, то эта неспособность естественно-научныхъ способовъ изслѣдованія давать намъ объясненія относительно самой сути явленій выступаетъ еще рѣзче. Мы можемъ изучать быстроту распространенія возбужденія по нерву; мы можемъ опредѣлить время, необходимое на появленіе сознательнаго ощущенія, сознательнаго волевого акта; мы можемъ даже измѣрить размѣры нашего сознанія (Дитце); но все это нисколько не подвигнетъ насъ въ дѣлѣ пониманія того, что именно составляетъ главную причину нашей душевной жизни, т.-е. какимъ образомъ изъ нервного возбужденія, изъ дѣятельнаго состоянія опредѣленныхъ нервныхъ ячеекъ получается сознательная, живая мысль. И попытки поверхностныхъ умовъ объяснить всю сложную душевную жизнь человѣка чисто матеріалистически, т.-е. дѣй-

ствіемъ извѣстныхъ механическихъ условій, кажутся, при настоящемъ развитіи нашихъ естественно-научныхъ знаній, крайне нелогичными.

Серьезные ученые уже сознали недостаточность естественно-научныхъ способовъ изслѣдованія для разрѣшенія коренныхъ вопросовъ о жизни вообще и о психическомъ мірѣ человѣка въ частности, и соотвѣтственно съ этимъ они указываютъ на необходимость самонаблюдения, на необходимость субъективныхъ методовъ изслѣдованія (Фолькельтъ, Вундтъ и др.).

Проф. физиологической химіи въ Базелѣ, д-ръ Бунге, въ своемъ недавно вышедшемъ руководствѣ, прямо указываетъ на необходимость внутренняго самонаблюдения, на необходимость изучать человѣка въ томъ видѣ, какъ всякій изъ насъ познаетъ его въ своемъ собственномъ сознаніи. Такимъ образомъ, слѣдовательно, старая метафизика снова начинаетъ попадать до извѣстной степени въ почетъ.

Спрашивается теперь: удастся ли человечеству путемъ самонаблюденій разрѣшить загадку жизни, удастся ли ему повяты суть самого себя, свое сокровенное ядро? На это отвѣтить трудно; но думаемъ, что Кантъ былъ правъ, говоря, что отвѣтъ на всѣ подобные основные вопросы можетъ дать намъ одна только религія. Тутъ начинается область вѣры, безъ которой немислимъ никакой прогрессъ, никакая, достойная человѣка, жизнь. Впрочемъ, при обсужденіи подобныхъ вопросовъ, не должно забывать, что элементъ вѣры необходимъ человѣку не только въ религіозныхъ вопросахъ; но вездѣ—во всѣхъ областяхъ знанія, во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Даже въ самыхъ точныхъ, въ самыхъ положительныхъ наукахъ, всякое движеніе впередъ идетъ рука объ руку съ вѣрой, такъ какъ обыкновенно всѣ великія открытія являются результатомъ того, что извѣстный человѣкъ

или группа людей, иногда даже нѣсколько поколѣній людей, вѣрятъ въ ту или иную гипотезу, высказанную на основаніи болѣе или менѣе теоретическихъ, априористическихъ сужденій. Возьмемъ, напр., хоть Фарадея: всѣ его открытія совершались именно подобнымъ путемъ; онъ вѣрилъ въ извѣстную гипотезу и, стараясь доказать ее, производилъ свои открытія; теоретическая отвлеченная мысль всегда предшествовала у него фактическому открытію (Барраклофъ, Тиндаль). Да оно и немисливо иначе, такъ какъ всякій идеаль должень явиться прежде, чѣмъ возможны станутъ самыя стремленія къ фактическому осуществленію его, и это одинаково примѣнимо ко всѣмъ областямъ человѣческаго знанія, человѣческой душевной жизни...

Итакъ, мы видѣли, что въ настоящее время даже представители естественныхъ наукъ и тѣ начинаютъ признавать необходимость субъективныхъ самонаблюденій, и, слѣдовательно, психическая сторона сна должна во всякомъ случаѣ представляться особенно важной, такъ какъ во время сна человѣкъ, по совершенно вѣрному замѣчанію Канта, уходитъ или погружается въ свой собственный міръ, отдѣльный отъ міра другихъ людей. Всѣ тѣ сложныя условія соціальной жизни, съ которыми человѣку приходится считаться, а подчасъ и бороться во время своей бодрствующей жизни, оказываются во время сна устраненными, несуществующими. Между тѣмъ едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти условія, которыми окружена жизнь каждаго человѣка, въ средѣ другихъ людей, нерѣдко являются тяжелымъ бременемъ, являются поводомъ къ развитію большей или меньшей искусственности въ чувствахъ, мысляхъ и поступкахъ людей; а, слѣдовательно, и поводомъ къ существованію цѣлаго міра лжи и обмана. Во снѣ не то. Во снѣ человѣкъ освобождается отъ гне-

та внѣшнихъ вліяній, отъ гнета тѣхъ жизненныхъ условий, которые въ силу историческаго развитія получили господство въ данномъ народѣ или обществѣ и которые нерѣдко оказываются несоответственными, чуждыми и даже вредными отдѣльнымъ личностямъ, живущимъ среди этого народа, этого общества. Во снѣ не то.

Во снѣ человекъ освобождается отъ всѣхъ условныхъ оковъ; онъ становится, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ природой. Во время сна, — говоритъ физиологъ-мыслитель Бурдахъ, — исчезаютъ всѣ сословныя различія; во время сна устанавливается равенство всѣхъ людей, о которомъ люди такъ много мечтаютъ на яву. Въ виду этого изученіе сна и сновидѣній обѣщаетъ дать очень многое въ дѣлѣ изученія субъективной стороны человека.

Что же можемъ мы сказать о душевной жизни человека во время сна? Для того, чтобы понять сущность психической жизни во время сна, мы должны, прежде всего, ознакомиться съ тѣмъ, что на языкѣ психо-физиологовъ начала настоящаго столѣтія называлось собственной жизнью нервовъ, собственной жизнью нашихъ органовъ чувствъ или хаосомъ дремотныхъ грѣзъ (Юганвель Мюллеръ, Пуркинъ, Грюитгуйзенъ, Гершель), а также субъективными зрительными явленіями. Въ чемъ же состоитъ эта собственная жизнь различныхъ нервно-мозговыхъ приборовъ и имѣетъ ли она какое-нибудь серьезное значеніе?

Въ настоящее время извѣстно, что каждое нервное возбужденіе, каждое ощущеніе, представленіе, мысль, каждое душевное движеніе оставляютъ болѣе или менѣе глубокой или слабой слѣдъ въ нашей нервно-мозговой системѣ, и что всѣ подобнаго рода слѣды могутъ впоследствии временно оживать подъ вліяніемъ или требованія нашего сознанія, или также и самопроизвольно,

подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ намъ моментовъ, быть можетъ, вслѣдствіе большаго притока крови или какихъ-нибудь другихъ причинъ. Въ силу этой то способности нашей перво-мозговой организаціи мы и получаемъ возможность сравнивать различныя во времени ощущенія и представленія, и на основаніи этого дѣлать различнаго рода обобщенія, путемъ которыхъ человекъ приобретаетъ все большее и большее число разнообразныхъ представлений и понятій, все большее число идей.

Въ основѣ этой способности несомнѣнно лежитъ память, присущая не только каждому (Генле) изъ нашихъ органовъ чувствъ, но также и каждой ткани, каждой клѣточкѣ нашего тѣла. Именно этой-то памятью, присущей каждой ячейкѣ нашего тѣла, нѣкоторые авторы и объясняютъ сохраненіе каждаго вида животныхъ въ теченіе безконечной смѣны различныхъ поколѣній, и слѣдовательно, они объясняютъ ею и наследственную передачу какъ тѣлесныхъ, такъ и умственныхъ особенностей отъ самыхъ отдаленныхъ предковъ самымъ отдаленнымъ потомкамъ.

Само собой понятно, что чѣмъ больше накопится подобныхъ слѣдовъ въ той или иной системѣ волоконъ, въ той или иной системѣ клѣточекъ, тѣмъ богаче должна быть и субъективная жизнь этихъ волоконъ или клѣточекъ, или, другими словами, тѣмъ энергичнѣе будетъ ихъ способность, и при отсутствіи внѣшнихъ возбужденій и раздраженій, творчески изъ собственныхъ наличныхъ запасовъ создавать различныя образы, различныя ощущенія и даже различныя чувства и идеи.

Что же такое эта собственная жизнь нервно-мозговыхъ приборовъ? Въ большей или меньшей степени каждый изъ насъ знакомъ съ нею, такъ какъ у каждаго изъ насъ раздаются, звучатъ иногда въ ухѣ различныя мелодіи, многимъ изъ насъ приходилось, вѣроятно, хоть

разъ въ жизни, слышать голосъ, зовущій насъ, хотя въ дѣйствительности никто и не думалъ насъ звать и, наконецъ, уже навѣрное каждому приходилось испытывать ощущение шума или звона въ ушахъ при полной внѣшней тишинѣ. Всѣ эти и тому подобныя слуховыя ощущенія, появляющіяся у насъ при полномъ отсутствіи внѣшнихъ раздраженій, суть проявленія собственной самодѣятельности слуховыхъ приборовъ. Подобныя же явленія наблюдаются, конечно, и въ сферѣ всѣхъ остальныхъ органовъ ощущеній, но между ними зрительныя субъективныя явленія представляются наиболѣе изученными, и это вполне понятно въ виду того преобладающаго значенія, которое имѣетъ органъ зрѣнія въ нашей жизни. Въ виду этого мы остановимся на нихъ дольше.

Самымъ удобнымъ временемъ для наблюденія субъективныхъ зрительныхъ явленій служитъ время, предшествующее засыпанію. Тутъ обыкновенно передъ нашими глазами проходитъ цѣлый рядъ зрительныхъ образовъ; у нѣкоторыхъ людей преобладаютъ свѣтловыя явленія или человѣческія лица; у другихъ, напротивъ того, мелькаютъ цвѣты или ландшафты; у третьихъ, наконецъ, передъ глазами развивается цѣлая игра самыхъ причудливыхъ фигуръ, своего рода арабески. Эти зрительныя субъективныя явленія и обратили на себя вниманіе Иоганнеса Мюллера, Пуркинѣ, Грюитгуйзена, Гершеля и другихъ. На основаніи ихъ наблюденій было выяснено, что не всѣ люди сознаютъ присутствіе у себя этихъ дремотныхъ или субъективныхъ зрительныхъ образовъ, хотя они имѣются у всѣхъ; и далѣе было выяснено, что эти субъективные зрительныя образы бываютъ особенно сильно выражены у молодыхъ субъектовъ, а къ старости они начинаютъ слабѣть.

Нѣкоторые люди видятъ ихъ только при закрытыхъ

глазахъ и вечеромъ; другіе, напротивъ того, обладаютъ способностью видѣть субъективные зрительныя образы также и при открытыхъ глазахъ и днемъ и вечеромъ; у однихъ людей эти субъективныя явленія представляютъ всевозможныя цвѣтвыя окраски, у другихъ же они бываютъ сѣрыя на сѣромъ же фонѣ. Наконецъ, замѣчено было, что эти субъективныя зрительныя явленія требуютъ извѣстнаго умѣнья наблюдать, и потому они чаще встрѣчаются у интеллигентныхъ людей. Всякое сосредоточеніе вниманія на этихъ образахъ ведетъ къ ихъ исчезновенію (Мори, Байлларже); хотя они въ слабой степени зависятъ также и отъ воли; потому что, по наблюденіямъ Бурдаха, характеръ этихъ образовъ удастся иногда измѣнить по желанію. Такъ напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда у него передъ глазами мелькали уродливыя и страшныя рожи, онъ старался сосредоточить свое вниманіе на архитектурныхъ фигурахъ и подъ вліяніемъ этого у него передъ глазами появлялись совершенно такія же фигуры, какія мы видимъ въ калейдоскопахъ.

Эти субъективные зрительныя образы находятся въ постоянномъ движеніи: только-что появившись болѣе или менѣе отчетливо передъ нашими глазами, они снова уступаютъ свое мѣсто другому образу; при этомъ зачастую кажется, что изъ одного лица выходитъ другое, изъ второго третье, и такъ безъ конца. Если передъ глазами является букетъ цвѣтовъ, то нерѣдко изъ этого букета начинаетъ высыпаться безконечное число цвѣтовъ, цѣлый дождь цвѣтовъ. Впрочемъ, обыкновенно эти субъективные зрительныя образы состоятъ изъ человѣческихъ фигуръ и особенно лицъ, и притомъ, по совершенно вѣрному замѣчанію Гершеля, между ними очень рѣдко попадаются красивыя и милыя, а по большей части непріятныя, странныя и даже уродливыя.

Почему? Очевидно потому, что условия жизни нашей таковы, что некрасивыя формы преобладают надъ красивыми и вслѣдствіе этого оставляютъ и болѣе стойкіе слѣды.

Одна, извѣстная намъ, очень молодая особа, которая уже въ ранніе годы дѣтства (трехъ лѣтъ) замѣтила эти субъективные зрительные образы, желая избавиться отъ появленія неприятныхъ лицъ, сама придумала для этого средство, а именно, передъ отходомъ ко сну она всегда выбирала себѣ какую-нибудь картину, изображающую красивое или пріятное человѣческое лицо, и старалась всматриваться въ него, лежа уже въ постели.

По наблюденіямъ Шредеръ-ванъ-деръ Колька эти субъективные зрительные образы исчезаютъ, если человѣкъ мѣняетъ свое положеніе въ постели, т. е. если онъ переворачивается на другой бокъ; кромѣ того онъ же замѣтилъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда эти зрительные образы являются въ особенно большомъ числѣ и съ особенно отчетливостью, наложеніе на лобъ холодныхъ компрессовъ вызываетъ болѣе или менѣе быстрое поблѣднѣніе ихъ, а наконецъ и полное исчезаніе. Фактъ этотъ указываетъ, конечно, на извѣстную зависимость этихъ субъективныхъ зрительныхъ явленій отъ большаго или меньшаго прилива крови. Въ тоже время наблюденіе Гершеля надъ тѣмъ, что у него, при каждомъ хлороформированіи, являлись однѣ и тѣ же фигуры передъ глазами, доказываетъ, что одинаковыя условия даютъ и одинаковыя субъективные зрительныя явленія.

Кромѣ того не подлежитъ сомнѣнію, что подобнаго рода субъективныя зрительныя явленія въ однихъ случаяхъ развиваются въ периферическихъ частяхъ зрительнаго прибора, а въ другихъ, напротивъ того, мѣстомъ ихъ образованія служатъ внутри-мозговые зрительныя приборы, и соотвѣтственно съ этимъ въ пер-

вомъ случаѣ всякое движеніе глазъ ведетъ къ ихъ передвиженію и исчезновенію, а въ послѣднемъ, напротивъ того, движенія глазъ нисколько не вліяютъ на нихъ (Юг. Мюллеръ, Бурдахъ). Впрочемъ, подобная разница въ зрительныхъ представленіяхъ замѣчается также и прямо по ощущенію, а именно, если мы думаемъ о какомъ-нибудь предметѣ и стараемся представить себѣ его, то мы, по большей части, закрываемъ глаза; но при этомъ намъ не всегда удается вызвать образъ желаемого предмета прямо передъ глазами; иногда мы сознаемъ, что онъ является у насъ только внутри головы. Периферически появляющійся субъективный зрительный образъ всегда бываетъ болѣе отчетливый, нежели центральный.

Относительно слуховыхъ субъективныхъ явленій наблюдается то же самое: а именно, иногда извѣстныя слова, извѣстныя мелодіи звучатъ у насъ въ ушахъ или даже какъ-бы внѣ ихъ, иногда же мы ихъ ощущаемъ въ самой головѣ. Сумасшедшіе тоже, въ однихъ случаяхъ, слышатъ голоса внутри головы, а въ другихъ, напротивъ того, они кажутся имъ идущими извнѣ, т. е. обычнымъ путемъ.

Въ связи съ этими различными локалізаціями субъективныхъ слуховыхъ явленій очень интересными представляются опыты съ телефонами, показавшіе, что если въ оба уха падаютъ черезъ два телефона совершенно одинаковыя по силѣ звуки, то человѣкъ слышитъ ихъ не въ ушахъ, а прямо въ центрѣ головы; при ослабленіи же звука въ одномъ телефонѣ получаемое человѣкомъ ощущеніе передвигается все больше и больше въ сторону того уха, которое воспринимаетъ болѣе сильный звукъ (Тархановъ). Для удачи этого опыта требуется не только, чтобы звуки съ одинаковой силой падали на оба уха; но чтобы также и оба уха обла-

дали одинаво тонкимъ слухомъ. Каждый, кому приходилось испытывать на себѣ этотъ опытъ, можетъ увѣриться, что всякій звукъ, раздающійся внутри головы, производитъ на насъ крайне тяжелое и неприятное впечатлѣніе, и мы можемъ только благодарить судьбу за то, что уши расположены у насъ такимъ образомъ, что въ нихъ никогда не могутъ попадать одновременно тождественные и по силѣ, и по качеству звуки. У сумасшедшихъ всякое появленіе звуковъ и голосовъ внутри головы зависитъ, очевидно, отъ *равномѣрнаго* раздраженія обонихъ слуховыхъ центровъ, тогда какъ всякое преобладаніе раздраженія въ одномъ изъ нихъ даетъ локализацию звуковъ и голосовъ во внѣшній міръ. Это, по крайней мѣрѣ вытекаетъ изъ опытовъ съ телефонами проф. Тарханова.

Тѣ субъективныя звуковыя явленія, которыя появляются иногда у здоровыхъ людей центрально, т. е. въ головѣ, не производятъ такого тяжелаго впечатлѣнія именно потому, что они всегда бываютъ болѣе или менѣе слабыя и мало отчетливыя; но при сколько-нибудь значительной силѣ они производятъ гнетущее впечатлѣніе.

Такимъ образомъ мы видимъ, что слуховыя и зрительныя субъективныя явленія могутъ быть, съ одной стороны, периферическими, съ другой внутри-черепными. Спрашивается теперь: что происходитъ въ нашихъ нервно-мозговыхъ приборахъ при подобныхъ субъективныхъ явленіяхъ, т. е. спрашивается: сопровождаются ли они тѣми же самыми процессами въ нервно-мозговой ткани, съ какими соединена бываетъ всякая нервно-мозговая дѣятельность, вызванная внѣшними, падающими на наши органы ощущеній, раздраженіями? Мы смѣло можемъ отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ; потому что въ основѣ всей нашей организаци

лежитъ тотъ законъ, по которому всякое повтореніе, всякое воспоминаніе однажды бывшихъ движеній или ощущеній вызываетъ въ соответственныхъ тканяхъ и органахъ измѣненія и процессы, аналогичные тѣмъ, которые происходили въ нихъ при первичныхъ ощущеніяхъ или движеніяхъ. Эразмъ Дарвинъ доказалъ вѣрность этого положенія крайне остроумнымъ опытомъ. Известно, что всякій болѣе или менѣе полный покой нашихъ органовъ ощущеній ведетъ къ усиленію ихъ раздражительности, т. е. къ усиленію ихъ воспримчивости. Этимъ-то фактомъ и воспользовался Дарвинъ для провѣрки того, дѣйствительно ли наши представленія или, другими словами, наши воспоминанія о различныхъ однажды бывшихъ у насъ ощущеніяхъ сопровождаются известною работою соответственныхъ нервныхъ приборовъ. Опытъ его есть чисто субъективный и состоитъ изъ слѣдующаго приема, который каждый можетъ примѣнить на себѣ. Закрывъ глаза, Дарвинъ совѣтуетъ сосредоточить все свое вниманіе на какой-нибудь пѣснѣ, мелодіи и затѣмъ, внезапно открывъ глаза, тщательно замѣтить, насколько свѣтъ будетъ рѣзать ихъ; затѣмъ снова закрыть глаза и думать о какомъ-нибудь зрительномъ предметѣ, хотя бы, напр., о знакомой мѣстности, лицѣ и т. д., и затѣмъ, открывъ ихъ, замѣтить насколько свѣтъ будетъ рѣзать глаза на этотъ разъ. По словамъ Дарвина, (я сама неоднократно убѣждалась тоже въ вѣрности этого) глаза оказываются гораздо менѣе чувствительными къ свѣту въ тѣхъ случаяхъ, когда мы, закрывъ ихъ, сосредоточиваемъ свое вниманіе на зрительныхъ представленіяхъ, чѣмъ когда мы думаемъ о слуховыхъ ощущеніяхъ. Тотъ же самый опытъ можно продѣлать, какъ я убѣдилась, и надъ другими органами ощущеній: такъ напр., холодная вода кажется намъ гораздо холоднѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда мы передъ погруженіемъ руки

въ воду думаемъ объ ощущеніяхъ тепла, или о чемъ-нибудь, не имѣющемъ никакой связи съ температурными ощущеніями, и, напротивъ, впечатлѣніе холода, получаемое нами, бываетъ отчетливо смягчено въ тѣхъ случаяхъ, когда мы передъ погруженіемъ уже думали о томъ, что сейчасъ погрузимъ свою руку въ холодную воду.

Какъ у органовъ зрѣнія и слуха, такъ и у всѣхъ остальныхъ органовъ ощущеній имѣются точно также свои субъективныя явленія, своя субъективная жизнь. Такъ напр., термические нервы зачастую даютъ намъ ощущенія субъективнаго холода или субъективнаго жара; осязательные нервы тоже даютъ цѣлый рядъ субъективныхъ явленій, хотя бы, напр., то ощущеніе легкаго покалыванія или щекотанія, которое мы ощущаемъ въ концахъ нашихъ пальцевъ, когда сосредоточимъ на нихъ вниманіе (Джонъ Гѣнтеръ); но, конечно, зрительныя субъективныя явленія оказываются наиболѣе разнообразными и многочисленными именно потому, что органъ зрѣнія играетъ первенствующую роль въ развитіи нашей психической жизни.

Итакъ, каждое представленіе о какомъ-нибудь ощущеніи или воспоминаніе ощущенія вызываетъ въ соотвѣтственныхъ приборахъ и тканяхъ нашего тѣла такого рода измѣненія и процессы, которые, быть можетъ, только количественно, но никакъ не качественно разнятся отъ процессовъ, протекавшихъ въ нихъ при первичныхъ подобныхъ же ощущеніяхъ. Такимъ образомъ, уже прямыми опытами (Спирро, Бирдъ) доказано, что стоитъ человѣку подумать о какомъ-нибудь мышечномъ движеніи—и въ соотвѣтственной мышечной группѣ являются соотвѣтственныя легкія сокращенія; такъ напр., когда мы думаемъ словами, то у насъ въ соотвѣтственныхъ мышечныхъ приборахъ пробѣгаютъ, такъ сказать,

легкіе слѣды тѣхъ сокращеній, которыя нужны для произнесенія данныхъ словъ, и такъ во всемъ. Этою особенностью нашей нервно-мышечной организаціи ловко пользуются такъ называемые специалисты чтенія мыслей (Тархановъ). Само собой разумѣется, что чѣмъ слабѣе развита сознательная сторона въ человѣкѣ, чѣмъ слабѣе его самообладаніе, тѣмъ сильнѣе выступаютъ подобные субъективные слѣды, какъ въ мышцахъ, такъ и въ нервахъ, и такимъ образомъ становятся понятными, какъ привычка нѣкоторыхъ людей думать вслухъ, такъ и подражательность дѣтей и дикарей.

Это своеобразное свойство нашей нервно-мозговой и мышечной организаціи оказывается крайне важнымъ для развитія всей нравственной стороны въ человѣкѣ; потому что нельзя сомнѣваться въ томъ, что главной основой всей нравственности служить чувство состраданія (Шопенгауеръ). Между тѣмъ не будь у насъ этой способности ощущать, чувствовать, переживать все о чемъ мы думаемъ и мы никогда бы не сѣумѣли сочувствовать чужому горю, чужимъ страданіямъ; такъ какъ для того, чтобы понимать чужія страданія надо ощущать хотя-бы слабый отблескъ ихъ въ своихъ собственныхъ нервахъ, тканяхъ и органахъ. Это понятно. Между тѣмъ чувство состраданія такъ важно въ дѣлѣ развитія всѣхъ человѣческихъ отношеній, что это отразилось даже на рѣчи; а именно всѣ цивилизованныя народы употребляютъ слово *безчеловѣчный* для обозначенія такихъ поступковъ, которые указываютъ на полное отсутствіе всякаго чувства состраданія, тогда какъ слово *человѣчный* зачастую употребляется вмѣсто сострадательный.

Это-то чувство состраданія было бы для насъ, повторяю, немислимо и невозможно, еслибы по самой организаціи нашей нервно-мышечной и нервно-мозговой системы мы не испытывали при каждомъ видѣ какого либо

движенія, при каждомъ представленіи о немъ тождественныхъ импульсовъ и раздраженій въ нервно-мозговыхъ и нервно-мышечныхъ приборахъ нашего тѣла. Такимъ образомъ, то же самое свойство нашей нервно-мышечной организаціи, которое, съ одной стороны, заставляетъ дѣтей повторять неволью каждое движеніе, каждую гримасу, которую они видятъ, съ другой стороны, ведетъ къ развитію въ человѣкѣ того альтруистическаго чувства, которое служитъ главной основой всякой нравственности, всякой морали, т.-е. состраданія.

Кальдеронъ прямо сказалъ, что для насъ нѣтъ разницы въ томъ, самимъ ли страдать, или видѣть страданіе другихъ. Жанъ-Жакъ Руссо тоже указывалъ на важное значеніе состраданія для нравственности; но чтобы представить фактическое доказательство того, какъ сильно можетъ отражаться чужое страданіе на людяхъ, принимающихъ въ нихъ горячее участіе, позволимъ себѣ привести слѣдующій случай: отецъ, возвращаясь домой, увидалъ, какъ его малютка-сынъ ущемилъ себѣ пальцы лѣвой руки въ дверяхъ; онъ страшно испугался и тотчасъ же почувствовалъ сильнѣйшую боль въ соответственныхъ пальцахъ своей лѣвой руки. Боль эта мучила его въ теченіе трехъ сутокъ. Случай этотъ передаетъ д-ръ Мейеръ, и подобныхъ случаевъ можно было бы привести нѣсколько. Упомянемъ еще о томъ общезвѣстномъ фактѣ, что видѣ чужой зѣвоты или рвоты нерѣдко вызываетъ и у насъ аналогичныя явленія, а д-ръ Тревиранусъ призываетъ даже возможность развитія воспаленія глазъ или какой-нибудь другой части тѣла подъ вліяніемъ того, что человѣкъ увидѣлъ подобное воспаленіе на другомъ субъектѣ. Д-ръ Динъ обнародовалъ слѣдующій случай: мать видѣла, что ребенокъ ея провелъ острое лезвіе перочиннаго ножа между губъ, и она тотчасъ же почувствовала боль въ губахъ, кото-

рая затѣмъ сильно опухли. Этимъ же объясняются и случаи такъ-называемой стигматизаціи, т.-е. появленіе красныхъ пятенъ на тѣхъ мѣстахъ рукъ и ногъ, на которыхъ у Спасителя были вбиты гвозди. Подобныя стигматизаціи наблюдались у экзальтированныхъ, истеричныхъ женщинъ въ католическихъ странахъ. Однимъ словомъ, на основаніи всѣхъ перечисленныхъ фактовъ можно заключить, что еслибы каждое представленіе о какомъ бы то ни было ощущеніи не вызывало въ нашихъ нервно-мозговыхъ приборахъ извѣстнаго болѣе или менѣе сильнаго отзвука, то мы никогда бы не могли понимать чужаго горя, чужаго страданія, никогда бы не могли сочувствовать своимъ ближнимъ, а безъ этого немислимо бы было и самое ученіе о нравственности, о долгѣ.

Вообще первичной основой всѣхъ нашихъ чувствъ и страстей служитъ рефлексъ, и вслѣдствіе этого-то всѣ наши чувства, по совершенно вѣрному замѣчанію Бэна, отличаются сильной склонностью къ распространенію, къ диффузій, такъ что каждое чувство легко осложняется другимъ болѣе или менѣе похожимъ на него по своимъ сосудодвигательнымъ эффектамъ. Такъ, напр., испугъ часто сопровождается гнѣвомъ, вѣроятно вслѣдствіе того, что вызванное имъ сокращеніе периферическихъ сосудовъ обуславливаетъ тѣмъ самымъ болѣе значительный приливъ крови къ внутреннимъ органамъ, а замедленная или даже приостановленная на время дыханіе и дѣятельность сердца ведутъ къ застойной гипереміи мозга; затѣмъ стремленіе организма уравновѣсить нарушенныя отправленія различныхъ органовъ вызываетъ учащенное дыханіе и усиленную дѣятельность сердца, и такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, получаютъ нѣкоторыя изъ физиологическихъ условій чувства гнѣва. Въ старину очень въ ходу было у нѣжныхъ родителей наказывать

дѣтей вслѣдъ за какимъ-нибудь опаснымъ и напугавшимъ ихъ паденіемъ, и это дѣлалось вовсе не ради педагогическихъ соображеній, а просто потому, что испугъ, причиненный имъ паденіемъ любимого ребенка, переходилъ у нихъ, вслѣдствіе диффузіи чувства, въ гнѣвъ.

Съ другой стороны, дѣти и истеричныя особы легко переходятъ отъ смѣха къ плачу. Какъ объяснить это, повидимому, противорѣчивое явленіе? При всякомъ сильномъ хохотѣ дыхательная дѣятельность сильно нарушается; поэтому оттокъ крови отъ головы затрудняется, лицо краснѣетъ, круговыя мышцы глазъ судорожно сокращаются, появляется обильное отдѣленіе слезъ, такъ что лицо сильно хохочущаго человѣка нельзя бываетъ, по вѣрному замѣчанію Дарвина, отличить отъ сильно плачущаго. То-же самое говоритъ и Рейнольдсъ, указывая на сходство выраженія въ лицѣ плачущей Маріи Магдалины и неистово смѣющейся вакханки. При этомъ вслѣдствіе затрудненнаго оттока крови отъ мозга нервная ткань лишена бываетъ необходимаго для ея нормальной дѣятельности количества кислорода, является подавленность нервной дѣятельности, сказывающаяся неприятными ощущеніями, однимъ словомъ состояніе мозга становится аналогичнымъ съ тѣмъ, которое наблюдается при сильномъ горѣ и тяжелой печали. А такъ какъ нервные приводы увѣдомляютъ мозгъ о сокращеніи мышцъ глазъ и такъ какъ всѣ нервно-мозговые и нервно-мышечные приборы, управляющіе этимъ сокращеніемъ, уже возбуждены къ усиленной дѣятельности, то понятно, что вслѣдствіе диффузіи и ассоціаціи нервныхъ ощущеній случайное, чисто механическое отдѣленіе слезъ легко можетъ перейти въ настоящій плачь. Дарвинъ указывалъ уже, что именно этимъ-то и слѣдуетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, объяснять переходъ судорожнаго хохота въ рыданія у истеричныхъ.

Итакъ, если первоначальная схема каждаго чувства состоитъ изъ рефлекса, т.-е. изъ опредѣленнаго ощущенія и вызываемаго имъ рефлекторно-мышечнаго движенія, то неудивительно подобныя переходы одного чувства въ другое, т.-е. подобная обобщаемость ихъ, такъ какъ всѣ рефлексы вообще легко обобщаются и легко распространяются также и на мышечныя группы, все одно какъ на мышцы послушныя волѣ, такъ и на мышцы сердца и сосудовъ, которыя почти вовсе недоступны вліянію воли.

Само собой понятно, что чѣмъ сильнѣе развито бываетъ сознаніе у того или иного человѣка, чѣмъ обильнѣе бываетъ запасъ представленій, тѣмъ многостороннѣе, разнообразнѣе будетъ ассоціація его нервно-мозговыхъ клѣточекъ, слѣдовательно тѣмъ слабѣе будетъ рефлекторная сторона каждаго чувства и тѣмъ полнѣе будетъ самообладаніе даннаго лица. Представимъ себѣ, что у дикаря вся нервная сила, затрачиваемая на вспышку гнѣва, распределяется только на тѣ нервно-мозговые приборы, которые управляютъ движеніями извѣстныхъ мышечныхъ группъ, тогда какъ у насъ въ то же самое время являются представленія о необходимости овладѣть собою, о вредныхъ послѣдствіяхъ гнѣва, о возможности сдѣлаться смѣшнымъ, являются воспоминанія о различныхъ случаяхъ, о различныхъ дѣйствующихъ въ настоящее время законахъ и т. д. Понятно, что у перваго должно явиться сильнѣйшее мышечное сокращеніе въ видѣ толчка, удара или тому подобнаго движенія, а у насъ все дѣло ограничится, быть можетъ, быстрой игрой краски на лицѣ и блескомъ глазъ. У идіотовъ вспышка гнѣва нерѣдко ведетъ къ взрыву общихъ судорогъ (Маудсли). Косвеннымъ подтвержденіемъ только что сказаннаго, можетъ служить тотъ общеизвѣстный фактъ, что у людей, пораженныхъ параличемъ одной по-

ловины тѣла, т.-е. гемиплегией, всякое душевное волненіе вызываетъ сокращеніе мышцъ только въ больной, недоступной сознательному волевому импульсу сторонѣ.

Итакъ, суммируя все сказанное, мы приходимъ къ тому заключенію, что исходной точкой, основной схемой каждаго чувства служитъ рефлексъ, и что высшее чувство человеческой души—чувство состраданія—мыслимо, возможно только въ силу того психофизиологическаго закона нашей организаци, по которому всякое представленіе о чемъ-нибудь, всякій видъ чужаго страданія, чужаго горя вызываетъ у насъ къ дѣятельности соотвѣтственныя ткани и приборы нашего тѣла. На основаніи этой способности нашей нервно-мозговой системы мы не можемъ видѣть зѣвоты безъ того, чтобы и самимъ не начать зѣвать, не можемъ видѣть веселыхъ, смѣющихся лицъ безъ того, чтобы и самимъ не принять въ этомъ весельѣ хотя какого-нибудь участія. Только благодаря этой особенности своей организации человечество и можетъ наслаждаться различными драматическими представленіями; безъ способности нашей сопровождать все, что мы видимъ или слышимъ, аналогичными иннервациями соотвѣтственныхъ двигательныхъ и чувствующихъ нервовъ, мы никогда не могли бы понимать драматическаго искусства.

Въ доказательство того, что эта способность человека радоваться чужою радостью и плакать и мучиться чужимъ горемъ основана на рефлексѣ, можно привести слѣдующій интересный случай изъ воспоминаній г-жи Пассекъ. Она какъ-то сидѣла у г-жи Герценъ въ то время, когда туда явился Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Хозяйка дома держала на рукахъ своего глухонѣмаго сына. Щепкинъ, чтобы позабавить ребенка, сдѣлалъ веселое лицо и принялся хохотать такъ заразительно, что и глухонѣмой ребенокъ привился радостно прыгать и смѣ-

яться. Тогда Щепкинъ вдругъ измѣнилъ лицо на печальное и заплакалъ настоящими слезами—мальчикъ удивился, серьезно посмотрѣлъ на него, нахмурился и заплакалъ что есть мочи. Щепкинъ снова сдѣлалъ веселое лицо, и Коля тоже, и такъ повторилось раза три. Ребенокъ былъ малолѣтній и ко всему этому еще глухонѣмой, слѣдовательно, Щепкинъ передавалъ ему то или иное настроеніе только путемъ мимики, т.-е. извѣстныхъ мышечныхъ сокращеній.

Само собой разумѣется, что все это было бы немислимо, еслибы наши нервно-мозговые приборы не были одарены субъективной, собственной жизнью, т.-е. еслибы они могли возбуждаться исключительно только подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій. Еслибы собственная жизнь нервно-мозговыхъ приборовъ была лучше изучена, то и основная разница между чувствами и мышленіемъ была бы лучше понята, потому что едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что эта разница сводится на то, что въ основѣ всевозможныхъ чувствъ всегда лежитъ субъективное возбужденіе периферическихъ нервныхъ приборовъ и соотвѣтственно съ этимъ болѣе или менѣе сильныя сосудодвигательныя измѣненія, сказывающіяся поблѣднѣніемъ, покраснѣніемъ лица, учащеніемъ или замедленіемъ пульса и т. д.; тогда какъ въ основѣ мысли лежитъ такая же субъективная дѣятельность, но только не периферическихъ, а однихъ центральныхъ, черепно-мозговыхъ приборовъ, за исключеніемъ развѣ, быть можетъ, тѣхъ периферическихъ приборовъ, которые связаны съ нашей рѣчью, такъ какъ мышленіе зачастую сопровождается какъ бы отраженіемъ, отзвукомъ тѣхъ словъ, изъ которыхъ слагается мысль, какъ въ ухѣ, такъ и въ органахъ рѣчи, и слѣдовательно тамъ должны, очевидно, происходить извѣстнаго рода функциональныя измѣненія.

Мы нѣсколько дольше остановились на субъективной, или собственной, жизни нервно-мозговыхъ приборовъ потому, что она лежитъ въ основѣ не только чувствованій и мышленія, но также и въ основѣ нашего воображенія. Наконецъ, понятно, что вся психическая жизнь человѣка во время сна выстраивается именно на основаніи этой субъективной жизни нашихъ нервно-мозговыхъ приборовъ. Безъ нея у насъ никогда бы не могли являться ни сновидѣнія, ни галлюцинаціи.

Такимъ образомъ, мы пришли къ тому выводу, что основой нашихъ сновидѣній служатъ тѣ же самые процессы, которые обуславливаютъ также и появленіе галлюцинацій; далѣе, что вся субъективная жизнь нервно-мозговыхъ приборовъ находится въ прямой зависимости отъ болѣе или менѣе богатаго запаса слѣдовъ въ той или иной нервно-мозговой области. Слѣдовательно, если наши заключенія вѣрны, то сновидѣнія должны встрѣчаться по преимуществу со стороны тѣхъ нервно-мозговыхъ приборовъ нашего организма, которые всего болѣе работаютъ во время бодрствующей жизни. Что же мы видимъ въ дѣйствительности? У всѣхъ нормальныхъ людей сновидѣнія состоятъ, по большей части, изъ зрительныхъ образовъ; такъ напр., если во снѣ видятъ грозу, то она, по большей части, ограничивается одною молніею, грома же не бываетъ слышно. Прямыми наблюденіями уже доказано, что зрительныя сновидѣнія составляютъ всегда главную канву сновидѣній, которая только дополняется ощущеніями со стороны другихъ органовъ нашихъ чувствъ. Послѣ зрительныхъ сновидѣній всего чаще наблюдаются у насъ слуховыя, тогда какъ сновидѣнія въ области осязанія, обонанія, вкуса, мышечнаго чувства и температурнаго встрѣчаются еще рѣже. Чисто слуховыя сновидѣнія, т.-е. при которыхъ человѣку снятся только одни звуки безъ всякихъ зри-

тельныхъ образовъ, наблюдаются только у людей музыкальныхъ, т.-е., другими словами, у людей съ сильно развитымъ слухомъ, но и при этомъ они все-таки составляютъ только 3,5% всѣхъ сновидѣній. Осложненія зрительныхъ сновидѣній звуковыми встрѣчаются въ 60% всѣхъ сновидѣній; въ 35% сновидѣнія осложняются также и ощущеніями изъ области осязанія, температурнаго и мышечнаго чувства; тогда какъ обонятельныя и вкусовыя ощущенія присоединяются къ зрительнымъ и слуховымъ всего только въ 5% всѣхъ сновидѣній.

Аналогичные результаты получены были при опредѣленіи частоты галлюцинацій, бывающихъ у психическихъ больныхъ; при этомъ тоже оказалось, что самыми частыми галлюцинаціями бываютъ зрительныя и слуховыя, а затѣмъ идутъ осязательныя, обонятельныя и вкусовыя (Макаріо). Подобная аналогія не удивительна, если мы знаемъ, что какъ сонныя грѣзы или сновидѣнія, такъ и галлюцинаціи слагаются изъ тѣхъ слѣдовъ, которые въ теченіе жизни накопились въ нервно-мозговыхъ приборахъ нашего тѣла. Впрочемъ справедливость требуетъ упомянуть, что уже Аристотель указывалъ на это, говоря, что сновидѣнія слагаются изъ тѣхъ слѣдовъ, которые оставляютъ въ насъ бывшія у насъ во время бодрствующей жизни ощущенія.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что субъективная жизнь нашихъ нервно-мозговыхъ приборовъ должна оказаться тѣмъ богаче и содержательнѣе, чѣмъ выше стоитъ по своему развитію тотъ или иной человѣкъ. Изъ наблюдений, которыя я производила въ общей сложности въ теченіе пяти лѣтъ на 37 субъектахъ различнаго возраста и развитія, прямо вытекаютъ слѣдующіе факты: во-первыхъ, чѣмъ неразвитѣе, необразованнѣе человѣкъ, тѣмъ меньше оказывается у него число сновидѣній, и наоборотъ, чѣмъ дѣятельнѣе идетъ мозговая жизнь у

того или иного лица, тѣмъ чаще оно видитъ сновидѣнія и тѣмъ разнообразнѣе бываютъ они по своему содержанию. Во-вторыхъ, чѣмъ неразвитѣе, необразованнѣе бываетъ тотъ или иной субъектъ, чѣмъ бѣднѣе оказывается его умственная жизнь, тѣмъ чаще сновидѣнія отличаются несообразностию и элементарностию и тѣмъ чаще они повторяютъ то, что было пережито подобнымъ субъектомъ наяву въ теченіе нѣсколькихъ предшествующихъ дней (въ 80% всѣхъ сновидѣній); тогда какъ у интеллигентныхъ, живущихъ мозговымъ трудомъ людей, сновидѣнія почти никогда не повторяютъ того, что было пережито подобными людьми наяву, а, напротивъ, у нихъ и въ сновидѣніяхъ сказывается творческая сила ихъ мозга, и притомъ наблюдается по большей части такого рода сновидѣнія, которыя создаютъ небывалыя положенія, небывалую обстановку. Число сновидѣній, въ которыхъ у интеллигентныхъ людей появлялись знакомыя лица, знакомая обстановка и, вообще, въ которыхъ замѣчались какіе бы то ни было отзвуки ихъ бодрствующей жизни со всѣми ея заботами и интересами, оказалось составляющимъ всего только 15% всѣхъ сновидѣній.

Спрашивается теперь, чѣмъ объясняется подобнаго рода разница между людьми различнаго образованія, различнаго развитія по отношенію къ частотѣ и къ качеству бывающихъ у нихъ сновидѣній? Помня все высказанное нами о собственной или субъективной жизни нашихъ нервно-мозговыхъ приборовъ, мы поймемъ, что чѣмъ больше слѣдовъ отъ прежде бывшихъ ощущений, представленій, чувствъ и мыслей будетъ накоплено у того или иного человѣка, тѣмъ и субъективная жизнь его нервно-мозговыхъ приборовъ должна будетъ оказаться богаче и разнообразнѣе; а такъ какъ сновидѣнія слагаются именно изъ этихъ имѣющихся въ наличности

нервно-мозговыхъ слѣдовъ, то понятно, что они должны быть тѣмъ обильнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ богаче окажется у даннаго человѣка запасъ подобныхъ слѣдовъ, служащихъ главнымъ матеріаломъ для всякой субъективной или самопроизвольной дѣятельности всѣхъ многочисленныхъ нервно-мозговыхъ приборовъ человѣческаго организма. Не менѣе понятно также, что чѣмъ выше по своему образованію и развитію стоитъ данный человѣкъ, тѣмъ богаче долженъ оказаться у него также и запасъ разнообразныхъ слѣдовъ отъ прежде бывшихъ ощущений, представленій, понятій, чувствъ и мыслей, такъ какъ этотъ основной капиталъ нашей нервно-мозговой системы растетъ соотвѣтственно съ развитіемъ, соотвѣтственно съ образованіемъ каждаго изъ насъ. Вслѣдствіе этого, чѣмъ выше развитіе даннаго человѣка, тѣмъ чаще сновидѣнія могутъ повторять предыдущіе стадіи его личнаго развитія и, наоборотъ, чѣмъ ниже, или примитивнѣе развитіе данныхъ людей, тѣмъ чаще сновидѣнія черпаютъ свое содержаніе изъ предыдущихъ періодовъ развитія всего вида, то есть изъ общихъ унаслѣдованныхъ отъ предковъ способностей нервно-мозговой системы и въ тоже время, при скудости наличнаго содержанія психическаго міра, сновидѣнія по необходимости должны будутъ повторять все снова и снова то, что занимало человѣка наяву, что наполняло его жизнь во время бодрствованія. У людей съ высокимъ личнымъ развитіемъ обиліе разнообразныхъ нервно-мозговыхъ слѣдовъ даетъ соннымъ грѣзамъ полную возможность не только воскрешать давно пережитыя и забытыя чувства, представленія и мысли, но и создавать изъ нихъ новыя сочетанія, новые никогда не существовавшіе образы.

Само собой понятно также, что чѣмъ выше личное развитіе того или иного человѣка, тѣмъ выше должно быть и развитіе того общества или народа, къ которому

онъ принадлежитъ и тѣмъ богаче и многостороннее долженъ быть запасъ унаслѣдованныхъ имъ слѣдовъ и возможностей, какъ въ его нервно-мозговыхъ приборахъ, такъ и во всѣхъ вообще органахъ его тѣла. Мыслители въ родѣ Канта, Ньютона, Джона Стюарта Милля, Дарвина, поэты въ родѣ Гёте, Шекспира, Пушкина, Леопарди, музыканты въ родѣ Баха, Бетховена, Грига, Глинки, или Чайковскаго могли явиться только при извѣстной высотѣ развитія всего народа или другими словами только при извѣстномъ богатствѣ наслѣдственно передаваемого отъ поколѣнія поколѣнью нервно-мозгового капитала. Не должно, вѣдь, забывать, что въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ до извѣстной степени суммируется жизненный опытъ и работа его родичей.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, въ сновидѣнiяхъ человѣкъ верѣдко снова переживаетъ предыдущiе стадии, какъ своего личнаго, индивидуальнаго развитiя, такъ и развитiя своего рода, своего вида и въ этомъ отношенiи изученiе сновидѣнiй можетъ дать очень цѣнныя указанiя для выясненiя различныхъ психологическихъ вопросовъ.

Сонъ, какъ мы сказали, есть ничто иное, какъ время отдохновенiя сознаниа и потому понятно, что, чѣмъ глубже бываетъ сонъ, тѣмъ меньше бываетъ у насъ сновидѣнiй и наоборотъ легкiй сонъ сопровождается обыкновенно болѣе или менѣе значительнымъ числомъ сновидѣнiй. Это понятно, такъ какъ для того, чтобы запомнить сновидѣнiе нужна уже извѣстная степень сознаниа и потому при глубокомъ снѣ, то есть при глубокомъ, полномъ покоѣ сознаниа мы уже не имѣемъ сонныхъ грѣзъ, или другими словами мы не помнимъ ихъ. Послѣ всего сказаннаго насъ уже не можетъ удивить тотъ фактъ, что люди, видящiе много сновидѣнiй каждую ночь, отличаются вообще болѣею потребностiю въ снѣ,

нежели тѣ, которые видятъ сновидѣнiя лишь рѣдко и въ скудномъ количествѣ (Ф. Гервагенъ). Сновидѣнiя, отчетливо и въ обилии доходящiя до сознаниа, нарушаютъ покой его и потому является потребностъ въ болѣе продолжительномъ отдохновенiи сознаниа, другими словами въ болѣе продолжительномъ снѣ.

На основании изслѣдованiй, произведенныхъ мною въ теченiе пяти лѣтъ на 37 субъектахъ, выяснилось, въ третьихъ, еще слѣдующее: въ большинствѣ случаевъ замѣчалось уменьшенiе частоты сновидѣнiй съ приближенiемъ старости, такъ что молодые люди и люди среднихъ лѣтъ видятъ болѣе сновидѣнiй, нежели пожилые (въ связи съ этимъ припомнимъ, что то же самое опредѣлено было и по отношенiю къ субъективнымъ зрительнымъ образамъ). Въ четвертыхъ было опредѣлено, что все, что особенно сильно занимало человѣка наяву, что поглощало его вниманiе, вкогда не входитъ въ составъ сновидѣнiй; вслѣдствiе этого въ случаѣ смерти дорогихъ намъ людей мы почти постоянно видимъ ихъ, въ первое время послѣ ихъ смерти, во снѣ живыми и здоровыми, и это мѣняется только тогда, когда горе наше, съ теченiемъ времени, ослабѣетъ и исчезнетъ. Въ пятыхъ, съ достовѣрностiю извѣстно, что кровотеченiя, истощающiя болѣзни, а также всѣ подавляющiя, гнетущiя чувства уменьшаютъ количество сновидѣнiй.

Здѣсь необходимо также припомнить, что и субъективные зрительныя явленiя, по словамъ знаменитаго Юганеса Мюллера, наблюдаются особенно хорошо и часто въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ чувствуетъ себя совершенно здоровымъ и покойнымъ.

Въ-шестыхъ, словесная рѣчь въ видѣ отдѣльныхъ фразъ и словъ встрѣчается въ сонныхъ грѣзахъ не болѣе какъ въ 8,5% всѣхъ сновидѣнiй каждаго лица, и то если въ одну группу отнести какъ собственную рѣчь, такъ

и рѣчь другихъ приснившихся лицъ, если же отдѣлать слышанную рѣчь отъ произнесенной, то на первую приходится всего только 1%; тогда какъ на зрительныя представленія во снѣ приходится 85% всѣхъ сонныхъ грѣзъ.

Извѣстно также, что въ сновидѣнiяхъ мы зачастую подбираемъ слова по созвучiю (Мори), подобно тому, какъ это дѣлаютъ сумасшедшiе, идиоты и дѣти. Такимъ образомъ, мы видимъ, что и въ этомъ отношенiи сонъ представляетъ извѣстную аналогию съ тѣмъ, что наблюдается вообще при слабомъ или ослабленномъ сознании.

Здѣсь излишне будетъ упомянуть о томъ, что въ нашихъ сновидѣнiяхъ мы почти никогда не видимъ своего лица, своей фигуры, а если и видимъ, то только послѣ того, когда мы почему-либо очень долго разсматривали себя наканунѣ въ зеркалѣ. Фактъ этотъ наводитъ невольно на предположенiе о томъ, что красавицы, много смотрящiяся въ зеркало, должны чаще видѣть свое лицо и фигуру во снѣ, нежели обыкновенные смертные. Относительно галлюцинацiй наблюдается тотъ же самый законъ, а именно: дейтероскопiя, т. е. галлюцинацiя, при которой люди видятъ самихъ себя, наблюдается очень рѣдко. Правда, Гёте имѣлъ подобную галлюцинацiю днемъ, среди поля, но за то извѣстно, что онъ былъ очень занятъ собою въ свои молодые годы.

Чтобы наглядно представить, какъ сильно частота сновидѣнiй зависитъ отъ большаго или меньшаго развитiя мозговой жизни, привожу нѣкоторыя цифровыя данныя, полученныя мною путемъ пятилѣтнихъ наблюденiй. У людей, работающихъ головой (профессора, писатели, ученые) и находящихся въ полномъ здоровьѣ, число ночей, во время которыхъ сновидѣнiя отсутствовали, колебалось между тремя и десятью въ теченiе мѣсяца; но стоило появиться какому-нибудь истощаю-

щему влiянiю, и число ночей безъ сновидѣнiй увеличилось отъ 10 до 20; съ другой стороны, у людей, принадлежащихъ къ нисшимъ слоямъ общества (кухарки, горничныя, швеи, кучера, разсылъные, солдаты), сновидѣнiя, при условiяхъ полного здоровья, отсутствовали обыкновенно отъ 8 до 25 разъ въ мѣсяцъ, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ отдѣльныхъ лицъ. Однимъ словомъ, чѣмъ богаче и дѣятельнѣе мозговая жизнь, тѣмъ больше сновидѣнiй.

Спрашивается теперь: чѣмъ же отличается душевная жизнь во время сна отъ такой жизни наяву, во время дѣятельнаго состоянiя сознания? Существуетъ ли подобная разница, и если существуетъ, то не можемъ ли мы на основанiи ея выяснитъ себѣ нѣкоторыя вопросы относительно условiй нашей психической жизни? Во снѣ, во время сновидѣнiй, мы зачастую являемся, такъ сказать, простыми зрителями тѣхъ образовъ и сценъ, которые проносятся передъ нами, и лишь сравнительно рѣдко мы участвуемъ въ сновидѣнiи въ качествѣ опредѣленной личности, своего я. Вслѣдствiе этого каждый изъ насъ совершаетъ во снѣ такого рода поступки, переживаетъ такого рода чувства, которые совершенно противорѣчатъ его основнымъ убѣжденiямъ, которые несовмѣстимы съ его характеромъ. Такъ напр. добрые, кроткiе, люди въ сновидѣнiяхъ превращаются иногда въ убiйцъ, въ изверговъ. Почему? Да именно потому, что вслѣдствiе усыпленiя сознания личныя приобрѣтенiя человѣка отступаютъ на заднiй планъ и въ дѣятельное состоянiе приходятъ унаслѣдованныя отъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ нервно-мозговые приборы съ соответственными имъ представленiями, чувствами, мыслями, а слѣдовательно и поступками. Во снѣ мы иногда, такъ сказать, переживаемъ, чувствуемъ то, что чувствовалъ. переживалъ который ни-

будь изъ нашихъ родичей. Въ качествѣ примѣра я могу указать на сонъ, описанный у Лоти; но при нѣкоторомъ вниманіи, впрочемъ, каждый изъ насъ найдетъ аналогичные сновидѣнія и въ своей личной жизни во время сна. Вообще во время сновидѣній представленіе о своей личности бываетъ выражено крайне слабо, а то и вовсе отсутствуетъ, какъ на это указывали уже нѣкоторые авторы (напр. Шписъ). Для насъ этотъ фактъ имѣетъ особенную важность, такъ какъ понятно, что представленіе о своей личности бываетъ тѣмъ отчетливѣе, чѣмъ сильнѣе бываетъ развито сознание человѣка, и наоборотъ, при слабомъ развитіи это представленіе бываетъ до-нельзя смутное и неопредѣленное. Въ поясненіе этого напомнимъ о маленькихъ дѣтяхъ, у которыхъ въ первые годы ихъ жизни сознание бываетъ завѣдомо слабое, неразвитое, и соотвѣтственно съ этимъ мы видимъ, что дѣти не могутъ даже понять значеніе слова я, и вмѣсто того, чтобы говорить я, они произносятъ гораздо болѣе трудныя для ихъ дѣтскаго говора слова, а именно свои имена, и толкуютъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. То же самое явленіе наблюдается и на идиотахъ (Бруссе), и на нѣкоторыхъ психическихъ больныхъ. Однимъ словомъ, при ослабленіи, при исчезаніи сознанія у людей, исчезаетъ также и самосознаніе, т. е. представленіе о самомъ себѣ, о своемъ собственномъ я. Слѣдовательно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда у насъ въ сновидѣніяхъ начинаетъ выступать представленіе о нашемъ собственномъ я, то это уже служитъ признакомъ частичнаго пробужденія нашего самосознанія. Во время глубокаго сна сознание спитъ, и всякое представленіе о нашемъ собственномъ я отсутствуетъ, и сонныя грѣзы проходятъ передъ нами какъ нѣчто постороннее, до насъ вовсе не касающееся. О подобныхъ сновидѣніяхъ мы или ничего не запоминаемъ, или, если запоминаемъ, то воспоминаніе о нихъ прихо-

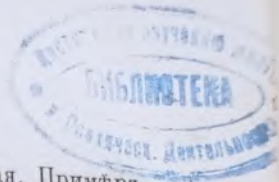
дитъ къ намъ послѣдовательно во время того легкаго утренняго сна, когда наше сознание уже успѣло отчасти проснуться; иногда, впрочемъ, подобное воспоминаніе бывшихъ у насъ сновидѣній совершается также днемъ, во время нашей бодрствующей жизни.

Это воспоминаніе бывшихъ и несознанныхъ нами сновидѣній совершается въ силу того же психо-физиологическаго закона, по которому мы слышимъ иногда послѣдовательно уже замолкнувшіе звуки человеческой рѣчи, или музыкальной мелодіи, или боя часовъ, т. е. слышимъ тѣ звуки, на которые мы не обратили вниманія, когда они раздавались около насъ, потому, что все наше сознание было сосредоточено на чемъ-нибудь другомъ. Подобное послѣдовательное воспоминаніе возможно только въ силу того, что каждое ощущеніе оставляетъ въ нашей нервно-мозговой системѣ болѣе или менѣе глубокой слѣдъ, а каждый слѣдъ обладаетъ способностью снова оживать и при отсутствіи всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній подъ влияніемъ, такъ сказать, волевого импульса, посылаемаго сознаниемъ. Наше сознание въ этихъ случаяхъ походитъ на хозяина, который, вернувшись въ свои владѣнія послѣ временной отлучки, внимательно всматривается во всѣ измѣненія, прибавленія, перемѣненія, происшедшія въ его владѣніяхъ за время его отсутствія, и принимаетъ ихъ къ свѣдѣнію.

Каждый знакомъ болѣе или менѣе съ подобными слѣдами, оставляемыми различными ощущеніями въ нашихъ нервно-мозговыхъ приборахъ. Напомнимъ, напр., о тѣхъ случаяхъ, когда, прослушавъ какую-нибудь пѣсню, мы продолжаемъ еще слышать мотивъ ея въ нашемъ ухѣ въ теченіе нѣкотораго болѣе или менѣе долгаго времени. Еще чаще приходится наблюдать въ себѣ зрительные слѣды, потому что глаза наши являются наиболѣе дѣятельными среди всѣхъ нашихъ органовъ

ощущений Известно напр., что если мы внимательно взглянемъ въ какую-нибудь мѣстность или вообще въ какой-нибудь предметъ, то, и закрывъ глаза, и от-вернувшись, мы продолжаемъ еще нѣкоторое время видѣть данную мѣстность, данный предметъ, иногда въ томъ видѣ, съ тѣми окрасками, съ какими мы видѣли его въ дѣйствительности (это называется положительнымъ слѣдомъ), иногда же видѣнныя мѣстности или предметы представляются намъ измѣненными такъ, что существовавшія въ дѣйствительности окраски замѣнились другими, т.-е. дополнительными: всѣ свѣтлыя части представляются намъ темными, а темныя, на оборотъ, представляются свѣтлыми (это и называется отрицательнымъ слѣдомъ). Каждый изъ насъ пробовалъ когда нибудь въ дѣйствіе смотрѣть на солнце, и помнитъ, вѣроятно, тотъ темный шаръ, который затѣмъ довольно долгое время носится передъ глазами.

Хорошо, — скажутъ намъ, — подобные слѣды остаются отъ дѣйствительныхъ ощущений, вызванныхъ внѣшними раздраженіями, внѣшними предметами; но сновидѣнія, которыя сами слагаются изъ подобныхъ слѣдовъ прежнихъ ощущений, развѣ онѣ могутъ оставлять, въ свою очередь, слѣды въ нашей нервно-мозговой системѣ? Что это дѣйствительно возможно и что наши субъективныя ощущенія тоже оставляютъ положительные и отрицательные слѣды — доказывается, съ одной стороны, наблюдениями Мейера надъ субъективными зрительными образами, а съ другой, также тѣми случаями, когда человекъ видѣлъ что-нибудь во снѣ и затѣмъ, проснувшись, продолжалъ при открытыхъ глазахъ видѣть ту же самую фигуру. Д-ръ Мейеръ вызвалъ у себя при закрытыхъ глазахъ появленіе въ темномъ полѣ зрѣнія образа серебрянаго стремени; затѣмъ, когда онъ открылъ глаза, то фигура стремени продолжала находиться у него передъ

глазами, но только не свѣтлая, а темная. Примѣръ этотъ доказываетъ, что субъективное вызванное наяву зрительное представленіе способно оставлять слѣды также, какъ и дѣйствительно видимые нами предметы.

Относительно сновидѣній можемъ привести слѣдующіе примѣры: д-ру Мейеру снилось, что онъ шелъ по берегу какого-то темнаго канала, и на него вдругъ напалъ небольшой свѣтло-желтый мопсъ, который лаялъ отчаянно и старался укусить его. Онъ проснулся и продолжалъ при этомъ видѣть фигуру мопса, но только не свѣтло-желтаго цвѣта, а совершенно чернаго. Проф. Бурдахъ видѣлъ во снѣ, что умершая дочь его возносится на небо, и, проснувшись при этомъ, продолжалъ нѣкоторое время и наяву видѣть еще фигуру дочери, поднимающейся по воздуху. Грюнтгуйзену снилось, что онъ видитъ молнію; проснувшись въ это мгновеніе, онъ продолжалъ видѣть полосу слабаго свѣта, затѣмъ мѣсто, на которомъ она находилась, стало представляться ему темнѣе всего остальнаго. Въ другой разъ ему снилось, что онъ ищетъ на полкахъ библиотеки одну книгу; онъ проснулся, и корешки книгъ продолжали и наяву бѣжать передъ его глазами слѣва направо. Подобный же случай приведенъ проф. Штрюмпелемъ: во снѣ одна дама видѣла гробъ, стоящій на печи, и массу голубыхъ цвѣтовъ, вылетавшихъ изъ одѣвала; — проснувшись, она продолжала видѣть и то и другое.

Мнѣ лично нѣсколько разъ приходилось видѣть и послѣ пробужденія, при открытыхъ глазахъ тотъ образъ, который мнѣ передъ тѣмъ снился во снѣ, при этомъ мнѣ удалось замѣтить, что главнымъ условіемъ для подобнаго продолженія образа сонной грѣзы во время бодрствованія служить неизмѣненное и послѣ пробужденія положеніе глазъ. Однимъ словомъ, мы продолжаемъ и наяву видѣть образъ, снившійся намъ во снѣ, въ тѣхъ

случаяхъ, когда пробужденіе приходится въ моментъ наиболѣе отчетливаго и яркаго сновидѣнія и при томъ, если пробужденіе это бываетъ спокойное, не сопровождаемое никакимъ движеніемъ, такъ что глаза наши и послѣ открытія вѣкъ, остаются устремленными на ту точку, на которой во снѣ имъ грѣзился тотъ или иной образъ. Вслѣдствіе этого продолженіе сонной грѣзы наяву удается всего лучше видѣть въ тѣхъ случаяхъ, когда пробужденіе происходитъ подъ вліяніемъ впечатлѣнія, производимаго самимъ сновидѣніемъ и когда при пробужденіи насъ не встрѣчаетъ ни рѣзкій шумъ, ни яркій свѣтъ, такъ что, открывъ глаза, мы остаемся въ томъ-же самомъ положеніи, въ какомъ находились во время прерваннаго пробужденіемъ сновидѣнія. Малѣйшее движеніе головы или глазъ обусловливаетъ немедленное исчезаніе образа сонной грѣзы. Наблюдая эти, оставляемые сновидѣніемъ, слѣды, я имѣла случай убѣдиться, что не только окраска видѣнныхъ во снѣ предметовъ мѣняется при пробужденіи въ остающихся зрительныхъ слѣдахъ; но и самый характеръ образа сонной грѣзы мѣняется въ оставленномъ слѣдѣ по закону контраста; такъ напр. лице, глядѣвшее на насъ во снѣ съ печалью или укоромъ, при пробужденіи носится иногда передъ нами вполне отчетливо; но только печальное выраженіе превращается въ улыбающееся, веселое. Очевидно, что и это есть своего рода отрицательный слѣдъ; но только психическій, гдѣ данное выраженіе, данное чувство замѣняется по закону контраста противоположнымъ, какъ бы дополнительнымъ чувствомъ. Я никогда не забуду того глубокаго впечатлѣнія, которое произвелъ на меня слѣдующій случай: во снѣ мнѣ приснился Ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнкѣ. Ликъ Спасителя, снилось мнѣ, былъ давно написанъ и поражающъ выраженіемъ глубокой и кроткой печали. Проснувшись я про-

должала видѣть передъ собою Божественный Ликъ Спасителя, но только выраженіе глубокой печали было замѣнено теперь радостной улыбкой!..

Сказаннаго, я думаю, достаточно для того, чтобы показать, что и сонныя грѣзы оставляютъ болѣе или менѣе глубокіе слѣды въ нашей нервно-мозговой системѣ, и по этимъ слѣдамъ сознаніе наше, при своемъ пробужденіи, возстановляетъ бывшія у насъ сновидѣнія. Работа сознанія въ этомъ отношеніи значительно облегчается закономъ ассоціаціи, по которому всѣ связанная во времени или въ пространствѣ ощущенія и представленія, понятія и чувства сохраняютъ наклонность взаимно вызывать другъ друга при своихъ повторныхъ появленіяхъ. Итакъ, воспоминаніе или, вѣрнѣе, послѣдовательное сознаніе сновидѣній возможно только въ силу того, что субъективная дѣятельность нервно-мозговыхъ приборовъ оставляетъ, въ свою очередь, опредѣленные слѣды, и что слѣды эти могутъ ожить по закону ассоціаціи ощущеній и представленій и подъ вліяніемъ направленнаго на нихъ вниманія. Далѣе мы видѣли, что представленіе о своемъ собственномъ я, бываетъ если и не уничтожено во время сна, то во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе ослаблено.

Дальнѣйшей особенностью психической жизни во время сна является то, что вниманіе перестаетъ быть произвольнымъ, а становится снова чисто рефлекторнымъ, т.-е. оно останавливается на томъ представленіи или ощущеніи, которое окажется сильнѣе другихъ. Въ этомъ отношеніи спящій человѣкъ опять оказывается похожимъ на маленькихъ дѣтей, на дикарей и на идиотовъ, у которыхъ вниманіе тоже оказывается чисто рефлекторнымъ и почти вовсе недоступнымъ волевымъ импульсамъ. Все, что мы видимъ во снѣ, представляется намъ во времени и въ пространствѣ, такъ что эти двѣ

основныя и прирожденныя намъ формы мышленія оказываются вполне дѣятельными и во время сна, т. е. во время отдохновенія сознанія; за то другой основной законъ нашей душевной жизни, т. е. тотъ законъ, по которому человѣку свойственно искать для каждаго дѣйствія, для каждаго явленія достаточной причины, оказывается во время сна совершенно почти отсутствующимъ, такъ какъ во время сновидѣній мы имѣемъ по большей части повѣстную послѣдовательность во времени и въ пространствѣ, но почти вовсе не замѣчаемъ въ сонныхъ грѣзахъ причинной связи.

Спрашивается: почему законъ достаточной причины оказывается по большей части бездѣйствующимъ во время сна? Именно потому, что этотъ законъ, по вѣрному замѣчанію Гельмгольца, есть чисто логическій прирожденный намъ законъ мышленія, и слѣдовательно онъ немислимъ безъ дѣятельнаго сознанія. Въ предыдущихъ главахъ мы не разъ упоминали о томъ, что всякая способность нашей души развивается постепенно и крѣпнеть подъ вліяніемъ упражненія и работы. Въ тоже время намъ уже приходилось говорить о томъ, что цѣлыя народныя массы проводятъ свою жизнь въ какихъ-то вѣчныхъ просонкахъ именно вслѣдствіе слабого развитія въ нихъ сознанія. Слѣдовательно, разъ сознаніе въ человѣчествѣ вообще находится еще на болѣе или менѣе низкой степени развитія, то понятно, что и законъ достаточной причины долженъ быть слабо выраженъ, если только предположеніе о томъ, что законъ этотъ немислимъ безъ сильнаго дѣятельнаго сознанія, вѣрно. Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Даже въ самыхъ цивилизованныхъ слояхъ общества намъ нерѣдко приходится встрѣчаться съ тѣмъ явленіемъ, что люди связываютъ въ качествѣ причины и слѣдствія самыя разнородныя, но слѣдующія другъ за другомъ явленія, и каждый изъ насъ можетъ нерѣдко

ловить самого себя на этой же логической ошибкѣ. И это встрѣчается не только въ общелиттѣ, но даже и въ научныхъ изслѣдованіяхъ и трудахъ. *Post hoc, ergo propter hoc!* Сколько заблужденій, а слѣдовательно и безцѣльныхъ страданій вынесло человѣчество изъ-за этого невѣрнаго примѣненія закона достаточной причины. Какъ сильно распространено извѣстное и донныѣ предположеніе, что если дитя захворало послѣ того, какъ его похвалили или посмотрѣли на него, то болѣзнь слѣдуетъ приписать дурному глазу, и если затѣмъ больнаго ребенка спрыснуть съ уголька и онъ выздоровѣетъ, то исцѣленіе его и по нынѣ приписываютъ именно цѣлебному дѣйствію воды съ углемъ, а затѣмъ примѣняютъ эту воду и въ другихъ случаяхъ ко вреду больныхъ. Благодаря такому же ошибочному примѣненію закона достаточной причины, въ современномъ обществѣ возможны такъ назыв. гомеопаты, которые свято вѣрятъ и исповѣдуютъ, что если больной выздоровѣетъ вслѣдъ за приѣмомъ ихъ нигилистическихъ крупинокъ, то, слѣдовательно, онъ выздоровѣлъ именно отъ этихъ крупинокъ, а не отъ дѣйствія цѣлебныхъ силъ самого организма. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи наблюдаются признаки нѣкотораго прогресса: правило *similia similibus curantur* не есть что-нибудь новое, придуманное гомеопатами. Въ доброе старое время вообще лѣкарства назначались по сходству съ болѣзнью, но не по сходству въ дѣйствіи, а по вѣншему сходству. Напримѣръ, желтую часть моркови прописывали при желтухѣ, потому что тутъ и лѣкарство, и болѣзнь отличались однимъ цвѣтомъ; отъ болѣзней сердца прописывали плодъ *limocarpus anacardium*, потому что онъ по формѣ своей напоминалъ человѣческое сердце; противъ болѣзней почекъ прописывали сѣмена, по формѣ своей походившія на почки, и т. д. (Фразеръ). Въ настоящее время все это кажется смѣшнымъ и дѣт-

скимъ, и потому приверженцы ученія о томъ, что болѣзни должны излѣчиваться схожими съ ними средствами, ищутъ этого сходства не во внѣшнихъ свойствахъ, а въ самомъ дѣйстви; а это все-же прогрессъ въ сравненіи съ добрымъ старымъ временемъ!

Спрашивается теперь: откуда взялось самое убѣжденіе, что лекарство должно отличаться сходствомъ съ болѣзью? Мнѣ кажется, что при этомъ ложномъ заключеніи люди руководились тѣмъ же стремленіемъ, которое заставляетъ ихъ ассоціировать во снѣ и вообще при ослабленномъ состояніи сознанія все такъ или иначе схожее, напр. слова по созвучію, различные образы, на основаніи какого-нибудь чисто случайнаго и внѣшняго сходства. Такая же точно склонность соединять совершенно несомѣстимое на основаніи одного только внѣшняго сходства замѣчается также и у необразованныхъ людей и особенно у душевно-больныхъ. Такъ напримѣръ, очень многія повѣрья и примѣты сложились именно на основаніи одного какого-нибудь сходства. Для примѣра укажемъ на слѣдующее: при отпѣваніи покойниковъ ставятся двѣ свѣчи въ головахъ и одна въ ногахъ, всего три—отсюда суевѣріе, что если зажгутъ три свѣчи на столѣ, то это къ покойнику и т. д. Въ сновидѣніяхъ и въ галлюцинаціяхъ люди дѣлаютъ еще болѣе неожиданныя сопоставленія: одного какого-нибудь сходства въ цвѣтѣ или въ формѣ оказывается достаточнымъ для соединенія совершенно разнородныхъ образовъ.

Такимъ образомъ, въ сонныхъ грѣзахъ все протекаетъ во времени и пространствѣ, но законъ достаточной причины почти вовсе отсутствуетъ, и это понятно съ нашей точки зрѣнія, по которой сонъ есть время отдохновенія сознанія,—между тѣмъ законъ достаточной причины немислимъ безъ сознанія, а потому онъ и не управляетъ вовсе міромъ нашихъ сновидѣній.

Въ связи съ этимъ находится также и тотъ фактъ, что въ сновидѣніяхъ мы по большей части ничему не удивляемся (Винтеръ), и это естественно, такъ какъ при отсутствіи сознательной логической мысли удивленіе невозможно, потому что оно появляется только тогда, когда какое-нибудь явленіе противорѣчитъ всѣмъ законамъ логическаго мышленія и въ особенности закону достаточной причины. По той же причинѣ дѣти и необразованные, неразвитые люди легко вѣрятъ всякой небылицѣ: при слабо развитомъ сознаніи они и не замѣчаютъ, если то или иное явленіе, тотъ или иной мнимый фактъ оказываются въ полномъ противорѣчій съ закономъ достаточной причины и вообще съ требованіями логической мысли. Для нихъ достаточно случайнаго сходства для того, чтобы соединить несомѣстимое, достаточно извѣстной послѣдовательности для того, чтобы признать совершенно разнородныя явленія за причину и слѣдствіе.

Въ этомъ отношеніи существуетъ полная аналогія между работой мысли у маленькихъ дѣтей и совершенно неразвитыхъ людей наяву и тѣмъ, что происходитъ въ сонныхъ грѣзахъ средняго интеллигентнаго человѣка. И въ томъ и въ другомъ случаѣ наблюдается болѣе или менѣе рѣзкая слабость сознанія, а, слѣдовательно, и логической, основанной на законѣ достаточнаго обоснованія мысли. Вообще разница между бодрствованіемъ и сномъ ступенчато и исчезаетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда бодрствующее сознаніе человѣка отличается своимъ слабымъ развитіемъ. Соотвѣтственно съ этимъ намъ нерѣдко приходится наблюдать, что дѣти, старики, а также и люди сильно ослабленные болѣзью, мѣшаютъ сновидѣнія съ дѣйствительностію. Тоже самое было замѣчено и на Каспарѣ Гаузерѣ, который, какъ я уже упоминала выше, въ 17—18 лѣтъ представлялся

по развитію своему стоящимъ на той-же почти ступени, на которой находятся дѣти въ первые годы своей жизни. О Каспарѣ Гаузерѣ прямо заявляли, что въ теченіе перваго года своей жизни среди людей, онъ никакъ не могъ научиться отличать сновидѣнія отъ происшествій дѣйствительной жизни и постоянно принималъ сонныя грезы за дѣйствительные факты.

Наконецъ, прежде, чѣмъ покончить съ затронутыми нами вопросами, мы должны еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ сновидѣніяхъ, гдѣ главную роль играютъ не образы, а слова, человѣческая рѣчь. Уже д-ръ Филиппъ справедливо указывалъ на то, что въ сновидѣніяхъ мы никогда не говоримъ такой бессмыслицы, какая намъ грезится въ образахъ. Это вполне понятно, если вспомнить, что рѣчь по преимуществу бываетъ орудіемъ логической мысли.

Нерѣдко въ сновидѣніяхъ людямъ снятся также разговоры, споры съ другими людьми, и притомъ зачастую мнимые противники поправляютъ ошибки и вообще высказываютъ болѣе сильные и убѣдительные доводы, нежели сами спящіе, которые и не сознаютъ, что они сами высказываютъ и за, и противъ. Этими сновидѣніями нѣкоторые авторы пользовались для того, чтобы доказывать двойственность нашего мозга, т. е. ту теорію, которую впервые высказалъ Виганъ, а затѣмъ защищали и многіе другіе авторы, какъ-то Фехнеръ, Браунъ, Секаръ, Самуэль Уильксъ, Верити и другіе.

Подобнаго рода сновидѣнія болѣе или менѣе близко подходят, конечно, къ случаямъ двойственнаго сознанія, о которыхъ мы говорили въ нашей второй лекціи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и при изученіи нашихъ сновидѣній мы опять приходимъ къ заключенію, что совъ есть время отдохновенія нашего сознанія. Сознаніе засыпаетъ, спитъ, и потому во время сна чело-

вѣкъ забываетъ всѣ свои горести и печали, забываетъ всѣ свои обиды.

Это еще, впрочемъ, не все. Печали и горести забываются во время сна не только потому, что сознаніе бездѣйствуетъ, а также и потому, что, какъ мы уже упоминали это выше, психическая жизнь во время сна никогда не повторяетъ того, что всего болѣе поглощало, занимало наше сознаніе во время бодрствованія. Вслѣдствіе этого при частичномъ пробужденіи сознанія во время сновидѣній люди никогда не видятъ того, что мучило, преслѣдовало и доводило ихъ до отчаянія во время ихъ жизни наяву. Это происходитъ, очевидно, вслѣдствіе того простаго закона, по которому наиболѣе работавшіе во время бодрствованія, наиболѣе напрягавшіеся приборы и ткани погружаются во время сна въ наиболѣе полный и глубокій покой. Такимъ образомъ тѣ представленія, мысли и чувства, которыя ассоціируются въ умѣ чловѣка съ его горемъ, съ его несчастіемъ и на которыхъ онъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе, все свое сознаніе при жизни на яву, оказываются во время сна погруженными въ полный покой и какъ-бы отсутствующими, несуществующими. Вслѣдствіе этого люди, переживающіе тяжелыя годы своей жизни, обыкновенно, при пробужденіи отъ сна, не могутъ сразу вспомнить свое горе; при пробужденіи они сознаютъ сначала только, что надъ ними тяготитъ что-то страшное, тяжелое, непріятное; но что именно, они не помнятъ. Нужно нѣкоторое время, нужно нѣкоторое усиліе памяти для того, чтобы въ сознаніи только что проснушагося чловѣка снова возстало то ужасное нѣчто, то горе, которое легло на его жизнь тяжелымъ гнѣтомъ, отравивъ ему въ данное время всѣ жизненныя радости и наслажденія.

Само собою понятно, что благодаря только что ука-

занному антагонизму психической жизни во время сна съ тѣмъ, что наблюдается наяву, организмъ людей оказывается защищеннымъ отъ многихъ болѣзней; потому что антагонизмъ этотъ устраняетъ въ значительной степени возможность переутомленія различныхъ участковъ и приборовъ головного мозга. Послѣ всего сказаннаго насъ уже не можетъ удивлять тотъ общеизвѣстный фактъ, что люди, страдающіе безсонницей въ періоды сильнаго горя или безпокойства, обыкновенно оказываются жертвами различныхъ нервныхъ или мозговыхъ болѣзней. И потому, если нормальный сонъ отсутствуетъ у человѣка, переживающаго какое либо горе или несчастіе, то, ради предосторожности, необходимо бываетъ добиться усыпленія хотя-бы приемами какихъ нибудь наркотическихъ средствъ.

Послѣ всего изложеннаго о характерѣ нашего сна и сновидѣній мы уже поймемъ, что Кантъ былъ правъ, говоря, что безъ сна и безъ надежды человѣкъ былъ бы самымъ несчастнымъ существомъ на землѣ. Сонъ это и есть та Лета, въ которую вѣрили древніе греки, но найти которую они надѣялись только по ту сторону гроба. Между тѣмъ, если намъ и нужно забвеніе, то уже, конечно, здѣсь на землѣ.

Выше намъ уже приходилось упоминать о томъ, что иногда при пробужденіи люди продолжаютъ видѣть передъ собою тѣ образы, которые входили въ составъ ихъ сонныхъ грѣзъ. Съ другой стороны, извѣстно также, что тѣ субъективные зрительные образы, которые мелькаютъ передъ людьми въ моменты, предшествующіе засыпанію, зачастую затѣмъ появляются также и въ сновидѣніяхъ (Мори). Наконецъ, мы пришли къ тому заключенію, что какъ сновидѣнія, такъ и галлюцинаціи имѣютъ въ основѣ своей одно и то же, а именно субъективную жизнь нервно-мозговыхъ приборовъ. Послѣ всего этого

неудивительно, что дремотные образы и самыя сновидѣнія могутъ переходить въ галлюцинаціи и что между сновидѣніями и сумасшествіемъ существуетъ извѣстная связь, какъ на это уже указывали многіе (Льебо, Эскироль, Винслоу, Моро, Байлярже и др.). Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ какое нибудь сновидѣніе повторяется болѣе или менѣе часто, и затѣмъ представленія, образы подобнаго сновидѣнія овладѣваютъ вниманіемъ человѣка наяву и въ концѣ концовъ поработаютъ его. Въ поясненіе приводимъ слѣдующій случай: 22-лѣтній несчастной случайности подъ колеса ихъ экипажа попалъ ребенокъ. При видѣ разможенной головки дитяти, человѣкъ этотъ былъ потрясенъ до-нельзя, и въ ту же ночь онъ во снѣ поднялся съ постели съ крикомъ: „о, спасите ребенка!“ Бредъ этотъ сталъ повторяться каждую ночь, иногда даже по два, по три раза. Больной кричалъ очень громко и пугалъ собственныхъ дѣтей. Разбудить его бывало иногда очень трудно, а проснувшись—онъ ничего не помнилъ. Впрочемъ онъ все-таки говорилъ женѣ, что его преслѣдуютъ страшныя сновидѣнія и что несчастный малютка не выходитъ у него изъ головы. Такъ дѣло шло въ теченіе двухъ лѣтъ; затѣмъ ночью же стали появляться приступы падучей болѣзни и больной быстро впалъ въ полное слабоуміе. Въ другомъ случаѣ человѣкъ началъ преслѣдовать тяжелыя сновидѣнія, во время которыхъ ему казалось, что его кто-то душитъ: онъ сталъ обвинять жившихъ съ нимъ товарищей въ томъ, что они каждую ночь душатъ его; когда же его помѣстили въ отдѣльную комнату, которую онъ запиралъ на ключъ, то онъ сталъ обвинять во всемъ чорта, т. е. именно того, кого человечество вообще привыкло обвинять во всѣхъ своихъ ошибкахъ и напастьяхъ. Молодой человѣкъ этотъ сошелъ съ ума. И та-

нихъ случаевъ можно бы было привести множество. На связь эту указывалъ уже Дидро.

Такимъ образомъ, сновидѣнія могутъ даже стать источникомъ сумасшествія; при этомъ всегда почти наблюдается, что сновидѣнія подобнаго рода повторяются по нѣскольку разъ кряду и, оставляя каждый разъ болѣе и болѣе глубокіе слѣды, наконецъ совершенно поработаютъ сознание. Кромѣ того люди, подпадающіе такимъ образомъ подъ гнетъ сновидѣній, обыкновенно трудно просыпаются и отличаются своею склонностью къ просонкамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что подобнаго рода люди съ самаго начала обладаютъ крайне слабымъ и вялымъ сознаниемъ, и, слѣдовательно, для подобнаго сознанія нужны постоянно извѣстныя (объективныя) впечатлѣнія изъ внѣшняго міра, для того, чтобы оно могло отличать образы, созданныя вслѣдствіе субъективной жизни нервно-мозговыхъ приборовъ, отъ тѣхъ, которые складываются въ немъ вслѣдствіе ощущеній, получаемыхъ извнѣ. И дѣйствительно, вѣрность такого заключенія подтверждается клиническими наблюденіями; такъ напр., д-ръ Кричтонъ прямо указываетъ, что лихорадящіе больные, т. е. люди, у которыхъ сознание ослаблено болѣзью, начинаютъ бредить или при затмѣнннй комваты, или когда они закрываютъ глаза, и бредъ прекращается при освѣщеніи комнаты и когда они открываютъ глаза. Д-ръ Мори передалъ свое наблюденіе надъ служанкой, которая всегда спитъ съ зажженной свѣчей, говоря, что свѣтъ ей необходимъ, такъ какъ при немъ она не видитъ тѣхъ противныхъ фигуръ, которыя начинаютъ мелькать передъ нею въ темнотѣ. Д-ръ Брахъ былъ очень подверженъ дремотнымъ галлюцинаціямъ со стороны общаго чувства и осязанія, при этомъ тѣло его казалось ему необычайно большимъ и тяжелымъ, способнымъ вытягиваться до самыхъ отдаленныхъ

звѣздъ, а вслѣдъ затѣмъ оно представлялось ему до того малымъ, что, повидимому, умѣщалось въ одной точкѣ. И въ этихъ случаяхъ опять достаточно было зажечь свѣчу, и всѣ подобныя ложныя ощущенія исчезали безслѣдно, слѣдовательно, свѣтъ устраняетъ не только однѣ зрительныя галлюцинаціи, но также и галлюцинаціи, относящіяся къ области другихъ чувствъ.

Это вліяніе ощущеній, получаемыхъ изъ внѣшняго міра, сказывается даже на сумасшедшихъ: такъ напр., Байлярже замѣтилъ, что галлюцинаціи, мучающія больныхъ, исчезаютъ при всемъ томъ, что нарушаетъ однообразіе ихъ жизненной обстановки, хотя бы, напр. при обходѣ врачами палаты. Еще интереснѣе случай, описанный у Треля: 200 человѣкъ помѣшанныхъ должны были быть перевезены изъ Сальпетріеры и Бисетра въ другія больницы. По этому поводу всѣмъ больнымъ выдано было новое платье, и все это, вмѣстѣ съ хлопотами отъѣзда, до того заинтересовало больныхъ, что они на время забыли о своихъ галлюцинаціяхъ и болѣзненныхъ идеяхъ, и вліяніе новыхъ ощущеній и впечатлѣній было такъ сильно, что даже маниакальные приступы, повторявшіеся въ теченіе 10—15 лѣтъ всегда въ опредѣленные сроки, теперь не появились у больныхъ, хотя переѣздъ пришелся какъ разъ на то время, когда должны были появиться эти приступы бѣшенства.

Съ другой стороны, извѣстно также, что и у совершенно нормальныхъ людей появлялся болѣе или менѣе сильный бредъ, когда ихъ, ради лѣченія болѣзни глазъ, помѣщали въ темную комнату и притомъ еще съ завѣшенными или завязанными глазами. Проф. Шмидтъ-Ришплеръ замѣчаетъ, что подобный бредъ наблюдался при совершенно нормальной температурѣ тѣла, и притомъ только у людей, принадлежавшихъ къ необразованнымъ, высшимъ слоямъ общества или же у стариковъ,

находившихся между 60—80 годами жизни, одним словом, у людей со слабым неразвитым сознанием или у таких, у которых сознание ослабло под влиянием возраста. Бредь этотъ объясняется внезапнымъ устранениемъ привычныхъ свѣтовыхъ раздраженій, которыя, доставляя мозгу цѣлый рядъ ощущеній, поддерживаютъ сознание въ дѣятельномъ состояніи и не даютъ ему засыпать. Бредь этотъ бывалъ буйный, и больные обыкновенно совершенно забывали, гдѣ они и что съ ними. Когда имъ снимали повязку съ глазъ и переводили въ свѣтлую комнату, то бредь тотчасъ прекращался. При обсужденіи случаевъ подобнаго рода слѣдуетъ всегда помнить, что впечатлительность нервно-мозговыхъ приборовъ возрастаетъ соотвѣтственно съ продолжительностью покоя. Такъ напр., въ случаѣ проф. Гарлея впечатлительность органа зрѣнія возросла послѣ 72 часового покоя до того, что слѣдъ отъ фиксированныхъ имъ обоевъ длился у него въ теченіе 25-ти минутъ, тогда какъ обыкновенно они длятся не болѣе $\frac{1}{30}$ и $\frac{1}{30}$ секунды.

Кромѣ того, такъ какъ субъективная жизнь нервно-мозговыхъ приборовъ тоже находится въ извѣстной зависимости отъ кровообращенія, то мы и видимъ далѣе, что появленіе и исчезаніе галлюцинацій, дремотныхъ образовъ и вообще бреда зависятъ также и отъ положенія. Такъ напр., знаменитый Пинель описалъ одну больную, у которой слуховыя галлюцинаціи появлялись, когда она ложилась, и исчезали, когда она садилась; а проф. Шредеръ-ванъ-деръ-Колькъ прямо указывалъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы по желанію можемъ вызывать бредъ у больныхъ: для этого стоитъ только положить ихъ голову болѣе или менѣе низко.

Такимъ образомъ, мы, по необходимости, приходимъ къ тому обязательному, въ виду приведенныхъ фактовъ,

заключенію, что всѣ наши дремотные образы, всѣ галлюцинаціи и явленія бреда, словомъ, всѣ проявленія субъективной жизни нервно-мозговыхъ приборовъ зависятъ отъ состоянія, въ которомъ находятся опредѣленные ткани нашего организма.

Такимъ образомъ, если извѣстная группа людей будетъ поставлена въ опредѣленные одинаковыя условія, то и сновидѣнія окажутся у нихъ одинаковыми. Въ литературѣ имѣются описанія подобнаго рода общихъ, одновременныхъ сновидѣній; такъ напр., Нудовъ рассказываетъ, что во время ночной бури почти всѣмъ путешественникамъ, ночевавшимъ въ одной гостиницѣ въ Данцигѣ, приснилось, что къ дверямъ гостиницы съ грохотомъ и шумомъ подъѣхала карета, и на слѣдующее утро всѣ они стали, каждый, въ свою очередь, разспрашивать служанку о томъ, кто именно пріѣхалъ ночью. Еще интереснѣе слѣдующее наблюденіе: баталіону, состоявшему изъ 800 солдатъ, пришлось ночевать въ оставленномъ аббатствѣ, о которомъ имъ рассказывали передъ тѣмъ, что въ немъ ходятъ привидѣнія въ видѣ черной собаки. Всѣмъ 800 солдатамъ приснилось около полуночи, что чортъ, въ видѣ черной собаки, бѣгаетъ по ихъ груди и душитъ ихъ, и всѣ они въ паническомъ страхѣ бросились бѣжать изъ аббатства. На слѣдующую ночь назначено было дежурство изъ офицеровъ для того, чтобы успокоить взволнованные умы солдатъ. Они спокойно заснули, но въ полночь всѣ снова повскакали съ своихъ мѣстъ, вслѣдствіе того же самаго кошмара. Дежурившіе офицеры, конечно, не видали ни чорта, ни собаки. Мѣсто ночевки пришлось перемѣнить. Случай этотъ объясняли предположеніемъ, что въ аббатствѣ воздухъ могъ быть загрязненъ примѣсью какого-нибудь негоднаго для дыханія газа, а настроенное разсказомъ о привидѣніяхъ воображеніе солдатъ объяснило чув-

ство удущья вмѣшательствомъ сверхъестественныхъ силъ.

Для вѣрнаго пониманія сновидѣній не слѣдуетъ забывать также, что и въ нихъ господствуетъ привычная ассоціація ощущеній, представленій, чувствъ и понятій. Въ заслуживающемъ вниманія сочиненіи г. Сергѣева подробно упоминаются наблюденія одного неизвѣстнаго автора надъ зависимостью сновидѣній отъ опредѣленныхъ ассоціацій между какимъ-либо однимъ ощущеніемъ и цѣлымъ рядомъ представленій и мыслей. Опыты были обставлены слѣдующимъ образомъ: находясь въ опредѣленной мѣстности, въ опредѣленныхъ условіяхъ жизни онъ всегда употреблялъ одни какія нибудь духи; затѣмъ при отъѣздѣ изъ данной мѣстности или при прекращеніи давныхъ занятій онъ тотчасъ переставалъ употреблять эти духи и замѣнялъ ихъ другими, которыми и пользовался въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, оставляя первые духи все это время герметически закрытыми. Если въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ автору ни разу не случалось видѣть во снѣ оставленной мѣстности или занятій, то онъ вынималъ отложенные въ сторону духи и отдавалъ ихъ своему слугѣ съ приказаніемъ какъ нибудь въ теченіе слѣдующихъ недѣль смочить ими уголь его подушки рано утромъ, когда слугѣ удастся войти къ нему въ спальню, не разбудивъ его и когда не будетъ подлежать сомнѣнію, что баринъ его спитъ крѣпкимъ сномъ. Каждый разъ запахъ опредѣленныхъ духовъ вызывалъ въ умѣ спящаго представленія о той мѣстности, о тѣхъ условіяхъ жизни, при которыхъ эти духи были употребляемы авторомъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Эти наблюденія неизвѣстнаго автора особенно цѣнны потому, что въ нихъ намѣренно вызывались въ сновидѣніяхъ опредѣленные образы; но въ медицинской литературѣ разсѣяны многія случай-

ныя наблюденія надъ зависимостью сновидѣній отъ опредѣленныхъ ассоціацій. Такъ напр., извѣстно, что приложенная къ подошвамъ грѣлка вызываетъ въ сновидѣніи представленіе о хожденіи по горячей лавѣ на склонѣ горы Везувій, или напр., человекъ, перенесшій тяжелое воспаленіе глазъ въ Египтѣ, десять лѣтъ спустя, начинаетъ чуть не ежедневно видѣть во снѣ различныя мѣстности Египта, различныя сцены изъ своей жизни тамъ и рѣшительно не знаетъ чѣмъ объяснить себѣ эту странность. Эти сновидѣнія продолжаютъ съ замѣчательнымъ упорствомъ въ теченіи нѣкотораго времени, а затѣмъ у даннаго человека появляется сильное воспаленіе глазъ, которое очевидно подготовлялось въ теченіе нѣкотораго времени и по ассоціаціи болѣзненныхъ ощущенія со стороны глазъ вызывали въ сновидѣніяхъ картины изъ прежней жизни въ Египтѣ. Въ другихъ случаяхъ ассоціація бываетъ не такая очевидная. Такъ напр., очень многіе люди видятъ во снѣ рыбу въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ предстоитъ болѣзнь вслѣдствіе расстройства пищеварительнаго канала. Покойный Сергѣй Петровичъ Боткинъ говорилъ мнѣ, что онъ наблюдалъ подобное совпаденіе и на самомъ себѣ и кромѣ того я лично имѣла неоднократно случай убѣдиться на одной очень дорогой мнѣ особѣ, что всякая рыба во снѣ пророчитъ близкую болѣзнь въ сферѣ желудка или кишекъ. Нѣкоторые авторы, писавшіе о сновидѣніяхъ, пытались объяснить эти совпаденія тѣмъ, что болѣзненные ощущенія, предшествующія явному заболѣванію, доходятъ до сознанія во время его незанятаго состоянія и такъ какъ они получаютъ съ поверхностей органовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе продолжную форму, то въ умѣ нашемъ и вызывается представленіе о рыбѣ. Предполагать, конечно, все можно; но удастся ли доказать вѣрность этого предположенія—это другой вопросъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ

сомнѣнію, что очень многія сновидѣнія вызываются разнообразными впечатлѣніями, падающими на спящаго извнѣ и пробуждающими, по закону ассоціаціи, въ умѣ его ту или иную группу представленій, чувствъ и мыслей.

Разобравъ выше тѣ случаи, когда сновидѣнія и различные дремотные или субъективные образы переходятъ, наконецъ, въ галлюцинаціи и обуславливаютъ полное разрушеніе здороваго сознанія, т. е., другими словами, обуславливаютъ развитіе душевной болѣзни, мы должны теперь остановиться нѣкоторое время на противоположныхъ случаяхъ, т. е. на отсутствіи сновидѣній, и постараться уяснить себѣ значеніе подобнаго отсутствія. Спрашивается прежде всего, возможно ли полное отсутствіе сновидѣній? Рѣшеніе этого вопроса оказывается окруженнымъ значительными трудностями и мнѣнія авторовъ расходятся въ этомъ отношеніи до того сильно, что они прямо утверждаютъ діаметрально противоположныя вещи, а именно, одни доказываютъ, что сонъ безъ сновидѣній немислимъ, тогда какъ другіе, напротивъ того, признаютъ всякое сновидѣніе за патологическое явленіе сна.

Намъ уже неоднократно приходилось упоминать о томъ, что сонъ есть время отдохновенія сознанія и при томъ преимущественно той формы его, которая неразрывно соединена съ представленіемъ человѣка о его собственной личности, о его собственномъ я, слѣдовательно, сонъ есть время отдохновенія, преимущественно, самосознанія каждаго человѣка. Вслѣдствіе этого-то и становится возможнымъ тотъ уже упомянутый нами раньше фактъ, что во время сна, человѣкъ нерѣдко примѣняетъ снова тотъ самый способъ мышленія, сужденій, чувствованій и умозаключеній, который былъ свойственъ прежнимъ періодамъ развитія не только его самого, но и его рода. Все, что было выработано нашими болѣе

или менѣе отдаленными предками, все, что было пережито ими, перечувствовано, все, что было выстрадано ими въ теченіи вѣковъ и сформулировано въ опредѣленные образы, способности и движенія было преемственно унаслѣдовано нами въ видѣ скрытыхъ способностей и возможностей нашей нервно-мозговой системы и вотъ во время сна, когда наше личное самосознаніе бездѣйствуетъ, начинаютъ иногда оживать въ насъ эти безсознательно унаслѣдованные нами психическія приобрѣтенія нашихъ родичей. Кому не случалось въ сновидѣніяхъ совершать такого рода поступки, которые противорѣчили всему складу его характера, всѣмъ его убѣжденіямъ и вкусамъ, однимъ словомъ, кому не случалось совершать въ сновидѣніяхъ такого рода поступки, о совершеніи которыхъ наяву онъ не могъ бы даже и подумать и мысль о которыхъ была ему до того неприятна, что онъ не могъ даже хладнокровно, безъ отвращенія, вспоминать о бывшемъ у него сновидѣніи? Такъ, напр., добрѣйшіе, честнѣйшіе люди совершаютъ иногда въ сновидѣніяхъ самые безчестные и самые жестокіе поступки. Какъ-же объясняются подобнаго рода сновидѣнія? Очевидно, они объясняются ничѣмъ инымъ, какъ именно тѣмъ, что засыпаніе, бездѣйствіе личнаго сознанія, т. е., самосознанія человѣка, ведетъ къ временному оживанію въ немъ во время сновидѣній того, что было унаслѣдовано имъ въ скрытомъ состояніи отъ самыхъ отдаленныхъ его предковъ. И чѣмъ выше по своему развитію стоитъ данный человѣкъ, тѣмъ больше, шире оказывается и область подобныхъ ретроспективныхъ или атавистическихъ сновидѣній.

Понятно также, что чѣмъ болѣе сновидѣніе является атавистичнымъ, чѣмъ болѣе оно представляется инороднымъ, пародоксальнымъ для бодрствующаго сознанія человѣка, тѣмъ труднѣе должно быть запоминаніе его.

Это, съ одной стороны. Съ другой стороны, запоминаніе сновидѣній затрудняется также еще и тѣмъ, что сознание человѣка во время сна находится въ болѣе или менѣе глубокомъ покоѣ; а вмѣстѣ съ нимъ бездѣйствуетъ и вниманіе и память. Правда, при пробужденіи, сознанию легко бываетъ возстановить содержаніе сновидѣній по оставленнымъ ими слѣдамъ, но только тогда, когда сновидѣнія эти не противорѣчатъ личному самосознанію человѣка, или другими словами, когда они складывались изъ представленій, чувствъ и мыслей, выработанныхъ самимъ человѣкомъ и составляющихъ его личное психическое содержаніе. Напротивъ того, сознание человѣка лишь съ большимъ трудомъ можетъ по оставленнымъ слѣдамъ, снова возстановить все построеніе сновидѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда самое сновидѣніе состояло изъ чуждыхъ нашему самосознанію элементовъ, уваслѣдованныхъ нами отъ нашихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ и находящихся, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи во время бодрствованія. Тутъ послѣдовательное воспоминаніе сновидѣній оказывается невозможнымъ, потому что оставленные ими слѣды представляются до того парадоксальными, до того противорѣчащими личному самосознанію личности, что сознание рѣшительно теряется и не знаетъ какъ группировать, какъ ассоціировать оставленные сновидѣніемъ слѣды, которые являютъ самымъ дикимъ диссонансомъ среди наличнаго психическаго содержанія бодрствующаго самосознанія. Вслѣдствіе этого всѣ ретроспективныя, атакъ истическія сновидѣнія запоминаются людьми только тогда, когда они являютъ уже подъ утро, т. е. когда отдохнувшее сознание уже начинаетъ отчасти просыпаться и когда самая необычайность сонныхъ грезъ еще болѣе будитъ сознание. Каждому изъ насъ случалось, конечно, видѣть подобныя сновидѣнія и при этомъ

во снѣ же успокаивать свое просыпающееся самосознаніе мыслью, что все это ни болѣе, какъ только сонъ. Въ другихъ случаяхъ, подобныя атакъ истическія сновидѣнія до того поражаютъ и возмущаютъ личное сознание человѣка, что обуславливаютъ немедленное пробужденіе спящаго. Такъ, напримѣръ, мирный и добрый человѣкъ нашихъ дней просыпается въ ужасѣ, съ ощущеніемъ неприятнаго стѣсненія въ области сердца, и даже съ холоднымъ потомъ на лбу въ тѣхъ случаяхъ, когда субъективная игра различныхъ приборовъ и элементовъ его нервно-мозговой системы переносятъ его во снѣ въ чуждую ему лично обстановку и заставляетъ его совершить какой-нибудь звѣрскій поступокъ, немислимый въ наши дни; но когда-то, прежде, въ дали вѣковъ, являвшійся вполне возможнымъ. Въ виду этого Маудслей и говоритъ, что „еслибы мы отвѣчали за наши сновидѣнія, то не было бы человѣка, который бы не заслуживалъ вѣсилы“.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, ретроспективныя или атакъ истическія сновидѣнія погружаютъ человѣка въ прежнія стадіи развитія сознания его рода и, если они не потрясаютъ и не пробуждаютъ хоть отчасти заснувшее самосознаніе человѣка, то при пробужденіи онъ лишень бываетъ всякой возможности снова возстановить тѣ образы, чувства и представленія, которыя участвовали въ построеніи его сонныхъ грезъ. Кромѣ того для того, чтобы запоминать, замѣчать сновидѣнія требуется извѣстный навыкъ, извѣстная сноровка и всѣ, кому приходилось заниматься изслѣдованіями сновидѣній, знаютъ, что этотъ навыкъ развивается и крѣпнетъ у людей при обыкновенныхъ условіяхъ современной жизни, нѣтъ вовсе поводовъ къ развитію этого навыка замѣчать сновидѣнія и потому очень многіе люди видятъ снови-

дѣнія, но настолько мало обращаютъ на нихъ вниманія, что даже вовсе не сознаютъ присутствія у себя сновидѣній. Намъ и наяву случается видѣть вещь и, не обративъ на нее вниманія, утверждать затѣмъ, что мы вовсе и не видѣли ея. Тоже самое гораздо чаще и гораздо легче происходитъ и съ бывающими у насъ сновидѣніями; но это еще не даетъ намъ права утверждать, что сонъ мыслимъ безъ сновидѣній. Напротивъ того, зная о существованіи такъ назыв. субъективной жизни въ нашихъ нервно-мозговыхъ тканяхъ и элементахъ и зная далѣе, что сонъ есть только время отдохновенія нашего сознанія въ той формѣ его развитія, которую мы называемъ самосознаніемъ, мы по необходимости должны признать, что каждый сонъ непременно долженъ сопровождаться сновидѣніями.

Само собой разумѣется, что чѣмъ впечатлительнѣе и здоровѣе бываетъ та или иная нервно-мозговая система тѣмъ и слѣды, оставляемые въ ней каждой мыслью, каждымъ чувствомъ или представленіемъ, будутъ стойче и отчетливѣе и, слѣдовательно, тѣмъ легче будетъ просыпающемуся сознанію возстановить по нимъ тѣ сонныя грѣзы, тѣ сновидѣнія, которыя наполняли и оживляли психическій міръ заснувшего человѣка. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что чѣмъ сильнѣе и пышнѣе развито сознаніе даннаго человѣка, тѣмъ меньше оно нуждается въ снѣ и, слѣдовательно, тѣмъ легче всякое сновидѣніе можетъ пробудить хоть до нѣкоторой степени спящее сознаніе. Въ связи съ этимъ намъ становится понятнымъ, почему именно число сновидѣній оказывается тѣмъ значительнѣе, чѣмъ выше по своему развитію стоитъ тотъ или иной наблюдаемый нами человѣкъ. Въ этомъ случаѣ число сновидѣній оказывается больше только потому, что всякое развитіе идетъ рука объ руку съ большею впечатлительностію нервно-мозговой си-

стемы, съ большею дѣятельностію сознанія и, слѣдовательно, съ болѣе благоприятными условіями для запоминанія сновидѣній и, наоборотъ, чѣмъ ниже развитіе даннаго человѣка, тѣмъ и условія для запоминанія сновидѣній бываютъ у него хуже. Само собой разумѣется, что для сравненія слѣдуетъ всегда брать людей одного и того же возраста, потому что впечатлительность нервно-мозговой системы рѣзко мѣняется съ возрастомъ, также какъ и стойкость оставляемыхъ въ ней слѣдовъ. Вслѣдствіе этого молодые субъекты вообще видятъ гораздо больше сновъ, нежели люди зрѣлаго возраста (Гервагенъ). Въ подтвержденіе того, что отъ личнаго развитія каждаго зависитъ и качество и содержаніе его сновидѣній можно сослаться на фактъ, замѣченный профессоромъ Маудслеемъ, а именно, что въ то время, когда наяву человѣкъ бываетъ занятъ научнымъ трудомъ, требующимъ строго систематическаго мышленія, то и сновидѣнія его начинаютъ отличаться большею логичностію и послѣдовательностію.

Жанъ Поль Рихтеръ указывалъ также на преобладаніе страшныхъ и уродливыхъ сновидѣній и объяснялъ это тѣмъ, что для пріятныхъ и прекрасныхъ сновъ требуется прежде всего строгая послѣдовательность и вообще извѣстный порядокъ, тогда какъ для страшныхъ достаточно и беспорядочно причудливой игры сонныхъ грѣзъ. По всѣмъ вѣроятіямъ красивыя и пріятныя сновидѣнія должны всего чаще встрѣчаться у людей съ сильно развитымъ художественнымъ чувствомъ.

Послѣ всего сказаннаго нами, мы уже прямо можемъ заключить, что такъ называемое отсутствіе сновидѣній имѣетъ неблагоприятное значеніе, такъ какъ оно всегда указываетъ на слабость слѣдовъ, съ одной стороны, и на слабость ассоціацій и сознанія съ другой, и, слѣдовательно, всякое сколько-нибудь значительное отсут-

стві сновидній всегда можетъ служить признакомъ несоответственной слабости всей умственной жизни. Наши наблюдения убѣдили насъ, что отсутствіе сновидній нерѣдко служитъ предвѣстникомъ развитія душевной или нервной болѣзни. Макарію указывалъ также, что при слабоуміи сновиднія почти совершенно отсутствуютъ. Кромѣ того, извѣстно, что у стариковъ сновиднія по большей части вертятся на воспоминаніяхъ изъ ихъ дѣтскихъ и молодыхъ лѣтъ, и это понятно, такъ какъ мы знаемъ, что при разрушеніи умственныхъ силъ человѣка всегда прежде всего гибнутъ его послѣднія приобрѣтенія, прежде всего исчезаютъ тѣ слѣды, которые были оставлены въ сравнительно недавнее время. Мы указывали уже на связь всей субъективной жизни нашей нервно-мозговой системы, а слѣдовательно и сновидній, съ имѣющимся у каждаго изъ насъ запасомъ различныхъ ощущеній, и потому естественно задаться вопросомъ о томъ, что именно наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда у людей уничтоженъ бываетъ тотъ или иной изъ органовъ чувствъ, или когда у нихъ, напр., отсутствуетъ одна изъ конечностей ихъ-тѣла. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ работа Германна, который наблюдалъ болѣе ста слѣпыхъ и опредѣлялъ у нихъ какъ характеръ сновидній, такъ и частоту ихъ; при этомъ выяснилось, что у слѣпыхъ вообще сновиднія встрѣчаются рѣже, нежели у совершенно нормальныхъ людей; затѣмъ, субъективные зрительныя представленія и ощущенія оказались совершенно отсутствующими у тѣхъ слѣпыхъ, которые потеряли зрѣніе до пятилѣтняго возраста.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда зрѣніе было уничтожено между 5 и 7 годами жизни, субъективные зрительныя представленія, а вмѣстѣ съ ними и зрительныя сновиднія оказывались сохраненными; но при этомъ онѣ со-

хранялись тѣмъ лучше и изъ тѣмъ болѣе молодого возраста, чѣмъ выше стояли тѣ или иные слѣпые по своимъ умственнымъ способностямъ; и наоборотъ, онѣ утрачивались тѣмъ скорѣе, чѣмъ тупѣе оказывались данные субъекты; такъ что наименѣе интеллигентные никогда не имѣли зрительныхъ образовъ въ своихъ сновидніяхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣпота поражала ихъ въ семилѣтнемъ возрастѣ.

Само собой разумѣется, что сохраненіе зрительныхъ образовъ, зрительныхъ представленій было возможно только въ тѣхъ случаяхъ, когда центральныя части зрительнаго прибора оставались еще сохраненными; иначе у больныхъ исчезали даже всякіе слѣды зрительныхъ ощущеній и представленій. Чтобы дать понятіе о той стойкости, съ которою могутъ сохраняться слѣды прежнихъ ощущеній и представленій въ центральныхъ частяхъ зрительныхъ приборовъ, упомянемъ о двухъ слѣпыхъ, у которыхъ зрительныя сновиднія длились 52 и 54 года послѣ разрушенія периферическихъ частей органа зрѣнія, и только по прошествіи этихъ долгихъ лѣтъ они, наконецъ, исчезли.

Изъ наблюдений надъ оглохшими и онѣмѣвшими вслѣдствіе этого людьми оказалось также, что, если глухота развивается ранѣе 5 лѣтъ, то больные постоянно забываютъ разговорную рѣчь; возрастъ 5—7 лѣтъ оказался и въ этомъ отношеніи критическимъ. Кромѣ того и въ этомъ отношеніи опять было найдено, что чѣмъ значительнѣе были умственные силы подобныхъ больныхъ, тѣмъ лучше и тѣмъ раньше оказывались они способными сохранять разговорную рѣчь, несмотря на появленіе глухоты; напротивъ того, при слабыхъ умственныхъ силахъ появленіе глухоты даже въ 6, 7 лѣтъ вело все же къ потерѣ разговорной рѣчи, и больные становились глухонѣмыми.

Рядомъ съ этими наблюденіями интересно было наблюдене надъ сновидѣніями урода, который родился безъ рукъ и безъ ногъ. Этотъ субъектъ никогда не видалъ себя во снѣ съ нормальными конечностями. У другихъ подобныхъ уродовъ наблюдалось обратное явленіе, а именно: они представляли себя во снѣ съ нормальными конечностями. Очевидно, что разница эта обуславливалась слабостію наследственно переданныхъ слѣдовъ, съ одной стороны, и отчетливостію ихъ, съ другой. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи все зависитъ отъ того, уцѣлѣли ли хоть отчасти соотвѣтственные нервно-мозговые приборы, а также отъ состоянія умственныхъ силъ того или иного субъекта и отъ отчетливости его наследственныхъ слѣдовъ.

Спрашивается теперь: какъ мѣняются сновидѣнія у людей, подвергнутыхъ искусственному удаленію той или иной конечности, путемъ операціи? Наблюденія, произведенныя въ этомъ направленіи, показали, что ампутированные никогда не видятъ себя во снѣ ходящими на костыляхъ, а всегда съ нормальными конечностями, которыя съ теченіемъ времени только начинаютъ представляться имъ все болѣе и болѣе укороченными. Далѣе было выяснено, что и наяву подобные больные представляютъ себѣ удаленную конечность цѣльной и нормальной, и особенно отчетливо они чувствуютъ у себя присутствіе отсутствующихъ пальцевъ, т. е. именно гѣхъ частей, гдѣ особенно сильно развита какъ чувствительность вообще, такъ и осязаніе въ частности. Затѣмъ, съ теченіемъ времени конечность, удаленная операціей, начинаетъ казаться имъ все короче и короче, пока, наконецъ, пальцы не соединятся въ ихъ представленіи съ культой, т. е. съ оставшейся послѣ операціи частью. Кроме того, было замѣчено, что эта галлюцинація бываетъ особенно отчетливо выражена въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда рана послѣ операціи зажила быстро и безъ хлопотъ; напротивъ того, если заживленіе раны сопровождалось нагноеніемъ и болями, то галлюцинаціи о цѣлости ноги могутъ и вовсе отсутствовать. Очевидно, эта разница объясняется тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ челоуѣкъ получаетъ массу ощущеній съ того мѣста, гдѣ произведенъ былъ разрѣзъ, и при помощи этихъ ощущеній успѣваетъ освоиться съ измѣненной формой своей конечности. Наблюденій надъ людьми, у которыхъ конечность была удалена въ очень ранніе годы жизни, произведено не было, и потому мы ничего не можемъ сказать относительно того, съ какихъ лѣтъ начинаются только-что описанныя галлюцинаціи.

На основаніи всего сказаннаго, сновидѣнія раздѣляются на внутри-черепныя, или центральныя, и на периферическія, или внѣ черепныя. Первые зависятъ отъ дѣятельности заложенныхъ въ черепномъ мозгу нервно-мозговыхъ приборовъ, а вторыя — отъ дѣятельности тѣхъ нервныхъ приборовъ, которые размѣщены внѣ черепа. Кроме того, сновидѣнія могутъ быть раздѣлены на такія, которыя зависятъ отъ собственной жизни нервно-мозговыхъ приборовъ, и такія, которыя вызываются раздраженіями, падающими на спящаго челоуѣка извнѣ. Этого рода сновидѣнія могутъ быть названы также наведенными. Такъ напр., грѣлки, приложенныя къ ногамъ, могутъ навести спящаго на представленіе о хожденіи по горячей лавѣ, о Везувіи или Этнѣ, и тому подобное.

Въ настоящей главѣ мы уже не разъ указывали, что количество сновидѣній прямо пропорціонально силѣ сознанія, а это послѣднее находится въ тѣсной зависимости отъ стойкости и глубины слѣдовъ, оставляемыхъ различными ощущеніями и представленіями въ нашей

нервно-мозговой системѣ. Спрашивается: когда появляются первыя сновидѣнія у дѣтей? Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что сновидѣнія бываютъ у дѣтей съ первыхъ дней жизни, но только сновидѣнія эти по необходимости вертятся на томъ скудномъ запасѣ ощущеній и представленій, который имѣется у новорожденного ребенка. Въ доказательство можно указать на то, что сосательныя движенія во время сна наблюдаются у дѣтей уже въ первыя недѣли ихъ жизни. Болѣе сложныя сновидѣнія, сопровождаемыя хохотомъ, мы встрѣчали у шестимѣсячныхъ дѣтей. Сознательные рассказы о бывшихъ сновидѣніяхъ являются, конечно, только тогда, когда ребенокъ овладѣетъ разговорной рѣчью. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи наблюдаются большія индивидуальныя различія, такія же различія, какія наблюдаются во времени появленія рѣчи у различныхъ дѣтей, а также и во времени, къ которому относятся первыя воспоминанія дѣтства. Обыкновенно люди помнятъ событія своего дѣтства съ 5—7-лѣтняго возраста, но въ отдѣльныхъ случаяхъ воспоминаніе заходитъ гораздо раньше, а именно, взрослые люди помнятъ нѣкоторыя событія, бывшія съ ними въ возрастѣ двухъ, трехъ лѣтъ. Самое раннее воспоминаніе относилось, сколько намъ извѣстно, къ 11 мѣсяцамъ; въ этомъ случаѣ человекъ запомнилъ всю обстановку и всѣхъ лицъ, бывшихъ при его первой самостоятельной ходьбѣ. Подобная память мыслима, конечно, только при замѣчательно счастливой организаціи центральной нервной системы.

Итакъ, при воспитаніи дѣтей должно обращать серьезное вниманіе на ихъ сонъ и на характеръ бывающихъ у нихъ сновидѣній и на частоту ихъ. Дѣло въ томъ, что въ медицинской литературѣ имѣется уже достаточно указаній на то, что тяжелыя, безпокойныя сновидѣнія

зачастую служатъ предвѣстниками близкой болѣзни. Слѣдовательно, если дѣти стонутъ, плачутъ во снѣ, если они пробуждаются ночью въ безумномъ испугѣ и страхѣ и не могутъ придти въ себя (такъ-называемые ночные страхи дѣтей), то все это указываетъ на серьезное нарушеніе здороваго равновѣсія и требуетъ внимательнаго отношенія и помощи со стороны разумнаго врача. Точно также и отсутствіе или значительная рѣдкость сновидѣній у дѣтей служитъ неблагоприятнымъ признакомъ и потому требуетъ серьезнаго вниманія. Не должно забывать, что мозговое переутомленіе, которымъ такъ часто страдаютъ и дѣти, и взрослые люди современной эпохи, прежде всего начинаетъ сказываться на сновидѣніяхъ. Такимъ образомъ, сновидѣнія могутъ до извѣстной степени предупреждать насъ о грозящей организму болѣзни.

Кромѣ этой, такъ сказать, косвенной пользы, сновидѣнія приносятъ человѣчеству еще и прямую пользу, а именно тѣмъ, что онѣ даютъ возможность дѣятельности такимъ приборамъ головного мозга, которые на яву остаются безъ всякаго употребленія. Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы уже упоминали о вредѣ всякаго однообразія въ чувствахъ и въ мысляхъ, и вотъ въ этомъ-то отношеніи сновидѣнія оказываются особенно полезными, такъ какъ онѣ вносятъ извѣстное разнообразіе въ самую монотонную, въ самую безсодержательную жизнь. Для неимущихъ людей сновидѣнія замѣняютъ собою развлеченія и удовольствія, какъ на это указывали уже неоднократно, между прочимъ, Давидсонъ, Бурдахъ, Новалисъ и др. Новалисъ прямо говоритъ, что сновидѣнія являются оплотомъ противъ слишкомъ однообразной правильности и тривиальности бодрствующей жизни, и далѣе основательно указываетъ, что мы старѣли бы гораздо быстрѣе, если бы у насъ отсут-

ствовали сновидѣнія. И не только старѣли бы, но и тупѣли бы быстрѣе, прибавимъ мы отъ себя.

Чтобы наглядно представить эту сторону вліянія сновидѣній, припомнимъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что всѣ явленія старчества выступаютъ тѣмъ скорѣе и рѣзче, чѣмъ ниже по своему развитію и своимъ мозговымъ силамъ стоялъ тотъ или иной человѣкъ. Сильно развитыя, а потому могучія умственныя силы идутъ всегда рука объ руку съ энергичнымъ сознаниемъ; а оно оказывается лучшей броней противъ разрушительнаго дѣйствія времени. И дѣйствительно, біографіи выдающихся личностей указываютъ, что онѣ и въ преклонные, старческіе годы жизни отличаются такими душевными качествами, которыя у обыкновенныхъ смертныхъ встрѣчаются только въ счастливую пору молодости и полнаго расцвѣта силъ.

Кромѣ того, для надлежащей оцѣнки пользы сновидѣній слѣдуетъ помнить, что жизнь цѣлой массы людей проходитъ среди такой сѣренькой будничной обстановки, что, проживъ долгую жизнь, они не выносятъ изъ нея даже воспоминаній, заслуживающихъ вниманія. Намъ пришлось видѣть старуху 60 лѣтъ, у которой самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ изъ-всей ея долгой жизни было воспоминаніе одного сновидѣнія! Интересно было видѣть, какъ она оживлялась, когда принималась комунибудь рассказывать свой завѣтный сонъ о томъ, какъ она, бѣдная женщина, попала въ гости во дворецъ, къ самому царю! Она никогда не уставала рассказывать этотъ сонъ со всѣми его подробностями, и сновидѣніе это положительно скрасило ея сѣрую будничную жизнь, придало ея жизни поэтической отгѣнокъ!

Наконецъ, каждому, вѣроятно, приходилось испытывать, что мысли, съ которыми мы никакъ не могли справиться наяву, напр. когда намъ приходилось при-

нять какое-нибудь рѣшеніе, принимали вполнѣ определенную форму послѣ спокойно проведенной ночи. Это вліяніе сна замѣтилъ уже и народъ, и отсюда-то явилась извѣстная поговорка: „утро вечера мудренѣе“. У нѣмцевъ есть аналогичное выраженіе, заключающееся въ совѣтъ ничего не рѣшать, пока не проспидь одной ночи послѣ появленія того или иного вопроса. Изъ заявленій различныхъ ученыхъ, писателей и музыкантовъ мы знаемъ, что многія мысли, планы для новыхъ работъ, новыя мелодіи появлялись у нихъ впервые во время сновидѣній (Бурдахъ, Лотце, Вольтеръ, Тартини, Макаріо и др.), и потому многіе авторы прямо утверждаютъ, что и въ нашей литературѣ, и въ нашей наукѣ есть много такого, что является прямо результатомъ мозговой дѣятельности во время сна (Ланге, Гельмгольцъ, Гривингеръ, Броди, Маудсли, Бенеке, Гербартъ, Фехнеръ и т. д.) и вообще результатомъ бессознательной мозговой дѣятельности. Особенно интереснымъ представляется, въ связи со всѣмъ высказаннымъ нами, слѣдующее наблюденіе проф. Макаріо: молодая учительница музыки, принимаясь разучивать какую-нибудь трудную пьесу, вынуждена бывала зачастую прерывать это изученіе прежде, чѣмъ она успѣвала одолѣть всѣ трудности. При этомъ она замѣтила, что если въ сновидѣніяхъ ей грезилось, что она разучиваетъ недоученую пьесу, то на другой день послѣ пробужденія она всегда оказывалась вполнѣ способной разыграть недоученную пьесу съ полнымъ совершенствомъ. Проф. Макаріо самъ убѣдился, кажется, въ вѣрности этого факта.

Для полноты нашего очерка мы должны также остановиться нѣкоторое время на такъ-называемыхъ вѣщихъ или пророческихъ сновидѣніяхъ. Сновидѣнія этого рода распадаются, въ сущности, на двѣ группы: во-первыхъ,

на сновидѣнія, въ которыхъ человѣкъ во снѣ видитъ, что у него болитъ та или иная часть тѣла, и при пробужденіи дѣйствительно убѣждается въ вѣрности этого сновидѣнія, и во-вторыхъ, на сновидѣнія, въ которыхъ человѣкъ получаетъ указанія или на то, что ему слѣдуетъ дѣлать, или вообще на то, что ему предстоитъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: человѣкъ во снѣ видитъ, что его укусила въ ногу бѣшеная собака; проснувшись, онъ ничего не чувствуетъ, но дня два спустя у него появляется язва на томъ мѣстѣ, гдѣ его въ сновидѣніи укусила бѣшеная собака. Проф. Макаріо видитъ во снѣ, что разбойникъ ударилъ его кияломъ въ область сердца и при пробужденіи онъ находитъ у себя острую боль въ прекардіальной области. Въ другихъ случаяхъ больнымъ свится громъ, который оглушаетъ ихъ, и при пробужденіи они, дѣйствительно, оказываются оглохшими. Всѣ эти и тому подобныя сновидѣнія объясняются, конечно, тѣмъ, что во время сна сонныя грезы облекаютъ въ опредѣленные образы тѣ измѣненія въ самочувствіи человѣка, которыя обусловливаются уже начавшимся болѣзненнымъ процессомъ, но наяву проходятъ незамѣченными, потому что ихъ заглушаетъ цѣлая масса разнообразныхъ ощущений, представленій и чувствъ, пробуждаемыхъ въ человѣкѣ впечатлѣніями вѣшняго міра.

Примѣрами сновидѣній второго типа могутъ служить слѣдующія. Аберкромби въ теченіе нѣсколькихъ дней старался вспомнить, какой именно стихъ св. Писанія былъ заданъ ему вмѣстѣ съ цѣлымъ классомъ въ видѣ наказанія въ то время, когда ему еще было всего только 7 лѣтъ отъ роду. Всѣ старанія его оказались тщетными; но, заснувъ, онъ въ сновидѣніи увидалъ этотъ самый стихъ и при этомъ увидалъ также ту главу Іереміи, въ которой находился нужный ему стихъ. Тотъ же авторъ

передаетъ намъ слѣдующую исторію съ чиновникомъ банка, у котораго при подведеніи суточного счета оказался недочетъ въ 6 фунтовъ стерлинговъ. Какъ онъ ни напрягалъ свою память, онъ никакъ не могъ объяснить себѣ этого недочета. Ночью, въ сновидѣніи, онъ увидалъ заикающагося человѣка, который торопилъ его и получилъ не въ очередь 6 фунтовъ. При пробужденіи онъ провѣрилъ, и все оказалось совершенно вѣрнымъ. Д-ръ Льебо сообщилъ слѣдующее наблюденіе: одна изъ его больныхъ видѣла во снѣ, что она тонетъ и ее спасаетъ человѣкъ по фамиліи Ольри. Нѣсколько лѣтъ спустя къ ней входитъ незнакомецъ, котораго она тотчасъ же признаетъ за героя своего сновидѣнія, и, не давъ ему произнести ни слова, она спрашиваетъ его: „Вы Ольри?“—Да, я Ольри—отвѣчаетъ ей знакомый по сновидѣнію незнакомецъ. Льебо прямо замѣчаетъ, что подобное сновидѣніе могло бы быть признано за чудо, но при ближайшемъ разслѣдованіи оказалось, что г. Ольри жилъ недалеко отъ сказанной дамы, а именно всего на разстояніи 12 километровъ, и слѣдовательно она должна была встрѣчать его раньше, но, очевидно, забыла это также, какъ и его фамилію. Проф. Мори передаетъ слѣдующій аналогичный случай: господинъ М., за 25 лѣтъ до разказа, воспитывался и жилъ въ Монбризонѣ. Въ описываемое время онъ рѣшилъ посѣтить Монбризонъ, и наканунѣ отъѣзда онъ видитъ во снѣ свой пріѣздъ въ Монбризонъ, видитъ, что онъ встрѣчаетъ какого-то господина, который называетъ свою фамилію и говоритъ, что онъ былъ старымъ другомъ его отца. На другое утро онъ уѣхалъ, и когда пріѣхалъ въ Монбризонъ, то увидалъ совершенно ту же мѣстность, какую видѣлъ во снѣ, и вскорѣ затѣмъ встрѣтилъ и господина, видѣннаго имъ во снѣ, который въ дѣйствительности оказался только старше, чѣмъ какимъ

онъ его видѣлъ во снѣ. Фамилія этого господина оказалась той самой, какую онъ слышалъ во снѣ, и онъ дѣйствительно оказался другомъ его отца. Очевидно, что и въ этомъ сновидѣніи все зависѣло отъ невольнаго воспоминаія во время сна. Къ такимъ же вѣщимъ снамъ, основаннымъ на оживаніи старыхъ, заглохшихъ болѣе или менѣе слѣдовъ, принадлежитъ также и слѣдующій, приведенный у проф. Макаріо: сынъ, получившій въ наслѣдство послѣ отца землю, помнилъ, что отецъ уплатилъ за нее всю необходимую сумму сполна; но документовъ онъ представить не могъ, и ему вслѣдствіе этого, грозила потеря процесса, а слѣдовательно и земли. Наканунѣ окончательнаго рѣшенія дѣла, сынъ видитъ во снѣ отца, который говоритъ ему, что документы онъ найдетъ у прекратившаго свои дѣла нотаріуса. Проснувшись, сынъ отыскалъ указаннаго ему нотаріуса, досталъ необходимые документы и выигралъ процессъ.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ естественно задаться вопросомъ о томъ есть ли въ наукѣ доказательства того, чтобы память во снѣ могла оказаться болѣе дѣятельной, нежели наяву? Раньше мы видѣли, что память зависитъ отъ слѣдовъ, оставляемыхъ въ нашихъ клѣточкахъ и тканяхъ различными ощущеніями, чувствами, представленіями, однимъ словомъ, различными процессами. Кромѣ того, мы видѣли, что всѣ галлюцинаціи и всѣ сонныя грезы слагаются именно изъ подобныхъ слѣдовъ, а относительно слѣдовъ такой точный изслѣдователь, какъ Гельмгольцъ, указалъ уже, что на нихъ онъ зачастую замѣчалъ такія подробности, такія особенности, которыхъ онъ не замѣчалъ при изслѣдованіи соответственныхъ дѣйствительныхъ предметовъ. На то же самое указывалъ и Врентаво. Слѣдовательно, субъективная жизнь нашихъ нервно-мозговыхъ приборовъ, имѣющая своимъ матеріаломъ слѣды, накопившіеся у насъ въ теченіе

нашей жизни, можетъ иногда указать намъ такого рода свойства и особенности, на которыя мы не обратили вниманія при разсматриваніи и изученіи дѣйствительныхъ предметовъ.

Вслѣдствіе этого образы нашихъ сновидѣній, состоящіе всецѣло изъ различныхъ, какъ личныхъ, такъ и унаслѣдованныхъ родовыхъ или видовыхъ слѣдовъ, могутъ обратить наше вниманіе на такія особенности и частности, которыя ускользнули отъ насъ наяву; а это конечно, можетъ производить такого рода впечатлѣніе, какъ будто память наша оказывается сильнѣе во время сна, нежели наяву. Кромѣ того, во время сна устраняется, вслѣдствіе отдохновенія сознанія, всякое произвольное сосредоточиваніе вниманія и вслѣдствіе этого у насъ могутъ всплывать такіе образы, такія ассоціаціи, которыя были искусственно исключены изъ кругозора нашего сознанія слишкомъ упорнымъ и ограниченнымъ примѣненіемъ нашего вниманія. Въ результатъ этой большей свободы нашей психической жизни во время сна можетъ опять таки получиться воспоминаніе о такихъ фактахъ и подробностяхъ, которыя мы совершенно упустили изъ виду наяву.

Такимъ образомъ во снѣ мы дѣйствительно можемъ вспоминать многое такое, чего мы не помнили наяву; но только это зависитъ не отъ болѣе дѣятельной памяти, а отъ указанныхъ нами, такъ сказать, побочныхъ причинъ.

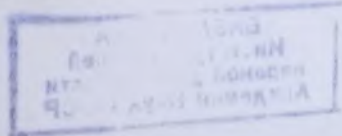
Этимъ и исчерпываются всѣ, такъ-называемыя, вѣщія сновидѣнія, пророческіе сны, доступные научному объясненію. Другихъ вѣщихъ сновъ, доступныхъ научному изслѣдованію, принять невозможно; хотя, правда, случается иногда, что намъ снится, что то или иное лицо обращается къ намъ съ опредѣленной неожиданной просьбой, и затѣмъ по прошествіи нѣсколькихъ

дней нашъ сонъ исполняется почти съ буквальною точностью. Подобнаго рода сновидѣнія объясняются или тѣмъ, что у насъ имѣлись всѣ необходимыя посылки для того, чтобы ожидать опредѣленнаго дѣйствія со стороны опредѣленнаго лица, но мы не сознавали ихъ, не обращали на нихъ вниманія, или же они объясняются простымъ совпадениемъ и случайностью.

Итакъ, сонъ немислимъ безъ сознанія, и всѣ измѣненія сознанія отражаются также и на снѣ. Въ заключеніе нашего очерка скажемъ нѣсколько словъ о томъ особомъ состояніи сознанія, которое извѣстно подъ названіемъ „чувства предсуществованія“: такъ, по крайней мѣрѣ, оно было впервые названо Вальтеромъ Скоттомъ. Это особое состояніе сознанія состоитъ въ томъ, что окружающая насъ новая обстановка, никогда невиданная мѣстность, или впервые переживаемая нами сцена кажутся намъ внезапно чѣмъ-то давно знакомымъ, уже прежде пережитымъ. При этомъ замѣчено было, что въ подобныхъ случаяхъ намъ всегда кажется, что мы все это видимъ *во второй* разъ, и никогда не кажется, что мы переживаемъ это въ третій или четвертый разъ. Подобное ощущеніе всегда производитъ на наше сознаніе какое-то странное впечатлѣніе; оно, такъ сказать, пугаетъ насъ своею загадочностью. Мы знаемъ, что никогда не видали, не испытывали ничего подобнаго, а наше сознаніе говоритъ намъ, что все это уже было однажды. Въ медицинской литературѣ уже обратили вниманіе на подобныя состоянія, и одни авторы (Иессенъ) старались объяснить это тѣмъ, что мы когда-нибудь читали описанія чего-нибудь подобнаго, или видѣли на картинахъ, или въ сновидѣніяхъ; другіе (Виганъ) объясняли это явленіе тѣмъ, что одно полушаріе успѣваетъ схватить всѣ подробности даннаго пейзажа или обстановки, тогда какъ другое мозговое полушаріе бываетъ

совершенно поглощено какими-нибудь соображеніями, или просто бываетъ временно утомлено и невоспримчиво; а когда оно начинаетъ сознательно воспринимать всѣ подробности окружающей его сцены, обстановки, то находить въ мозгу уже соответственные слѣды, и отсюда заключеніе челоуѣка, что онъ все это видитъ, или испытываетъ уже во второй разъ. Конечно, подобныя ошибки сознанія возможны: такъ напр., извѣстно, что Бетховенъ, придя въ ресторанъ, спросилъ карту обѣда, заказалъ его и затѣмъ принялся писать на оборотѣ той же карты начало одной изъ своихъ безсмертныхъ симфоній; когда же кельнеръ принесъ ему супъ, то Бетховенъ заплатилъ деньги за обѣдъ въ полной увѣренности, что онъ уже пообедалъ, и, не слушая возраженій и увѣреній, ушелъ домой. Очевидно, что поглощенное музыкальнымъ творчествомъ сознаніе, найдя въ мозгу слѣды, оставленные прочитанной картой обѣда и заказомъ его, вынесло ложное убѣжденіе относительно того, что обѣдъ уже былъ поданъ и съѣденъ.

Ошибки сознанія возможны, и объясненія вышеприведенныхъ авторовъ были бы вполне вѣроятны, еслибы только у насъ не было фактовъ, доказывающихъ, что подобнаго рода чувство предсуществованія можетъ появляться одновременно у двухъ людей, но всегда только у двухъ близкихъ родственниковъ, т. е. у двухъ сестеръ или братьевъ, и никогда оно, сколько намъ извѣстно, не появляется у двухъ постороннихъ другъ другу, но знакомыхъ лицъ. Какъ объяснить себѣ этотъ фактъ? Намъ кажется, что самымъ вѣроятнымъ объясненіемъ является въ подобныхъ случаяхъ предположеніе о томъ, что въ подобныя минуты жизни мы мгновеніями сознаемъ то, что было пережито, пережито, перечувствовано кѣмъ-нибудь изъ нашихъ, болѣе или менѣе близкихъ, или болѣе или менѣе отдаленныхъ родичей, т. е., слѣдовательно, въ

подобныя минуты мы наяву переживаемъ тоже самое, что намъ приходится испытывать во время такъ назыв. ретроспективныхъ или атактистическихъ сновидѣній. Современная наука уже признаетъ, что въ основѣ наследственной передачи всевозможныхъ особенностей душевнаго и физическаго склада, всевозможныхъ уродствъ и болѣзней, лежитъ непрерывность зародышевой плазмы (Вейсманнъ) или идиоплазмы (Негели). Мы знаемъ, что наши формы мышленія, т. е. необходимость представлять себѣ все во времени, въ пространствѣ, все имѣющимъ извѣстную достаточную причину, передаются намъ наследственно; мы знаемъ далѣе, что по мѣрѣ развитія и упражненія каждая душевная способность наша крепнетъ и растетъ. Мы знаемъ также, что характерныя жесты, особые таланты, особые способы выраженія, особенности почерка и самой мысли передаются по наследству отъ родичей потомкамъ, но, правда, безсознательно; мы знаемъ все это, и на основаніи этого позволяемъ себѣ мысленно заглянуть въ будущее и предположить, что настанетъ, наконецъ, такое время, когда сознаніе наше разовьется до того, что мы будемъ, такъ сказать, обратно сознать то, что было пережито, пережито нашими предками и что они передали намъ по наследству. И, слѣдовательно, теперешніе отдѣльные случаи такъ называемаго чувства предсуществованія суть ни что иное, какъ слабыя вспышки той предразсвѣтной зари, которая указываетъ намъ, что близится, хотя и издалека, свѣтлый день полнаго разсвѣта человѣческаго сознанія! И тогда, рядомъ съ непрерывностью зародышевой плазмы, людямъ науки придется изучать также и великую тайну непрерывности сознанія въ набѣгающихъ и смѣняющихся другъ друга волнахъ человѣческихъ поколѣній!

СТАТЬИ И СОЧИНЕНІЯ, ИМѢЮЩІЯ ОТНОШЕНІЕ КЪ ЧЕТВЕРТОЙ
ГЛАВѢ, ПОСВЯЩЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ СНА.

Imm. Kant, Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. 1800, Königsberg стр. 104.

Sagot, Quelques recherches sur la rapidité des sensations et la promptitude des opérations de l'esprit въ Archives générales de Médecine, 1853, т. II.

Donders, Schnelligkeit psychischer Prozesse въ Archiv für Anatomie und Physiologie 1868.

Kries und Auerbach, Die Zeitdauer einfachster psychischer Vorgänge въ томъ же журналѣ 1877.

Galton, Psychometric Experiments въ Inquiries into human Faculty. 1883.

М. М. Манасеина, О мозговомъ утомленіи и о способахъ опредѣленія его въ Краткомъ обзорѣ дѣятельности Педагогическаго Музея съ 1-го января 1883 г. по 1 мая 1884 г. Вв. Коховскаго 1885.

M. Trautscholdt, Experimentelle Untersuchungen über die Association der Vorstellungen въ Wundt's Philosophische Studien 1882 т. I, тетр. 2.

Max. Friedrich, Ueber die Apperceptionsdauer bei einfachen und zusammengesetzten Vorstellungen въ томъ же журналѣ 1881, т. I, тетр. 1 и 1883, т. II, тетр. 1.

Moldenhauer, Ueber die einfache Reactionszeit einer Geruchsempfindung въ томъ же журналѣ 1883.

James Mac Keen Cattell, Psychometrische Untersuchungen въ томъ же журналѣ Вундта 1886, т. III, тетр. 2 и 3 и 1887, т. IV, тетр. 2.

Volkelt, Erfundene Empfindungen въ Philosophische Monatshefte, т. XIX, стр. 513.

Wundt, Ueber die Messung psychischer Vorgänge въ Philosophische Studien 1882, т. I, тетр. 2.

- Merkel, Die zeitlichen Verhältnisse der Willensthätigkeit въ томъ-же журналѣ 1883, т. II, тетр. 1.
- Wundt, Ueber psychologische Methoden въ томъ-же изданіи 1881, т. I, тетр. 1. Его-же. Selbstbeobachtung und innere Wahrnehmung, тамъ-же 1887, т. IV, тетр. 2.
- Dietze, Untersuchungen über den Umfang des Bewusstseins bei regelmässig auf einander folgenden Schalleindrücken, тамъ-же 1884, т. II, тетр. 1.
- Emil Kraepelin, Zur Kenntniss der psychophysischen Methoden. Philos. Studien т. VI, тетр. 4, 1891.
- J. Merkel, Theoretische und experimentelle Begründung der Fehlermethoden, тамъ-же т. VII, тетр. 4, 1892.
- Bunge. Lehrbuch der physiologischen und pathologischen Chemie 1887.
- Bonnet, Essai analytique sur les facultés de l'âme 1769.
- Barracrough, The Medical Science and Medical Teaching въ The Medical Press 1874, 26-го августа.—Tyndall's Life стр. 97 и 149.
- Erasmus Darwin, Zoonomia or the laws of organic life 1796, т. I стр. 21.
- Gruithuisen, Beyträge zur Physiognosie und Eantognosie 1812, стр. 232 и слѣд.
- Johannes Müller, Ueber die phantastischen Gesichterscheinungen 1826.
- Purkinje, Beiträge zur Kenntniss des Sehens in subjectiver Hinsicht 1823 и 1825.
- Nasse, въ Zeitschrift für Anthropologie 1825, т. III, стр. 166 и слѣд.
- Herschel, On Sensorial Vision въ Familiar Lectures on scientific subjects 1867.
- Hartmann, Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus 1880.
- Henle, Ueber das Gedächtniss in den Sinnen въ Wochenschrift für die gesammte Heilkunde 1838, №№ 18 и 19.
- Th. Laycock. On certain organic disorders and defects of Memory въ Edinburgh Medical Journal 1874, апрѣль.
- Ewald Hering, Ueber das Gedächtniss als eine allgemeine Function der Materie 1870.
- Maury, Des hallucinations hypnagogiques въ Annales médico-psychologiques. 1848, т. XI, стр. 27 и слѣд.
- Baillarger, De l'influence de l'état intermédiaire à la veille

- et au sommeil sur la production et la marche des hallucinations въ Annales Médico-psychologiques 1845, т. IV, стр. 180 и слѣд.
- Burdach, Die Physiologie 1838, т. III, стр. 504 и слѣд.
- Schopenhauer, Ueber das Fundament der Moral. Die beiden Grundprobleme der Ethik 1860.
- Cassina, Saggio analitico sulla compassione 1788.
- Alex. Bain, The Emotions and the Will. 1865.
- Его-же. Mental and Moral Science 1872.
- Herbert Spencer, The Principles of Psychology 1872, т. II, стр. 540 и слѣд.
- Charles Darwin, The Expression of Emotions 1872, стр. 208.
- Reynolds, Discourses т. XII, стр. 100
- Marshall Hall, Practical Observations and Suggestions in Medicine 1846, стр. 29 и слѣд.
- Пассекъ, Воспоминанія въ Русской Старинѣ 1877, т. VII, стр. 466.
- Johannes Müller, Handbuch der Physiologie 1840, т. II, стр. 568, 584 и слѣд.
- John Hunter, Oeuvres complètes 1839, т. I, стр. 386 и слѣд.
- Madden, въ The Lancet 1851, 15 ноября, стр. 471.
- Al. Bain, Les sens et l'intelligence 1874, стр. 301.
- Fechner, Elemente der Psychophysik 1860, т. I и т. II, стр. 450 и слѣд.
- Манасейна, Наблюденія надъ сновидѣніями въ протоколахъ VI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей 1880, стр. 123.
- Aristote, Psychologie traduit par J. Barthelemy Saint-Hilaire 1847.
- Nikolai, въ Berliner Monatsschrift. 1799 май. Его-же, Philosophische Abhandlungen т. I, стр. 58 и слѣд.
- Brach, въ Medicinische Zeitschrift d. Vereine für Heilkunde in Prag 1837, № 5.
- H. Meyer, Physiologie der Nervenfasern 1840, стр. 239 и слѣд.
- Cardanus, De varietate rerum lib. VIII, стр. 160 и слѣд. De subtilitate lib. XVIII, стр. 519 и слѣд.
- Göthe, Beiträge zur Morphologie und Naturwissenschaft im Allgemeinen 1872, т. 14, стр. 427 и слѣд.
- Spiess, Physiologie des Nervensystems vom ärztlichen Standpunkte 1844.

- Maine de Biran, Oeuvres philosophiques 1841, т. 2, стр. 239.
J. J. Rousseau, Discours sur l'origine de l'inégalité стр. 91 и слѣд.
Treviranus, Biologie т. V, стр. 451 и слѣд.
Krafft-Ebing, Ueber gewisse formale Störungen des Vorstellens въ Vierteljahrsschrift für gerichtl. Medicin 1870, т. 12, стр. 133 и слѣд.
Broussais, Lectures on Phrenology въ The Lancet 1837, т. I, стр. 905.
Strümpell, Die Natur und Entstehung der Träume 1874, стр. 125 и слѣд.
Schopenhauer, Ueber den Satz vom zureichenden Grunde 1860.
Leibnitz, Opera philosophica ed. Erdmann. стр. 715.
Fick, Die Welt als Vorstellung 1870.
Wundt, Grundzüge der physiologischen Psychologie 1887 т. II.
Diez, въ Würtemberger medicin. Correspondenz-Blatt, IV, 2, 1841.
Wynter, The Borderlands of Insanity 1875, стр. 271.
Samuel Wilks, On the Faculty of Language and Duality of Mind въ Guy's Hospital Reports 1872, т. 17, стр. 161 и слѣд.
Brown Séquard, въ The Medical and Surgical Reporter 1874, т. 30, стр. 517 и въ The Lancet 1876, т. 2, стр. 75.
Verity, Subject and Object as connected with our Double Brain 1872.
Philip, An experimental Inquiry into the laws of the vital functions 1839, 4-ое издание стр. 208 и слѣд.
Arthur Ladoroke Wigan, The Duality of Mind, 1844.
Macario, Des hallucinations въ Annales Médico-psychologiques 1845, т. VI.
Maury, Nouvelles observations sur les analogies des phenomenes du rêve et d'aliénation mentale въ Annales Médico-psychologiques 1853, т. V. *Его же*, Des certains faits observés dans les rêves et dans l'état intermédiaire entre le sommeil et la veille въ Annales Médico-psychologiques 1857, т. III, *Его же*, Des hallucinations hypnagogiques ou erreurs des sens dans l'état intermédiaire entre la veille et le sommeil въ Annales Médico-psychologiques 1848, т. XI. *Его же*, Le sommeil et les rêves 1861.

- Völkelt, Die Traum-Phantasie 1875.
Hildebrandt, Der Traum und seine Verwerthung für's Leben. 1875.
Siebeck, Das Traumleben der Seele въ Sammlung gemeinverständlicher Vorträge. 1877, тетр. 279.
Hennings, Von den Träumen und Nachtwandlern; 1784.
C. Binz, Ueber den Traum 1878.
Esquirol, Hallucination въ Dictionnaire des sciences médicales 1817.
Liébaull, Du sommeil et des états analogues 1866.
Forbes Winslow, Obscure Diseases of the Brain and Mind 1863.
Moreau, (de Tours), De l'identité de l'état de rêve et de la folie въ Annales Médico-psychologiques 1855, т. I, стр. 373.
Baillarger, въ Annales Médico-psychologiques 1862, т. 8, стр. 358.
Brierre de Boismont, Des hallucinations 1862.
Lémoine, Du sommeil au point de vue physiologique et psychologique 1855.
Condillac, Essai sur l'origine des connaissances humaines sect. I, глава 9.
Johnson, On some nervous disorders въ The Lancet 1875, т. II, стр. 85.
Macario, Des rêves, considérés sous le rapport physiologique et pathologique въ Annales Médico-psychologiques 1848—1847, т. 8 и 9.
Ideler, Ueber die Entstehung des Wahnsinns aus Träumen въ Charité-Annalen, 1862, т. 3, стр. 284.
Russel, A description of thoughts having suicide for their subject въ The British Medical Journal 1879, 22-го октября, стр. 271.
Diderot, Oeuvres complètes 1875, т. 4, стр. 303.
Brach, Ueber die Bedeutung des körperlichen Gefühls im gesunden und kranken Zustande въ Rust's Magazin für die gesammte Heilkunde 1842, т. 17, стр. 333 и др.
Lotze, Medicinische Psychologie 1852, стр. 488 и др.
Taine, De l'intelligence 1870, т. I, стр. 150 и слѣд.
Carpenter, Principles of Mental Physiology 1874, стр. 584 и слѣд.
Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten 1879, т. 9, тетр. 2, стр. 233 и слѣд.

- Harley, Autoclinical Remarks on Injury to the Retina from Overwork with the Microscope въ The Lancet 1868, 1-го февраля.
- Panum, Die scheinbare Grösse der gesehenen Objecte въ Graefe's Archiv für Ophthalmologie 1859, т. 5, I, стр. 16 и слѣд.
- Schröder van der Kolk, Seele und Leib in Wechselbeziehung zu einander 1865, стр. 110 и слѣд.
- Nudow, Versuch einer Theorie des Schlafs. 1791, стр. 129 и слѣд.
- Laurent, Notice sur un éphialte qui a attaqué à la fois un bataillon du regiment de la Tour d'Auvergne въ Journal général de Médecine, de Chirurgie et de Pharmacie 1818, т. 63, стр. 17 и слѣд.
- Moreau de la Sarthe, Rêves въ Dictionnaire des sciences médicales 1820.
- Falret, Des maladies mentales 1864.
- Judée, De l'état de rêve въ Gazette des Hôpitaux 1856.
- Guéniot, D'une hallucination du toucher ou hétérotopie subjective des extrémités particulière à certains amputés въ Journal de la Physiologie 1861, т. IV.
- Frölich, Ueber den Schlaf. Berlin 1821.
- Davidson, Versuch über den Schlaf 1799. Berlin.
- Herrmann, Ueber die Bildung der Gesichtsvorstellungen aus Gesichtsempfindungen 1835.
- Valentin, въ Repertorium für Anatomie und Physiologie 1837, т. I, тетр. 4. *Ею-же* въ Neue Annalen von Hecker 1836, т. III, стр. 291 и 597 и слѣд.
- Baczko, Ueber mich selbst und meine Unglücksgefährten die Blinden 1807.
- Neumann, Pathologische Untersuchungen als Regulative des Heilverfahrens 1842, т. 2, стр. 129 и слѣд.
- Spitta, Die Schlaf und Traumzustände der menschlichen Seele 1878.
- Moritz, въ Magazin für Erfahrungsseelenlehre т. IV, статья 2-я, стр. 88 и слѣд.
- Radstock, Schlaf und Traum. 1879.
- Schubert, Geschichte der Seele стр. 420 и слѣд.
- Lindemann, Die Lehre vom Menschen 1844, стр. 404 и слѣд.
- Abercrombie, Inquiries concerning the Intellectual Powers 1840, стр. 283 и слѣд.

- Hammond, Sleep and its derangements 1873, стр. 115 и слѣд.
- Hewitt Watson, What is the Use of the Double Brain? въ The Phrenological Journal т. 9, стр. 608 и слѣд.
- Herbart, Sämmtliche Werke т. 5, стр. 541 и слѣд.
- Scherner, Das Leben des Traumes 1861.
- Serguéyeff, Physiologie de la Veille et du Sommeil. Paris 1890, т. I и II.
- Tissié, Les Rêves, physiologie et pathologie. Paris 1890.
- Delboeuf, въ Revue philosophique 1879, октябрь.
- Heerwagen, Statistische Untersuchungen über Träume und Schlaf въ Philosophische Studien 1888, т. 5, тетр. 2.
- Борисъ Оксъ, Физиологія сна и сновидній. Одесса 1880.
- Оршанскаго, Сонъ и бодрствованіе. Петербургъ 1878.
- Nelson, въ American Journal of Psychology т. I, вып. 3.
- Macario, въ Gazette médicale de Paris 1888—1889.
- *** Les rêves et les moyens de les diriger. 1867 Paris.
- Fucker, Light of Nature pursued 1805, т. I.
- Hill, Examination of Sir William Hamilton's Philosophy стр. 285 и слѣд.
- Maudsley, The Physiology and Pathology of Mind 1868, стр. 13—29 и стр. 138 и слѣд. *Ею-же*, Body and Will, 1883.
- Griesinger, Die Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten 1861, стр. 26.
- Brodie, Psychological Inquiries 1865, ч. I, стр. 20 и 128.
- Wundt, Vorlesungen über die Menschen und Thierseele 1863, т. 2.
- Hartmann, Philosophie des Unbewussten. 8-е издание.
- Lange, Geschichte des Materialismus 1875, т. 2, стр. 447.
- W. Preyer, Naturwissenschaftliche Thatsachen und Probleme 1880.
- Münsterberg, Die Willenshandlung 1888.
- Lord Brougham, Discourse of Natural Theology 1840.
- Brentano, Psychologie vom empirischen Standpunkte 1874, стр. 180.
- Helmholtz, Physiologische Optik. стр. 337.
- Jessen, въ Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie 1865, т. 22.
- Kant, Kritik der reinen Vernunft.
- A. Weissmann, Die Continuität des Keimplasma's als Grund-

lage einer Theorie der Vererbung 1885. *Ею же* Ueber die Dauer des Lebens 1882. *Ею же*, Ueber die Vererbung 1883. Elsberg, въ Proceedings of the American Association 1874. Nägeli, Mechanisch-physiologische Theorie der Abstammungslehre 1884. Em. Roth, Die Thatsachen der Vererbung. 1885. P. Loti, Le livre de la pitié et de la mort 1891. См. Rêve. Ribot, Das Gedächtniss und seine Störungen 1882.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Вмѣсто предисловія: Наука и популяризація ея. 1—LXVII

I. Физиологія сна.

Любовь человѣчества къ чудесному 2—3. Сновидѣнія какъ внушенія злыхъ или добрыхъ гениевъ 4. Измѣненіе дыханія во время сна 6—7. Измѣненіе газообмѣна 7. Замедленіе пульса 9—10. Расширеніе сосудовъна поверхности тѣла 9—10. Суженіе сосудовъ головного мозга во время сна 11. Потливость во время сна 12. Пищевареніе и дѣятельность другихъ внутреннихъ органовъ 12—13. Состояніе крови 14. Состояніе периферической нервной системы и спиннаго мозга 16 — 18, 20 — 21. Состояніе мышечной системы 19. Измѣренія глубины сна 21 — 22. Состояніе головного мозга во время сна 22—27. Локализирующія теоріи сна 27—28. Сосудодвигательная теорія сна 28—32. Химическія теоріи сна 32—33. Что такое зъвота 35. Психофизиологическая теорія сна 36. Отсутствіе сна у животныхъ лишенныхъ головного мозга 37. Сонъ дѣтей, дикарей 36—37. Наблюденія надъ Каспаръ Гаузеромъ 39. Сонъ стариковъ 39—40. Продолжительность сна у Гумбольдта, Мирабо, Шиллера, Фридриха Великаго и Наполеона I 41. Сонъ въ качествѣ не нужной и вредной привычки 41. Опыты надъ отсутствіемъ сна 42. 1— 43
Литературные источники 44— 49

II. Болѣзненные измѣненія сна.

Прерывистый и непродолжительный сонъ 50—51. Условія безсонницы 52—58. Приливы крови къ головному мозгу 53. Малокровные больные часто не могутъ спать

лежа 54 — 56. Безосознательное состояние исключает возможность бессонницы 57. Болеутоляющая или наркотическая средства 59 — 61. Обморочное состояние 61. Сонливость 62 — 66. Значение ощущений для сознания 64—65. Влияние дня и ночи на голодающих 66. Зимняя спячка 67. Лѣтняя спячка 68. Спячка у людей 69—78. Эпидемия спячки в Африкѣ 69. Ослабление обмена при спячкѣ 70. Нарколепсія 71. Случай съ Наполеономъ I 74. Лѣчение спячки 75 — 77. Отсутствие сновидѣній при спячкѣ 76. Судорожные болѣзни, связь ихъ со сномъ 79, связь ихъ съ малымъ развитіемъ 80. Сознаніе и вниманіе 83—86. Однообразіе, вредъ его 87—88. Гипнотизація удается тѣмъ чаще и легче, чѣмъ больше преобладаетъ спинно-мозговой типъ среди людей 89—93. Подражательность, связь ея съ рефлексомъ 91—93. Сомнамбулизмъ, или луватизмъ, связь его съ недостаточной мышечной работой 94. Автоматизмъ 95—97. Раздвоение сознанія 98 — 100. Замяна одного полушарія другимъ во время сна 100—101. Раздробленіе сознанія повидимому на шесть отдѣльныхъ состояній 102. 50—102
Литературные источники 103—111

III. Гигіена сна.

Количество сна 112—115. Качаніе понижаетъ температуру тѣла 113 — 114. Условія, ведущія къ излишнему сну у стариковъ 115. Условія, ведущія къ бессонницѣ у стариковъ 116. Какъ бороться съ сонливостію 117, 126—128. Вредъ излишняго сна 118—125. Альбуминурия 120—121. Ночные или сонные параличи 122. Желчные камни 123. Мочевые камни 123. Залоры 123—125. Какъ бороться съ бессонницей 129 — 133. Ванны, пузырь съ холодной водой и обертыванія 130 — 131. Ужины 131. Переполненіе пищеварительныхъ органовъ вредно 131 — 133. Устраненіе свѣта 133. Вліяніе свѣта 134 — 135. Слѣдуетъ-ли вообще завѣшивать окна спальни 136. Вентиляція спальни и температура въ ней 137—141. Положеніе тѣла во время сна 142—146. Условія сна людей, ухаживающихъ за больными 146 — 147. Переходы изъ одного положенія въ другое 147—148. Когда слѣдуетъ вставать и когда ложиться спать 148—151. Провѣтриваніе постели и качества ея 152. Привычка дышать

ртомъ 152. Вздрагиванія во снѣ и сновидѣнія о паденіи 153. Значеніе сна для больныхъ 154 — 155. Когда больнымъ опасно спать слишкомъ долго 155—156. Потливость чахоточныхъ во время сна 157. Сердечные больные, чѣмъ отличается ихъ сонъ отъ нормальнаго 158 — 159. Вліяніе куренія и спиртныхъ напитковъ на сонъ 159. Просонки 160—161. 112—163
Литературные источники 164—168

IV. Психологія сна.

Во время сна человекъ погружается въ свой собственный психическій міръ 169. Границы естественно-научныхъ способовъ изслѣдованія и недостаточность ихъ для выясненія психической жизни человека 170 — 172. Необходимость субъективныхъ самонаблюденій 173. Равенство людей во время сна 174. Память какъ основа наследственности 175. Собственная жизнь нервно-мозговыхъ приборовъ 175—185. Субъективные зрительные явленія 176 — 179. Слуховыя субъективные явленія 179 — 180. Вліяніе покоя на органы ощущенія 181. Субъективная жизнь другихъ органовъ ощущенія 182. Основы состраданія 183. Явленія стигматизація 185. Диффузія чувствъ 185 — 187. Исходная точка каждаго чувства есть рефлексъ 188. Значенія собственной или субъективной жизни нервно-мозговыхъ приборовъ 189. Основы сновидѣній 190. Преобладаніе зрительныхъ сновидѣній 191. Зависимость сновидѣній отъ личнаго развитія людей 192. Глубокій сонъ не совмѣстимъ съ обиліемъ сновидѣній 194. Вліяніе возраста на сновидѣнія 195. Словесная рѣчь въ сновидѣніяхъ 195. Дейтероскопія во снѣ и на яву 196. Вліяніе наследственности на сновидѣнія 197. Воспоминаніе сновидѣній 198 — 199. Видѣніе сонныхъ грѣзъ послѣ пробужденія 201 — 202. Сновидѣнія оставляютъ въ свою очередь слѣды 203. Рефлекторный характеръ вниманія во время сна 203. Законъ достаточной причины почти совершенно бездѣйствуетъ во время сна 204—206. Мы рѣдко удивляемся во снѣ 207. Разница между сномъ и бодрствованіемъ ступенчато вытекаетъ при слабости сознанія 207. Двойственность сознанія 208. Почему горе забывается во время сна 209. Благодѣтельное вліяніе сновидѣній

210. Связь сновидѣній съ галлюцинаціями	211.
Внѣшнія ощущенія противодѣйствуютъ субъективной жизни	
нервно-мозговыхъ приборовъ	212—214.
Вліяніе кровотока	
обращенія на галлюцинаціи	214.
Общія многимъ людямъ	
сновидѣнія	215.
Законъ ассоціаціи во время сна	216—217.
Отсутствіе сновидѣній	218, 223—224.
Атавистическія сновидѣнія	219—221.
Для запоминанія сновидѣній	
нуженъ навѣкъ	221—222.
Научныя занятія мѣняютъ	
характеръ сновидѣній	223.
Страшныя и уродливыя сновидѣнія	
преобладаютъ надъ пріятными и красивыми	223.
Сновидѣнія у слѣпыхъ, глухихъ и нѣмыхъ	224—225.
Сновидѣнія у безрукихъ и безногихъ уродовъ и у ампутированныхъ	226—227.
Первое появленіе сновидѣній	228.
Значеніе сновидѣній при воспитаніи дѣтей	228—229.
Польза сновидѣній	229—230.
Откуда явилась поговорка „утро вечера мудренѣе“	231.
Вѣщія или пророческія сновидѣнія	231—235.
Чувство предсуществованія	236—237.
Непрерывность сознанія	238 169—238
Литературные источники	239—246

